

ISSN 1999-625X

№ 2(89)

**ИЮНЬ
2023**

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ОМСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

В НОМЕРЕ:

- О необходимости совершенствования деятельности по предупреждению актов химического терроризма
- Справочно-вспомогательные средства доказывания в уголовном судопроизводстве
- Три кита негласного правоприменения
- Тюремная «прописка», буддийские коаны и законы формальной логики

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 29

№ 2(89) апрель – июнь 2023 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 29**

No. 2(89) april – june 2023

Has been published quarterly since June 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences,
philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук
(Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
Л. М. Прокументов, доктор юридических наук,
профессор (Томск, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
О. В. Арефьева — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
П. В. Векленко, доктор философских наук
(Санкт-Петербург, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

- А. М. Джоробекова**, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
М. С. Десятов, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)
В. Е. Квашиш, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
К. Ляковская, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. А. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турышев, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
В. В. Хиллута, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)
Ф. Р. Шарифзода, доктор юридических наук, доцент
(Душанбе, Республика Таджикистан)

Вниманию подписчиков!

41927 — в Объединенном каталоге «Пресса России». Том I Газеты и журналы

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор **Д. С. Рудьман**

Редактирование **О. В. Арефьева**

Корректурa **Л. И. Замулло**

Компьютерная правка и верстка **П. В. Ярославцева**

Перевод **Ю. И. Алферова**

Авторы эмблем **Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц**

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 29.06.2023. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 9,1. Усл. печ. л. 10,2. Заказ № 164.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2023

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, PhD in Political Sciences
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor
(Tomsk, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
O. V. Arefeva — *assistant editor* (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
P. V. Veklenko, Doctor of Philosophy
(St. Petersburg, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk,
Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)

- A. M. Dzhorobekova**, Doctor of Law, Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)
Desyatov M. S., Doctor of Science in Law, Associate-Professor
(Omsk, Russia)
O. A. Diser, Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod, Russia)
V. Ye. Kvashis, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
N. A. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor
(Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor
(Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
D. S. Rudman, PhD in Law, Associate Professor —
editor-in-chief (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshchev, PhD in Law, Associate Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, Doctor of Law, Associate Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor
(Tomsk, Russia)
F. R. Sharifzoda, Doctor of Science in Law, Associate-Professor
(Dushanbe, the Republic of Tajikistan)

For Subscribers

41927 — in Unified catalogue «Russia's Press». Vol. I Newspapers and Journals

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*

Editing and Proofreading *O. V. Arefeva*

Proofreading *L. I. Zamullo*

Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*

Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Price not fixed.

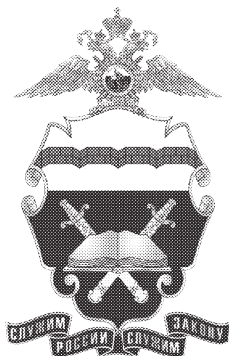
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 29.06.2023. Circulation 100 items. Published sheets 9,1. Printed sheets 10,2. Order No. 164.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2023

№ 2(89) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2023

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	Counteracting Delinquent Behaviour
Кобец П. Н. О необходимости совершенствования деятельности по предупреждению актов химического терроризма	93 Kobets P. N. On the Necessity of Improving Activity related to Prevention of Chemical Terrorism
Унукович А. С. Меры предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в отношении граждан	98 Unukovich A. S. Measures to Prevent Crimes against a Person committed via Information and Telecommunication Technologies
Шаганова О. М. Особенности квалификации клеветы, совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»	103 Shaganova O. M. Peculiarities of Qualifying Defamation committed in Public via Informational Telecommunication Networks including the Internet
Басханов А. М. Отнесение публичного оправдания терроризма к институту прикосновенности к преступлению: критический анализ	109 Baskhanov A. M. Attributing Public Justification of Terrorism to the Institute of Relation to a Crime: Critical Analysis
Первухин А. С. Особенности объекта составов преступлений, предусмотренных ст. 264 ² УК РФ	112 Pervukhin A. S. Peculiarities of the Object in Crimes provided for by Art. 264 ² of the criminal Code of the Russian Federation
Россинский С. Б., Расулова Н. С. Справочно-вспомогательные средства доказывания в уголовном судопроизводстве	118 Rossinsky S. B., Rasulova N. S. Reference Supplementary Means of Proving in Criminal Proceedings
Козловский П. В., Земляничин Е. И. Прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей	124 Kozlovsky P. V., Zemlyanitsin E. I. Termination of Criminal Prosecution due to the Expiration of a Statutory Limitation period for Bringing to Criminal Responsibility when Considering a Criminal Case by a Jury Trial
Тумасян А. С. Отмена постановления о прекращении уголовного дела по судебному решению, принимаемому в порядке ст. 125 УПК РФ	128 Tumasyan A. S. Cancellation of the Ruling on Termination of the Criminal Case by a Court Decision adopted in accordance with Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation
Гусев В. А., Луговик В. Ф. Проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, подвергнутых административному задержанию или административному аресту	134 Gusev V. A., Lugovik V. F. Operational Crime Detection Measures against Persons Subject to Administrative Detention and Administrative Arrest
Буряков Е. В. Лица, скрывающиеся от органов дознания, следствия и суда: проблемы объявления в розыск	139 Buryakov E. V. Persons Fleeing from the Bodies of Inquiry, Investigation and Trial: Problems of Including into the List of Wanted Persons
Сыромолотов В. Б. К вопросу о принципе конспирации в оперативно-розыскной деятельности	143 Syromolotov V. B. To the Question of Secrecy in Operational Crime Detection
Право и государство	Law and State
Десятов М. С. Три кита негласного правоприменения	148 Desyatov M. S. Three Pillars of Undercover Law Enforcement
Жиляев А. В. Промежуточные итоги реформы территориальных основ местного самоуправления в России	153 Zhilyaev A. V. Intermediate Results of the Reform of the Territorial Foundations of Local Self-Government in Russia
Ткачёва Е. С. Конституционные права личности в досудебном производстве по уголовным делам: классификация и способы ограничения	158 Tkatcheva E. S. Constitutional Rights of a Person in Pre-Trial Proceedings on Criminal Cases: Classification and Means of Restriction
Диссертационный процесс	Dissertation Process
Шеслер А. В. Отзыв официального оппонента на диссертацию Д. Г. Кишенькова «Предупреждение преступлений, совершаемых в студенческой среде»	164 Shessler A. V. Official Opponent Review of the Dissertation «Prevention of Crimes committed in Youth Environment» prepared by Kishenkov D. G.
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский инструментарий	Philosophical Toolkit
Пономарев С. Б. Тюремная «прописка», буддийские коаны и законы формальной логики	168 Ponomarev S. B. Prison «Registration», Buddhist Koans and the Laws of Formal Logic
Информация для авторов	174 Information for Authors

УДК 343.9

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-93-97

5.1.4. Уголовно-правовые науки

О необходимости совершенствования деятельности по предупреждению актов химического терроризма

Петр Николаевич Кобец

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник
Центра организационного обеспечения научной деятельности¹,

✉ pkobets37@rambler.ru

¹ ВНИИ МВД России (Москва, Россия)

Статья посвящена актуальным проблемам противодействия актам химического терроризма, угрозы которых в условиях начала нового тысячелетия все чаще стали исходить от международных террористических группировок. В работе сделан акцент на глобальных проблемах международного химического терроризма. В частности, утверждается, что в процессе исследования борьбы с химическим терроризмом важно акцентировать внимание на особенностях этого феномена, позволяющего рассматривать проблему противодействия химическому терроризму как исключительно самостоятельную. Автор предложил меры, направленные на совершенствование деятельности по предупреждению актов химического террора. Последнему следует противопоставлять особые виды решений, основанные на передовых возможностях и технологических новшествах, способные не только активно противодействовать данному виду террора, но также при возникновении чрезвычайных ситуаций устранять его возможные последствия. Новизна проведенного исследования выражается в авторском анализе мер, направленных на предупреждение актов химического терроризма.

Ключевые слова: террористическая преступность, трансформация терроризма, химический терроризм, террористические угрозы, меры профилактики, комплексный подход, противодействие химическим терактам

Для цитирования: Кобец П. Н. О необходимости совершенствования деятельности по предупреждению актов химического терроризма // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 93–97.

On the Necessity of Improving Activity related to Prevention of Chemical Terrorism

Petr N. Kobets

Doctor of Science (in Law), Professor, senior researcher of the Centre of Organizational Provision of the Research Activity¹,

✉ pkobets37@rambler.ru

¹ NRI of the Ministry of Interior of Russia (Moscow, Russia)

The paper dwells on the relevant problems of counteracting acts of chemical terrorism, threats of which under conditions of the new millennium increasingly began to originate from international terrorist groups. The emphasis is placed on the global problems of international chemical terrorism. In particular, it is stated that in the process of studying the struggle against chemical terrorism it is essential to focus on the peculiarities of this phenomenon, which helps to consider the problem of tackling chemical terrorism as an exceptionally separate one. The measures suggested by the author are assigned to improve the activity in the field of prevention of chemical terrorism. The latter should be tackled with leading-edge facilities

and technologies that not only can actively counteract this type of terrorism but also eradicate its possible consequences in cases of emergency.

Keywords: terrorist criminality, transformation of terrorism, chemical terrorism, terrorist threats, preventive measures, complex approach, counteracting chemical terrorist acts

Citation: Kobets P. N. On the Necessity of Improving Activity related to Prevention of Chemical Terrorism. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 93–97 (In Russ.).

В конце XX столетия различные инциденты с применением химических веществ стали происходить все чаще. В то же время нельзя не отметить, что акты химического терроризма в мировой практике нового тысячелетия также были отмечены многократно, а их последствия становились все более удручающими. Большинство из подобных террористических актов, совершенных за последние несколько десятилетий, отличались тем, что при этом страдало мирное население. Наибольшей опасностью обладали рассматриваемые теракты при большом скоплении людей, для проведения которых террористами комплексно применялись взрывные устройства с использованием высокотоксичных веществ. Как показывает практика, в большинстве своем акты химического терроризма, в отличие от актов биотерроризма (характеризуются длительным и скрытым характером), совершались в тех случаях, когда требовалось получить токсикологический эффект в короткий временной промежуток. Поскольку биохимический терроризм сегодня находится в стадии усиленного формирования, нашей стране следует быть подготовленной к быстрому и эффективному противодействию возможным террористическим атакам с использованием как известных, так и качественно новых поражающих химсредств, так как их потенциально опасные поражающие возможности не могут долгое время оставаться невостребованными международными террористическими организациями и отдельными фанатиками-террористами.

Вне сомнения, факты использования химического вооружения странами могут быть и непреднамеренными, в том числе спровоцированными третьей стороной. При этом третьей стороной обязательно выступит международная террористическая организация, это сделает возможным развязывание рук агрессорам. Несмотря на то что сегодня опасения ведения глобальных войн с использованием химического вооружения сводятся к минимуму, события второй половины второго десятилетия XXI столетия показали, что применение оружия массового поражения

являлось одной из форм разрешения непримиримых противоречий не только между отдельными группами, но и между государствами [1, с. 399].

Сегодня этим совершенным фактам террора имеются многочисленные подтверждения, а также и публичные заявления, высказанные лидерами международных террористических организаций, занимающихся преступной деятельностью в ряде стран, в том числе Сирийской Арабской Республике, Республике Ирак, Государстве Ливия. Поэтому в настоящее время противодействие актам химического терроризма превращается в необходимый элемент обеспечения не только системы национальной, но и коллективной безопасности [2, с. 178]. Мировая практика показала, что международные террористические организации не будут останавливаться ни перед чем, выбирая средства воздействия. Ими и ранее неоднократно уже было использовано оружие массового поражения.

После совершенных в июле 2022 г. террористических актов Вооруженных Сил Украины с использованием компонентов отравляющих химвеществ против российских военнослужащих и мирного населения стало очевидно, что подобные террористические атаки могут повториться в любое время на территории Российской Федерации¹. Актуальность данной проблемы во многом подтверждается особым вниманием руководства нашей страны к подобным террористическим угрозам. Так, выступая 21 декабря 2022 г. на итоговой коллегии Минобороны Российской Федерации, Президент Российской Федерации В. В. Путин заявил, что практика террора на Украине использовалась беззастенчиво и нагло². А чуть раньше, в октябре 2022 г. В. В. Путиным особо отмечалось, что нападения на объекты Запорожской атомной электростанции со стороны Вооруженных Сил Украины — это проявления атомного терроризма³.

Встречаясь с руководителями органов безопасности и спецслужб государств — участников Содружества Независимых Государств 26 октября 2022 г., В. В. Путин акцентировал внимание на том, что за-

¹ Минобороны рассказало о химатаке против российских военных в Запорожской области. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2022/08/20/18371276.shtml?ysclid=l73as8vymo283031820> (дата обращения: 26.12.2022).

² Путин: на Украине беззастенчиво и нагло использовалась практика террора. URL: <https://yandex.ru/turbo/tvzvezda.ru/s/news/202212211557-yEm7A.html> (дата обращения: 26.12.2022).

³ Путин обвинил Украину в атомном терроризме. URL: <https://yandex.ru/turbo/news.ru/s/vlast/putin-obvinil-ukrainu-v-atomnom-terrorizme/> (дата обращения: 26.12.2022).

прещенные в Российской Федерации террористические организации (ИГИЛ, Аль-Каида и ряд других) могут представлять немалую опасность для наших стран, так как они формируют в государствах СНГ законспирированные ячейки, концентрируют группы боевиков у границ с республиками Центральной Азии. Поэтому для решения задач борьбы с терроризмом необходимо мобилизовать все имеющиеся силы и средства, использовать накопленный опыт⁴. Поздравляя сотрудников спецслужб с Днем работника органов безопасности 20 декабря 2022 г., Президент Российской Федерации особо отметил, что «среди главных приоритетов работы всех спецслужб, и прежде всего ФСБ, остается борьба с терроризмом»⁵.

Анализируя современные черты терроризма, специалисты-террологи отмечают его кардинальное изменение в течение последних нескольких лет. В частности, ими подчеркивается изменение в выборе международными террористами насильственных устрашающих средств, используемых в процессе совершения террористических атак. Все чаще ими делаются заявления о возможном применении химического оружия, поскольку у него, в отличие от обычных видов оружия, высокая токсичность, большой радиус действия и поражающего эффекта [3, с. 37].

В процессе исследования химического терроризма важно акцентировать внимание на особенностях это феномена, позволяющих рассматривать проблему противодействия ему как исключительно самостоятельную. Выбор террористами химических компонентов в качестве основы для совершения терактов определяют следующие моменты: последствия актов химического терроризма могут быть длительными и даже долгосрочными; численность пострадавших после использования опасных химических агентов из-за отсутствия необходимой защиты может возрастать; психологическое потрясение общества вследствие теракта с использованием опасных химических агентов окажется более сильным, чем от обычного взрывного устройства.

Как отмечают отечественные эксперты, наличие данных тактико-технических характеристик у рассматриваемого вида оружия значительно расширяет диапазоны и объекты вероятных акций химического терроризма, поскольку применять такой вид оружия можно скрытно, задавая необходимые масштабы и эффекты, а также массово отравляя источники питьевой воды, создавая атмосферу бедствия и коллапса [4, с. 26]. Вероятность использования международными террористическими группировками рассматриваемого вида оружия перестает быть предполагаемой, поскольку боевые действия в Сирийской

Арабской Республике, а также других государствах продемонстрировали возможности использования химического вооружения и его составляющих элементов [5, с. 32]. Данный вид вооружения благодаря своим свойствам — относительной легкости изготовления, транспортировки, разнообразным способам использования, скрытности — наиболее привлекателен для террористов.

Таким образом, в дальнейшем проявления терроризма «в большинстве своем основанные на диверсиях, похищениях людей, захвате транспортных объектов и средств, жилых и общественных помещений, все чаще будут связаны с использованием химических поражающих веществ и агентов» [6, с. 314]. Однако в настоящее время недостаточно информационных данных, которые бы с большой вероятностью и определенностью освещали проблематику химического терроризма. Во многом это обусловлено рядом объективных обстоятельств, среди которых — востребованность в высококласных специалистах в рассматриваемой сфере, необходимость широкого использования уникальных средств для индикации новых опасных химических веществ, а также отсутствие положительного практического опыта работы и исследовательского опыта в сфере противодействия химическому терроризму.

Все вышеперечисленные условия влияют на возможность определения того, в каких местах и за счет каких средств может осуществляться поражение населения химическими опасными веществами, а также при каких именно процессах (естественных, техногенных, терактах) происходит токсическое поражение населения и какими именно химическими веществами. Перечисленные проблемы в настоящее время реально существуют. Их необходимо оперативно решать на различных уровнях гражданского жизнеобеспечения, поскольку рассматриваемые вопросы являются важнейшей составляющей общегосударственной системы обеспечения безопасности страны.

В начале нового тысячелетия проявления международного химического террора стали основной опасной разновидностью транснациональной угрозы существованию и развитию современного общества. Активное проявление лидирующей позиции международных сторонников данной преступности ставит перед отечественными правоохранителями задачу не только актуализации борьбы с химическим терроризмом, изменения в кратчайшие сроки концептуальных подходов к традиционной системе противодействия рассматриваемому феномену. Необходимы особые подходы и решения, основанные

⁴ URL: <https://www.fontanka.ru/2022/10/26/71768063/> (дата обращения: 26.12.2022).

⁵ URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/70146> (дата обращения: 26.12.2022).

на передовых возможностях и технологических новшествах, способные не только активно противодействовать данному виду террора, но также при возникновении чрезвычайных ситуаций устранять его возможные последствия.

Современный химический терроризм постоянно трансформируется, вследствие чего противодействовать ему становится все сложнее. Так, трудности в процессе выявления превентивных, социальных и политических мотиваций химической террористической угрозы во многом обусловлены отсутствием таких информационных данных, как причины рассматриваемых терактов, их заказчики, масштаб, основные цели, состав террористических групп, объекты атак, пути доставки террористов и др. Сложность противодействия данным угрозам во многом обусловлена глубокой конспирацией в процессе подготовки и совершения террористического акта. Усиливая эффект успешно проведенных атак, злоумышленники стремятся сами огласить информацию о происшествии, а в случае неудачных исходов скрыть ее [7, с. 6].

Террористы используют, практически, партизанские методы ведения военных действий: без правил, тайные и беспощадные. Акт терроризма тщательно готовится, выбираются средства и методы, отработывается хронометраж. Как полагают эксперты, большинство готовящихся террористических актов возможно пресекать, если активно проводить все необходимые организационные, в первую очередь режимные мероприятия, направленные на перекрытие возможных каналов доставки химических средств для них [8, с. 291].

Одной из основных задач противодействия террористическим угрозам должна стать подготовка к ликвидации возможных последствий в случаях угрозы химического терроризма, основанной на комплексе спецмероприятий, осуществляемых для ослабления максимального поражающего эффекта, снижения людских и материальных потерь, предотвращения использования действий вторичного источника [9, с. 11].

Поскольку террористские атаки, совершенные с использованием высокотоксичных химических средств, могут быть очень разнообразны, как и условия их воздействия на человеческий организм,

субъектам борьбы с рассматриваемым явлением для эффективного противодействия необходимы специальные знания, соответствующий уровень специальной подготовки.

Помимо совершенствования законодательной базы в сфере борьбы с химическим террором [10, с. 58], следует провести ряд научных исследований, на основе которых разработать «предложения в целях создания перспективных технических и медицинских средств защиты человеческого организма от нового вида поражающих факторов различной химической природы» [11, с. 60].

Важно разработать комплекс мер по выполнению государственных задач, сформулированных в документе по стратегическому планированию в сфере обеспечения национальной безопасности нашей страны, — *Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу*. Приоритетными задачами являются: антитеррористическая деятельность; обеспечение безопасными продуктами питания и лекарственными средствами; обеспечение населения средствами индивидуальной и коллективной защиты, медицинскими средствами защиты, в том числе вакцинами и антидотами»⁶.

В заключение хотелось бы отметить, что опасность совершения международными террористическими организациями актов химического терроризма можно минимизировать, обеспечивая необходимый и достаточный уровень национальной безопасности нашей страны и прикладывая для этого все необходимые усилия. В целях реального и активного противодействия химическому террору необходимо добиться привлечения различных сил и средств большинства государственных субъектов борьбы с рассматриваемым видом угрозы. Кроме того, эффективная защита химической безопасности государства может быть обеспечена на основе и посредством совершенствования научно-исследовательской деятельности, а также специальной подготовки сотрудников правоохранительных структур и соответствующих ведомств, принимающих участие в антитеррористической работе.

Список литературы

1. Смурыгин А. В., Ежов Р. Г., Кочетов Р. А. Основные проблемы противодействия угрозе терроризма с применением оружия массового поражения // *Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций*. 2019. № 1(10).
2. Смурыгин А. В., Бакин Э. Н. Особенности ведения радиационной, химической и биологической разведки // *Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций*. 2017. Т. 1.

⁶ Об *Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу* : указ Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Коробов А. А.* Современные тенденции развития международного терроризма // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2020. № 2(51).
4. *Коробов А. А.* О некоторых социально-экономических аспектах международной эскалации терроризма : монография. Орел, 2018.
5. *Гришин В. И., Гришина О. А., Яблочкина И. В. [и др.]*. Сирийский геополитический излом. Роль России в нейтрализации террористической угрозы ИГ // Информационно-аналитический вестник. Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. М., 2015.
6. *Дрига В. Г., Боева С. Е.* Обоснование возможности применения химических поражающих агентов в современных условиях // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2016. № 1-1(7).
7. *Шаталов Э. В., Шанешкин В. А., Бендик В. М.* Терроризм в постиндустриальном обществе // Военная мысль. 2012. № 4.
8. *Пашкова В. А., Бондарь Н. В., Коротеев А. Ю.* Некоторые особенности форм и методов совершения террористических актов // Актуальные проблемы естественнонаучного образования, защиты окружающей среды и здоровья человека. 2016. Т. 4. № 4.
9. *Рачеев В. Г.* О некоторых нетрадиционных особо опасных формах ведения современной вооруженной борьбы // Проблемы безопасности : электронный научный журнал. 2013. № 1(19).
10. *Кобец П. Н.* Совершенствование правовых основ в сфере противодействия химическому терроризму // Научный портал МВД России. 2022. № 2(58).
11. *Качалов В. В., Баранчикова М. В.* Терроризм как глобальная проблема современности // Наука и практика. 2015. № 2(63).

УДК 343.983.22

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-98-102

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Меры предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в отношении граждан

Антон Станиславович Унукович

преподаватель кафедры криминологии и профилактики преступлений¹, ✉ unukovich94@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Одной из основных особенностей преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационном пространстве, является разнообразие их жертв. Граждане, в отличие от организаций, обладают повышенной виктимностью в контексте киберпреступности в связи с тем, что имеют значительно меньше ресурсов для защиты от данных преступлений. Автором выделяются 4 группы населения, и в соответствии с особенностями этих групп предложены определенные меры предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, киберпреступность, виктимность, предупреждение

Для цитирования: Унукович А. С. Меры предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в отношении граждан // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 98–102.

Measures to Prevent Crimes against a Person committed via Information and Telecommunication Technologies

Anton S. Unukovich

Lecturer at the chair of Criminology and Prevention of Crime¹, ✉ unukovich94@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

One of the main features of crimes committed in the information and telecommunication space is the diversity of their victims. Citizens, unlike organizations, have higher risks of victimization with regard to cybercrime due to the fact that they have significantly fewer resources to protect themselves from these crimes. The author identifies four groups among population, and in accordance with the characteristics of these groups, proposes certain measures to prevent crimes committed via information and telecommunication technologies.

Keywords: information and telecommunication technologies, cybercrime, victimization, prevention

Citation: Unukovich A. S. Measures to Prevent Crimes against a Person committed via Information and Telecommunication Technologies. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 98–102 (In Russ.).

Совокупность преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ), представляет собой сложный социальный феномен, обладающий специфическими, не характерными для других видов преступлений, чертами, такими как: невозможность совершения преступления в виртуальном пространстве без использования ИТТ; широкая доступность в информационно-телекоммуникационном пространстве инструментов для совершения преступлений; разнообразие жертв, обеспечиваемое использованием ИТТ различными демографическими, социальными, профессиональными и другими группами населения; повышенная скрытность, гарантированная спецификой сетевого информационно-

телекоммуникационного пространства, современными механизмами анонимности, сложностью инфраструктуры, отсутствием свидетелей и очевидцев преступления, отсутствием возможности визуального наблюдения и фиксации доказательств совершенных преступлений; общность объекта преступных посягательств, совершаемых с использованием ИТТ, — информация, содержащаяся в виртуальном пространстве.

Виктимологический критерий преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, имеет важное значение в связи с тем, что достаточно сложно оценить темпы роста преступности данного вида, а криминализация различных составов преступлений, учитывающих степень общественной опасности того

или иного киберпреступления, происходит именно от виктимологического критерия [1, с. 4–7].

Основное отличие виктимологических аспектов, касающихся юридических и физических лиц, заключается в том, что граждане обладают повышенной виктимностью в связи с тем, что имеют значительно меньше ресурсов для защиты от преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Граждане также заинтересованы в собственной защите от киберпреступлений, однако часто не готовы тратить денежные средства на приобретение, например, лицензионной антивирусной продукции, ограничиваясь использованием пиратской, не поддерживаемой официальным производителем. В отличие от организаций, уделяющих в той или иной мере часть времени на организационные положения защиты информации (брифинги, мониторинг современных угроз, семинары, касающиеся безопасности в сети Интернет, и т. д.), граждане не тратят времени на повышение компьютерной грамотности, изучение правил безопасного использования глобальной сети, флэш-накопителей и т. д. Указанные особенности повышают виктимность физических лиц, значительно увеличивая вероятность стать жертвами киберпреступников.

К факторам формирования виктимности от киберпреступлений можно отнести следующие:

- личностные качества жертв киберпреступлений, которые формируют виктимность именно в сфере ИТТ, такие как: доверчивость, неосторожность, отсутствие знаний о безопасном обращении с ИТТ, склонность к получению быстрого заработка, к которому призывают в сети Интернет, и др. [2, с. 29–40];

- издержки культуры современного общества, при которых активное поведение и действия в виртуальном пространстве (социальные сети, блоги, форумы и т. д.) являются способом самовыражения; имеет место ситуация, когда не столько воспринимается содержание информации о личности, ее достоверность или недостоверность, сколько сам факт того, что информация доступна значительному количеству пользователей и востребована ими;

- наличие определенных поведенческих стереотипов, снижающих предусмотрительность при контакте с виртуальным пространством (например, безразличие к сообщениям о потенциальной вредоносности сайта или вредоносности информации, расположенной на нем, передача конфиденциальных данных, средств криптографии третьим лицам, которые получают доступ к персональным данным или денежным средствам потенциальной жертвы, и т. д.);

- отсутствие психологической готовности к взвешенному, дозированному и субъективно контролируемому использованию возможностей

информационно-коммуникационных ресурсов конкретными лицами, внутренней защиты от сублимации нормальных потребностей в общении, развитии, получении информации посредством тотального нахождения в информационном пространстве. Особенно это обстоятельство касается лиц молодого возраста, склонных гиперболизировать или даже абсолютизировать выгоду от пользования информационно-коммуникационными технологиями [3, с. 168–175].

Одним из свойств ИТ-преступности является разнообразие потерпевших, так как практически каждый пользователь ИТТ может стать жертвой злоумышленников.

В ходе исследования было опрошено 486 граждан, а также изучено 86 уголовных дел и 474 приговора районных судов по преступлениям, предусмотренным ст. ст. 158, 159, 159³, 159⁶, 272, 273, 274 УК РФ. Проведенный нами анализ был направлен на выявление группы граждан, наиболее подверженных стать жертвами преступлений, совершаемых с использованием ИТТ.

Следует отметить, что лица различного возраста используют ИТТ для разных целей: несовершеннолетние и молодежь — в развлекательных целях (общение в социальных сетях, просмотр фильмов, поиск информации и т. д.), в отличие от лиц пожилого возраста, которым ИТТ чаще нужны для оплаты услуг и гораздо меньше — для общения, поиска информации и т. д.

В связи с этим предлагается выделить следующие группы населения, т. е. родовую виктимизацию: *несовершеннолетние* (от 10 до 18 лет), *молодежь* (от 18 до 35 лет), *люди среднего возраста* (от 35 до 60 лет) и *люди пожилого возраста* (60 лет и старше), что позволит подчеркнуть особенности их виктимизации. Для каждой группы необходимы, по нашему мнению, свои меры по снижению виктимности в зависимости от специфики использования ими ИТТ.

Исходя из статистических данных ГИАЦ России, учитывая частоту совершения и материальный ущерб, *угрозы в информационно-телекоммуникационном пространстве для граждан* следует ранжировать в следующем порядке:

- связанные с использованием мобильных телефонов.

- связанные с использованием электронных средств платежа;

- связанные с использованием социальных сетей;

- связанные с использованием электронной почты;

- связанные с распространением компьютерных вирусов;

- связанные с использованием бесплатных сетей Wi-Fi.

Основной причиной повышения виктимизации всех выделенных групп населения является техническая неграмотность пользователей ИТТ. Неграмотность населения по вопросам информационной безопасности, небрежность при работе с сетью Интернет, халатность при общении в виртуальном пространстве, безразличие к вопросам защиты собственной информации от злоумышленников провоцируют преступников на совершение уголовно наказуемых деяний.

Исходя из этого видовая виктимизация выделенных групп населения будет зависеть от уровня цифровой грамотности граждан различных возрастных категорий, которую следует повышать за счет различных специфических предупредительных мер.

Однако, полагаем, что для различных возрастных категорий населения необходимо проводить определенные мероприятия, направленные на снижение виктимности. Следует также учитывать, какой из угроз в ИТ-пространстве наиболее подвержена та или иная группа населения.

Так, для *лиц несовершеннолетнего возраста* это угрозы, связанные с использованием социальных сетей (130 из 132 респондентов, 98,48%, используют социальные сети), электронной почты (124 из 132 респондентов, 93,94%) вирусов (132 из 132 респондентов, 100%) и бесплатных сетей Wi-Fi (96 из 132 респондентов, 72,73%). Анализ 86 уголовных дел, 474 приговоров районных судов показал, что граждане указанной категории становятся потерпевшими от преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, в 28,9% случаев.

Согласно ежегодному отчету лаборатории Касперского в 2022 г. каждый подросток проводил в среднем от 2 до 11 часов в сети Интернет¹. Основными запросами несовершеннолетних являлись: видеоигры — 34,71%, мультфильмы — 28,12%.

Учитывая данный факт, полагаем, что для снижения виктимизации данной возрастной группы граждан такие меры, как проведение разъяснительных лекций сотрудниками полиции или социальными работниками, будут недостаточно эффективны. Считаем, что необходима интеграция информации об угрозах в ИТ-пространстве и мерах их предупреждения в компьютерные игры и наиболее просматриваемые мультфильмы. Данные интеграции могут быть в формате короткой рекламы, а могут быть частью сюжета мультфильма или компьютерной игры. Не исключаем и создания компьютерной игры или мультфильма, сюжет которых будет основан на угрозах в ИТ-пространстве и мерах их предупреждения.

Для группы *молодежи* актуальными будут угрозы в ИТ-пространстве, связанные: с использованием электронных средств платежа (112 из 112 респондентов, 100%), электронной почты (109 из 112 респондентов, 97,32%), распространением компьютерных вирусов (111 из 112 респондентов, 99,11%). Анализ уголовных дел и приговоров районных судов показал, что граждане указанной категории становятся потерпевшими от рассматриваемых преступлений в 29,97%.

В настоящее время среди молодежи крайне популярны лица, проводящие стриминговые трансляции, например, на платформах «Twitch», «YouTube» и т. д. Согласно статистике 82% пользователей «Twitch» находятся в возрасте от 18 до 35 лет, а остальные 18% — лица старше 35 лет². Часто на указанных стриминговых сервисах число зрителей онлайн-трансляции популярного стримера (организатора и главного действующего лица видеотрансляции) может превышать 500–800 тыс. пользователей. Это связано с тем, что в настоящее время молодежь все реже выбирает себе кумиров из знаменитых эстрадных личностей, актеров кино, певцов и т. д. Происходит смещение развлекательной отрасли в сферу ИТ-пространства, где самыми большими по охвату аудитории являются стриминговые сервисы.

Полагаем, что повышение цифровой грамотности молодежи должно происходить с учетом вышеуказанной особенности. Необходимо освещение актуальных угроз в ИТ-пространстве популярными стримерами, чье слово и мнение для современной молодежи является весомым и аргументированным. Профилактика может проводиться за счет интеграции на стриминговый канал самим стримером с учетом специфики канала и предлагаемого контента и т. д.

Относительно *людей среднего возраста* следует отметить, что для этой группы актуальны угрозы в ИТ-пространстве, связанные с использованием: мобильного телефона (137 из 137 респондентов, 100%), электронной почты (137 из 137 респондентов, 100%), распространением компьютерных вирусов (136 из 137 респондентов, 99,27%).

Анализ уголовных дел и приговоров районных судов показал, что лица среднего возраста становятся потерпевшими от преступлений, совершаемых с использованием ИТТ лишь в 15,19%. На наш взгляд, граждане среднего возраста относятся с повышенной критичностью к поступающей информации, в связи с чем становятся значительно реже жертвами киберпреступников. Полагаем, что оптимальным спо-

¹ Исследования Лаборатории Касперского. URL: <https://securelist.ru/children-report-2021/10163/> (дата обращения: 06.05.2023)

² Age of a Twitch. URL: <https://www.quora.com/What-is-the-average-age-of-a-Twitch-streamer/> (дата обращения: 06.05.2023).

собом повышения цифровой грамотности данной категории граждан будет являться проведение групповых лекционных занятий об основных угрозах в ИТ-пространстве и способах их предупреждения.

Для лиц *пожилого возраста* актуальны такие угрозы в ИТ-пространстве, как: с использованием мобильного телефона (94 из 105 граждан, 89,52%) и электронных средств платежа (43 из 105 граждан, 40,95%). Анализ уголовных дел и приговоров районных судов показал, что граждане указанной категории становятся потерпевшими от исследуемых преступлений в 25,94% случаев.

Следует отметить, что лишь незначительная часть всех опрошенных не пользуется мобильным телефоном — 17 человек, 11 из которых являются лицами пожилого возраста. Несмотря на это, анализ изученных судебных приговоров, приостановленных и прекращенных уголовных дел свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев жертвами «мобильных» мошенников становятся лица пожилого возраста.

На наш взгляд, это связано с рядом факторов:

- гражданами пожилого возраста легко манипулировать при помощи различных техник социальной инженерии;

- лица пожилого возраста не в достаточной степени разбираются в современных технологиях, в связи с чем не могут критически отнестись к поступающей от мошенников информации;

- лица пожилого возраста привыкли доверять людям, представляющим себя сотрудниками банка, полиции, социальной службы и т. д.;

- у пожилых лиц, особенно одиноких, в силу изолированного образа жизни имеется повышенная потребность в общении, в связи с чем они охотно идут на контакт с незнакомым человеком.

В связи с этим считаем необходимым проведение следующих предупредительных мероприятий, направленных на повышение цифровой грамотности лиц пожилого возраста.

1. *Индивидуальные разъяснительные беседы.* Граждане пожилого возраста, в отличие от несовершеннолетних и молодежи, редко собираются в большие группы, в связи с чем проведение групповых разъяснительных бесед является весьма затруднительным. Сотрудникам полиции и социальным работникам необходимо проводить индивидуальные разъяснительные беседы об основных угрозах в ИТ-пространстве и мерах их предупреждения.

2. *Обеспечение финансовой безопасности граждан пожилого возраста.* Многие пожилые люди в повседневной жизни применяют электронные средства платежа для покупки товаров и оплаты услуг, и лишь малая часть их используют банковские реквизиты в сети Интернет. В связи с этим предлагается

выдавать пожилым лицам специальные банковские карты без CVC-кода, что, в свою очередь, нивелирует возможность стать жертвой дистанционных мошенников, которым для перевода денежных средств необходимы номер банковской карты, месяц и год окончания срока действия карты и CVC-код. Указанная мера в значительной степени снизит риск для пожилых граждан стать жертвой киберпреступников.

3. *Установление ограничений на снятие денежных средств с банковской карты.* В ряде случаев злоумышленники просят пожилых граждан проследовать к банкомату, снять все денежные средства, находящиеся на счету, и переслать их на «безопасный счет». В связи с этим предлагается на банковских картах лиц пожилого возраста устанавливать лимит на снятие денежных средств, а для снятия большей суммы пожилому лицу будет необходимо обратиться в ближайшее отделение банка, где провести необходимую операцию с помощью работника банка.

Отмечаем, что указанные меры могут быть применены и для других групп населения, например, для несовершеннолетних.

Для более качественной и продуктивной профилактической работы с гражданами необходимо выделять степени виктимности: общую и индивидуальную. Полагаем, что это дает возможность для создания эффективной системы виктимологической профилактики киберпреступности [4, с. 171–175].

Общий уровень будет касаться всех выделенных групп населения и предполагает проведение профилактических мероприятий со всеми гражданами, вне зависимости от их возраста, цифровой грамотности, степени осведомленности о современных киберугрозах и т. д.

Индивидуальный уровень будет предполагать специальные программы виктимологической профилактики, при этом необходимо обращать внимание на качественный состав потенциальных жертв киберпреступности.

Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, обладают отличительной виктимологической характеристикой в связи с рядом особенностей, характерных только для преступлений данной категории. В связи с этим в настоящее время существует острая необходимость в проведении профилактических мероприятий, направленных на снижение виктимности граждан. Полагаем, что выделенная видовая виктимизация и последующая профилактическая работа с указанными группами позволит снизить уровень преступности данной категории и повысить цифровую грамотность населения.

Список литературы

1. *Волеводз А. Г.* Противодействие киберпреступности — тема первого тематического выпуска издания «Библиотека криминалиста. Научный журнал» // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5.
2. *Валько Д. В.* Киберпреступность в России и мире: сопоставительная оценка // Управление в современных системах. 2016. № 3.
3. *Чернякова А. В.* Международный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия хищениям, совершаемым с использованием компьютерной информации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4.
4. *Илясова К. А.* Юридические лица как жертвы преступлений: постановка проблемы // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 3.

УДК 343.631

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-103-108

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Особенности квалификации клеветы, совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет

Ольга Михайловна Шаганова

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии¹, ✉ olga.shaganova@yandex.ru
¹ Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

В статье представлены проблемы толкования предмета и общественно опасного деяния в составе клеветы, совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. В ходе исследования предмета преступления выявляются его основные признаки, влияющие на уголовно-правовую оценку, доказывается, что определяющим моментом для квалификации выступают особенности потерпевшего. При анализе положений, содержащихся в теории уголовного права и различных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, дается характеристика объективной стороне преступления, предусмотренного ст. 128¹ УК РФ, путем установления содержательной сущности таких понятий, как «распространение сведений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет», «клевета, совершенная публично». В работе предлагается определять момент окончания преступления в зависимости от вида распространяемых сведений. Кроме того, отдельное внимание уделяется уяснению понятия «заведомость», являющегося обязательным признаком субъективной стороны исследуемого состава.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные сети, сеть Интернет, квалификация, преступления против чести и достоинства личности, клевета

Для цитирования: Шаганова О. М. Особенности квалификации клеветы, совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 103–108.

Peculiarities of Qualifying Defamation committed in Public via Informational Telecommunication Networks including the Internet

Olga M. Shaganova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Criminal Law and Criminology¹, ✉ olga.shaganova@yandex.ru
¹ the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Barnaul, Russia)

The article presents the problems of interpretation of the subject and socially dangerous act constituting defamation committed in public via informational telecommunication networks including the Internet. The study of the subject of crime revealed its main features which influence assessment by criminal law and proved that the determining point in qualification is the victim's peculiar features. Analyzing the provisions given in the theory of criminal law and different rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation the author provides characteristics of the objective side of the crime provided for by Art. 128¹ of the Criminal Code of the Russian Federation through establishing the content of such concepts as "dissemination of data via informational telecommunication networks including the Internet", "defamation committed in public". It is suggested to establish the moment of accomplishing the crime according to the type of the disseminated information. Moreover, the focus is also made on clarifying the concept of "knowingly" as a mandatory characteristics of the subjective side of the corpus delicti under examination.

Keywords: informational telecommunication networks, the Internet, qualification, crimes against honor and dignity of the person, defamation

Citation: Shaganova O. M. Peculiarities of Qualifying Defamation committed in Public via Informational Telecommunication Networks including the Internet. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 103–108 (In Russ.).

При квалификации преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 128¹ УК РФ, необходимо установить ряд обстоятельств, которые вызывают наибольшие трудности в деятельности правоприменителей: уяс-

нить признаки сведений, распространяемых виновным; определить объективную сторону преступления, выявить потерпевшего; усмотреть критерий «заведомость» в рамках субъективной стороны.

Типичным предметом клеветы, совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, выступают сведения, которые условно можно разделить на две группы:

— электронная информация в виде: текста, видео-, аудиофайла, изображения (картинки), фотоколлажа, созданного самим преступником или другим лицом;

— сведения в устной, письменной и других формах, передаваемые при помощи инструментов IP-телефонии (например, видео-, аудиосвязи).

Уголовный закон определяет, что распространяемые при клевете сведения должны обладать следующими характеристиками, во-первых, быть ложными, во-вторых, либо порочить честь и достоинство лица, либо подрывать его репутацию. Анализ п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3¹ (далее — ППВС № 3), раскрывающего названные признаки, позволяет сделать вывод, что клеветнические сведения могут касаться как прошедших событий, так и настоящих. Распространение вымышленных предстоящих фактов или событий не влечет ответственности по ст. 128¹ УК РФ.

Сообщение правдивых (имеющих место быть) порочащих сведений и ложных (в том числе и с положительным окрасом, например, о совершении героического поступка) непорочащих сведений не дает основания для квалификации действий по ч. 2 ст. 128¹ УК РФ, так как в этом случае не соблюдаются положения уголовного закона. Не наступит уголовная ответственность и тогда, когда лицо излагает правдивые сведения, а потерпевший считает их ложными (поскольку забыл прошедшие события, не желает предавать их огласке, не разобрался в происходящих событиях и т. п.) и порочащими.

Так, Кирово-Чепецкий районный суд Кировской области оставил без изменений оправдательный приговор мирового судьи в отношении Пестова, который в ходе переписки со своей сестрой М. в «ВКонтакте» сообщил, что в прошлом ее мать П. (будучи сожительницей его отца) «предлагала ему повеситься, изводила криками и подставами». П. посчитала это клеветой и обратилась в суд. В ходе разбирательства было доказано, что Пестов сообщил соответствующие действительности сведения. Когда он был малолетним, то между ним и сожительницей отца П. после рождения их совместной дочери были конфликтные отношения. Однажды на вопрос Пес-

това «Ну что мне еще нужно сделать?» — она ответила: «Иди, повесься!»².

Пушкинский городской суд Московской области принял подобное решение, оставив без изменения оправдательный приговор мирового судьи в отношении О. В ходе разбирательства было установлено, что распространяемые О. письменные сообщения про Ю. не являлись для нее заведомо ложными, а были ее заблуждением относительно действительного хода событий³.

Кроме того, в п. 7 ППВС № 3 содержится указание, что не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах. Следовательно, даже когда названные документы изложены на сайтах сети Интернет, сведения, содержащиеся в них, не являются клеветническими.

Распространены примеры, когда на различных сайтах в Интернете в комментариях к какому-либо новостному сообщению человек оставляет негативное высказывание о деятельности должностных лиц. Чтобы определить, являются ли сведения утверждением о фактах или событиях, носят ли порочащий характер или представляют субъективное мнение, правоприменителям необходимо назначать судебную (лингвистическую) экспертизу. Если в результате ее проведения будет установлено, что высказывание носит характер критики государственных должностных лиц о выполнении ими своих обязанностей, что, согласно п. 9 ППВС № 3, является допустимым в целях обеспечения надлежащего исполнения должностных полномочий, то ответственность по ч. 2 ст. 128¹ УК РФ не наступит. Если же экспертиза придет к мнению, что высказывание содержит утверждение о факте или событии, является порочащим, то при установлении всех необходимых признаков состава клеветы действия виновного подлежат соответствующей юридической оценке.

Подчеркнем, что согласно диспозиции ст. 128¹ УК РФ оклеветать возможно только «другое лицо». При этом потерпевшими могут выступать ребенок до достижения им 18 лет, лицо с физическими (глухой, слепой, находящийся в болезненном или бессознательном состоянии) или психическими нарушениями здоровья (слабоумие или другое психическое расстройство).

¹ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

² Апелляционное постановление Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 26 февраля 2020 г. № 10-2/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 25.08.2022).

³ Апелляционное постановление Пушкинского городского суда Московской области от 24 декабря 2019 г. № 10-10/2019. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 25.08.2022).

Несмотря на то что законодатель, помимо указания на «другое лицо», больше никаких его признаков не обозначил, правоприменительная практика свидетельствует, что клевета должна быть направлена на конкретного, а не абстрактного человека. Так, апелляционным постановлением Октябрьского районного суда г. Мурманска был отменен обвинительный приговор мирового судьи и уголовное дело прекращено, так как было установлено, что В. в сети Интернет оклеветал неопределенное лицо, которое занимает должность руководителя. Фамилия потерпевшего или его персональные данные не упоминались. В ходе судебного следствия привлеченный специалист пояснил, что «из содержания обращения невозможно определить, в отношении какого конкретного лица в нем приведены сведения. Любое лицо, обладающее организационно-распорядительными функциями, относящееся к категории руководителей, в том числе руководитель какого-либо подразделения, прочитав это обращение, мог отнести его на свой счет»⁴.

В науке уголовного права поднимают проблемный вопрос о признании потерпевшим умершего. Одни авторы считают это возможным [1, с. 114; 2], другие делают пояснение, что подобное возможно, если распространяемые позорящие сведения об умершем задевают честь живых людей (родственников) [3], потому как раздел VII УК РФ охраняет личность, т. е. живого человека [4; 5, с. 134]. Полагаем, что при совершении клеветы в отношении усопшего страдает честь родственника через восприятие им содеянного как обстоятельства, приводящего к отрицательному изменению отношения других лиц (членов общества) к умершему, неуважительное отношение к памяти о нем. В связи с этим считаем, что потерпевшим в подобном случае должен выступать родственник усопшего.

Поскольку ч. 2 ст. 128¹ УК РФ предусматривает преступление публичного обвинения, то не обязательно распространяемая в сети Интернет клевета должна быть доведена до сведения конкретного потерпевшего, достаточно ознакомления с ней любого (не потерпевшего), хотя бы одного человека. При таком механизме совершения преступления причиняется вред общественным отношениям, охраняющим честь этого потерпевшего (объектом преступления выступают честь, достоинство, репутация человека). Однако в подобном случае могут возникнуть проблемы процессуального характера, связанные с доказыванием.

Согласно положениям уголовного закона потерпевшими от клеветы, помимо другого лица, могут выступать также несколько лиц, в том числе индивидуально не определенные. Полагаем, что квалифицированный состав клеветы «в отношении нескольких лиц» необходимо применять по правилам, изложенным в абз. 1 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1⁵ и п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16⁶, из которых следует, что если виновный совершил деяние в отношении двух и более потерпевших одновременно или в разное время, то совокупности преступлений в его действиях не будет (если ни за одно из них лицо не было осуждено).

Сложнее дело обстоит с трактовкой понятия «в том числе индивидуально не определенных». Большинство ученых справедливо отмечает, что для правоприменителя внесенная в УК РФ данная оценочная дефиниция создает проблемы доказывания объективной и/или субъективной сторон преступления, так как нет возможности установить круг потерпевших [6; 7].

Некоторые авторы предлагают различные варианты толкования данного признака, каким-либо образом конкретизирующие круг потерпевших. Например: «конкретная группа лиц, конкретной целевой аудитории, но без персонализации» (коллектив организации) [8, с. 186]; «может идти речь о каких-либо партиях, общественных объединениях, политиках, чиновниках и других лицах, имена которых прямо не называются, но всем понятно, о ком идет речь» [9, с. 122]; «конкретизация потерпевших происходит не по индивидуальным признакам (большое число имманентно присущих данной личности свойств, позволяющих отличить ее от любого другого человека на этой планете), а по одному-двум свойствам, ограничивающим групповую принадлежность» [10, с. 135].

По нашему мнению, в изложенных точках зрения представлены попытки обосновать логику законодателя, сформулировавшего нетипичный для Особенной части УК РФ состав «в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных» путем сужения неопределенного круга потерпевших до некой группы лиц, объединенной какими-либо признаками. Полагаем, что подобный способ установления возможных потерпевших не принесет конкретики в доказательную базу при расследовании клеветы. Как представляется, повышение степе-

⁴ Апелляционное постановление Октябрьского районного суда г. Мурманска от 2 августа 2019 г. № 10-20/2019. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 25.08.2022).

⁵ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

⁶ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

ни общественной опасности рассматриваемого вида преступления, по сравнению с ч. 1 ст. 128¹ УК РФ, обуславливается не качественной характеристикой потерпевших, а количественной. Поэтому считаем, что дефиницию «в том числе индивидуально не определенных» из УК РФ необходимо исключить, поскольку она не содержит качественных критериев определения круга потерпевших, а только лишь затрудняет понимание и применение данной нормы.

Объективная сторона преступления проявляется в виде активного действия. Согласно п. 7 ППВС № 3 под распространением клеветнических сведений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, следует понимать их опубликование или сообщение в любой форме хотя бы одному лицу. Отметим, что в теории и правоприменительной практике под опубликованием информации в информационно-телекоммуникационных сетях традиционно понимается ее размещение (в том числе рассылка), а под сообщением — провозглашение (это возможно при помощи инструментов IP-телефонии).

При этом вышеизложенные действия должны быть совершены публично. Анализ различных постановлений Пленума Верховного Суда РФ, содержащих толкование такого способа осуществления преступления, как совершение деяния публично с использованием информационно-коммуникационных сетей⁷, позволяет сделать вывод, что для привлечения лица к уголовной ответственности клевета должна быть размещена на сайтах, форумах или в блогах либо возможна ее массовая рассылка в виде электронных сообщений и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц. При использовании массовой рассылки сведений преступление следует считать оконченным с момента их размещения в сетях общего пользования, отправления сообщений другим лицам.

Таким образом, в исследуемом нами преступлении определяющим признаком публичного характера действий виновного выступает не сама по себе возможность распространить информацию в информационно-телекоммуникационной сети,

а возможность распространить ее среди как можно большей аудитории, например, среди широкой (большой) группы лиц (в групповых чатах различных мессенджеров с количеством участников в несколько десятков или даже сотен) либо даже неограниченного числа лиц (на форумах, блогах или сайтах, доступ к которым имеет любой человек).

При привлечении конкретного лица к уголовной ответственности необходимо доказать, что именно этот человек распространял клеветнические сведения публично в сети Интернет с определенного технического устройства (компьютера, ноутбука, мобильного телефона и т. д.). Так, Джанкойским районным судом Республики Крым была оправдана И. за отсутствием в ее действиях состава преступления, так как не было доказано, что она создала страницу в «Одноклассниках» под именем потерпевшей и размещала на ней ложные сведения, порочащие честь и достоинство последней⁸.

Если преступник распространяет информацию через сеть Интернет только тому человеку, которого она касается, при этом исключается возможность ознакомления с ней третьих лиц (например, личное сообщение на электронную почту, личный видеозвонок или аудиозвонок в мессенджере и т. п.), то ответственность за клевету, совершенную публично, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, не наступит⁹.

Следует также отметить, что обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, в котором приводятся сведения о предполагаемом, совершенном либо готовящемся преступлении, не является преступным, поскольку соответствует положениям Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹⁰. Выяснение же того, было ли такого рода обращение в указанные органы обусловлено стремлением (попыткой) реализовать свои конституционные права или оно связано исключительно с намерением причинить вред другому лицу, подлежит установлению на основе фактических обстоятельств в каждом конкретном случае, при этом недопустимо выявление судом лишь формальных условий применения нормы¹¹.

⁷ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (здесь и далее, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»); О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2011 г. № 1.

⁸ Апелляционное постановление Джанкойского районного суда Республики Крым от 14 января 2020 г. № 10-1/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 25.08.2022).

⁹ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3.

¹⁰ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ.

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2019 г. № 3272-О.

В частности, обвинительный приговор за клевету в отношении К. в апелляционной инстанции был оставлен без изменения. В ходе судебного разбирательства было установлено, что К., во избежание наступления вредных для себя последствий от поданного в отношении нее Д. заявления в полицию о привлечении к уголовной ответственности за вывоз имущества из принадлежащей ему квартиры, решила опорочить его честь и достоинство. Поскольку Д. работал заместителем руководителя администрации района, для реализации своих намерений она направила обращения главе администрации этого района, начальнику ОМВД России района, на сайты ГУ МВД России региона, Правительства РФ, МВД, в которых изложила не соответствующие действительности порочащие сведения о Д.¹²

Момент окончания преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 128¹ УК РФ, зависит от вида распространяемых сведений. Если это электронная информация, то преступление окончено в момент ее публикации (размещения), т. е. когда появляется возможность у любого человека с ней ознакомиться. Клевета, передающаяся при помощи инструментов IP-телефонии, окончена с момента осуществления видео-, аудиозвонка, когда у третьего лица (не потерпевшего) возникает возможность ее воспринять.

При клевете в сети Интернет в отношении одного и того же потерпевшего несколько раз с единым умыслом содеянное не образует совокупности преступлений. Необходимо вменять ч. 2 ст. 128¹ УК РФ даже тогда, когда распространяемая ложная и порочащая информация каждый раз касается разных фактов или событий. Если виновный в отношении одного и того же потерпевшего клеветает в сети Интернет несколько раз, и каждый раз у него возникает умысел вновь, то необходимо вменять несколько эпизодов ч. 2 ст. 128¹ УК РФ по признаку «Клевета, совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет».

Возможно и покушение на клевету, когда набран текстовый файл, смонтирован видеофайл, записан аудиофайл, создано изображение (картинка) или фотоколлаж, которые содержат ложные и порочащие сведения и сохранены в памяти электронного носителя информации с умыслом в дальнейшем их

распространить, но по независящим от лица обстоятельствам задуманное не удалось осуществить.

Обращение (подача заявления на официальном сайте) в органы, осуществляющие уголовное преследование, и к мировому судье с ложной информацией о совершении другим человеком преступления, с умыслом привлечь такового к уголовной ответственности, подлежит квалификации по ст. 306 УК РФ.

В случае публичного распространения в сети Интернет заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств ответственность наступит по ст. 207¹ УК РФ. То же действие, но в отношении общественно значимой информации, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека, предполагает ответственность по ст. 207² УК РФ.

Если при совершении вымогательства виновный угрожает распространить клеветнические сведения, то его действия подлежат квалификации по ст. 163 УК РФ. При дальнейшем непосредственном осуществлении этой угрозы требуется совокупность ст. ст. 163 и 128¹ УК РФ¹³.

Привлечь лицо к ответственности по ч. 2 ст. 128¹ УК РФ невозможно без установления признака «заведомость», который предполагает, что, совершая деяние, субъект осознает общественную опасность своих действий, понимает ложность (точно знает о ложности сообщаемых им сведений [3]) распространяемых сведений, а также то, что эти сведения порочат честь, достоинство другого лица, подрывают его репутацию [4].

Если преступник уверен, что распространяет правдивую информацию, хотя на самом деле она ложная, т. е. добросовестно заблуждается относительно соответствия ее действительности, то он не может нести ответственность за клевету¹⁴ [1, с. 116].

Таким образом, правоприменительным органам каждый раз при квалификации клеветы, совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, следует точно и правильно устанавливать признаки предмета преступления и потерпевшего, особенности деяния, а также наличие субъективной составляющей содеянного.

¹² Апелляционное постановление Ступинского городского суда Московской области от 19 сентября 2014 г. № 10-19/2014. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 25.08.2022).

¹³ О судебной практике по делам о вымогательстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56.

¹⁴ Апелляционное постановление Шатурского городского суда Московской области от 15 октября 2020 г. № 10-7/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 25.08.2022).

Список литературы

1. *Подройкина И. А.* Юридический анализ клеветы как уголовно наказуемого деяния // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 2.
2. *Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть* : учебник / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков [и др.]; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.
3. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* : в 4 т. (постатейный). Т. 2 : Особенная часть. Разделы VII–VIII / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2017.
4. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* : в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М., 2015. Т. 1.
5. *Брагина А. Г.* Клевета и смежные с ней составы преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2011. № 11-1.
6. *Егорова Н. А.* Новое в уголовно-правовом противодействии клевете // Законность. 2021. № 3.
7. *Дубовиченко С. Н., Карлов В. П.* Клевета в сети «Интернет» и в отношении индивидуально неопределенного круга лиц // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : мат-лы XVIII междунар. науч.-практ. конф. (23–24 апреля 2021 г.) : в 3 т. Тольятти, 2021.
8. *Ступина С. А.* Мнение или клевета? Новое в статье 128¹ УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : мат-лы XXIV междунар. науч.-практ. конф. (8–9 апреля 2021 г.). Ч 2. Красноярск, 2021.
9. *Осадчая Н. Г.* Клевета: особенности уголовно-правового регулирования // Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2.
10. *Григорьева Л. В.* Критический обзор положений ст. 128¹ УК РФ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4(141).

УДК 343.2

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-109-111

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Отнесение публичного оправдания терроризма к институту прикосновенности к преступлению: критический анализ

Ахмед Магомедович Басханов

преподаватель кафедры уголовного права¹, ✉ axmed.basxanov.95@mail.ru

¹ Волгоградская академия МВД России (Волгоград, Россия)

Отмечается, что в современной науке уголовного права существует мнение об отнесении публичного оправдания терроризма к институту прикосновенности к преступлению. Приведены аргументы, свидетельствующие о невозможности признания публичного оправдания терроризма формой рассматриваемого института. Автор вступает в полемику со сторонниками не-наказуемости идеологии терроризма. Обосновывается, что наказуемость данной идеологии является эффективной мерой по недопущению распространения рассматриваемого общественно опасного явления.

Ключевые слова: прикосновенность к преступлению, оправдание терроризма, идеология терроризма

Для цитирования: Басханов А. М. Отнесение публичного оправдания терроризма к институту прикосновенности к преступлению: критический анализ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 109–111.

Attributing Public Justification of Terrorism to the Institute of Relation to a Crime: Critical Analysis

Akhmed M. Baskhanov

Lecturer at the chair of Criminal Law¹, ✉ axmed.basxanov.95@mail.ru

¹ the Volgograd Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Volgograd, Russia)

In the modern science of criminal law, there circulates an opinion about attributing the public justification of terrorism to the institution of being related to a crime. Arguments are given as to testify to the impossibility of recognizing the public justification of terrorism as a form of the institution under consideration. The author enters into a debate with advocates of the impunity of the ideology of terrorism. It is substantiated that the punishability of the ideology of terrorism is an effective measure to prevent the spread of this socially dangerous phenomenon.

Keywords: relation to a crime, justification of terrorism, ideology of terrorism.

Citation: Baskhanov A. M. Attributing Public Justification of Terrorism to the Institute of Relation to a Crime: Critical Analysis. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 109–111 (In Russ.).

В настоящее время прикосновенности к преступлению ученые уделяют большое внимание. В частности, изучением вопросов совершенствования и уголовно-правового регулирования данного института занимались М. А. Дворжицкая [1], Ю. А. Крутикина [2], Н. К. Кустова [3] и многие другие представители научного сообщества. В данной работе рассмотрен подход к толкованию института прикосновенности к преступлению применительно к оправданию терроризма.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) в ст. 205² предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма. Объектом посягательства в данной статье явля-

ется общественная безопасность. Объективная сторона деяния представлена публичными призывами к осуществлению террористической деятельности, публичным оправданием терроризма и пропагандой терроризма.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в ст. 205² УК РФ следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности, т. е. к совершению преступлений, преду-

смотренных ст. ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360, 361 УК РФ¹.

Исходя из примечания к ст. 205² УК РФ, публичное оправдание терроризма эксплицировано в публичном заявлении о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. Под пропагандой терроризма подразумевается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности. Так, в диспозиции ст. 205² УК РФ содержатся три альтернативных деяния, которые образуют самостоятельные преступления. При этом законодатель ограничивает публичное оправдание терроризма от пропаганды данного явления и публичных призывов к нему.

Особый интерес для исследования представляет публичное оправдание терроризма. В науке уголовного права существует подход, в соответствии с которым рассматриваемое деяние относится к институту прикосновенности к преступлению [4, с. 158]. Полагаем, что публичное оправдание терроризма является самостоятельным преступлением и основным по отношению к прикосновенным деяниям, именно поэтому законодатель устанавливает ответственность за несообщение о преступлении, предусмотренное ст. 205² УК РФ. Если признавать публичное оправдание терроризма прикосновенностью, то теряется сущность данного института. Получается, что прикосновенное лицо (не сообщающее о преступлении) несет ответственность за несообщение о другом прикосновенном деянии, в нашем случае — оправдании терроризма. На шаткость и условность рассматриваемого понятия указывал в свое время Н. С. Таганцев. По его мнению, «человек, отозвавшийся с похвалой о совершившемся преступлении, высказавший сочувствие к преступнику, выпивший стакан вина, купленного на краденые деньги, любовница, жившая за счет преступника, свидетель, давший ложное показание по уголовному делу, судья, постановивший заведомо неправый приговор, человек, помогавший побегу арестанта и т. д., все они прикасаются к преступному деянию, но их поступки или вовсе не подлежат репрессии уголовной, или, по нашему уложению, составляют самостоятельные преступления» [5, с. 948].

Установление уголовной ответственности за рассматриваемое деяние направлено на недопущение распространения идеологии терроризма. Оче-

видно, что сегодня государство предпринимает все возможные меры по противодействию этой угрозе. Идеология терроризма — это, по сути, вирус, который проникает в сознание людей. Преступления террористического характера представляют большую опасность не только для нашего государства, но и для мирового сообщества в целом. В 2019 г. по ст. 205² УК РФ было зарегистрировано 212 преступлений. По официальным данным МВД России, в 2020 г. было зарегистрировано 2342 преступления террористического характера, что на 29,7% больше, чем за аналогичный период прошлого года. По ст. 205² УК РФ таких преступлений было зарегистрировано 232 (+9,4%). В 2021 году кардинальных изменений не произошло: всего зарегистрировано 2136 преступлений террористического характера (-8,8%), по ст. 205² УК РФ — 315².

Приведенная статистика подтверждает необходимость борьбы не только с практикой терроризма, но и с его идеологией.

В соответствии со ст. 205² УК РФ ответственность за оправдание терроризма наступает за оправдание идеологии и практики терроризма. Под идеологией терроризма, в частности, надлежит понимать идеологию насилия в целях воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанную с устрашением населения и (или) иными формами противоправных, насильственных действий. В то же время некоторые авторы, занимающиеся проблемными вопросами применения рассматриваемой нормы, приходят к выводу, что идеология терроризма ненаказуема, а оправдание идеологии в связи с этим и вовсе подлежит декриминализации. Например, с точки зрения З. А. Шибзухова, необходимо исключить ответственность за публичное оправдание идеологии терроризма, поскольку она находится за границами предписаний Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. Согласно данному документу уголовно наказуемой признается только пропаганда (прямая или косвенная) террористических преступлений; в свою очередь понятие «идеология терроризма» определено недостаточно четко. Кроме того, автор отмечает, что «террористическими являются не сами идеи и взгляды, а способы их практической реализации». Саму идеологию, которой руководствуются субъекты террористической деятельности, нельзя однозначно трактовать как негативную, ибо она может быть нейтральной и даже позитивной [6, с. 9–10]. Выражая солидарность с приведенной

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Статистика и аналитика МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 11.04.2021).

позицией, но относя в целом публичное оправдание терроризма к одной из форм прикосновенности к преступлению, В. А. Очерedyко в то же время отмечает, что публичное оправдание идеологии терроризма нельзя считать прикосновенностью к преступлению по причине отсутствия предикатного преступления: «Идеология терроризма сама по себе не является преступлением, а значит, в этом случае нет и предмета прикосновенности к преступлению» [4, с. 150]. Соглашаясь с данными авторами, что оправдание идеологии терроризма не является прикосновенностью, нельзя принять их позицию в части исключения уголовной ответственности за оправдание идеологии терроризма.

Полагаем, что наказуемо должно быть не только осуществление террористической деятельности, но и оправдание и пропаганда идеологии терроризма, поскольку именно благодаря распространению идеологии происходит объединение людей в террористические организации, в которых с помощью приемов психологического воздействия побуждают совершать насильственные действия. В части 5 статьи 13 Конституции Российской Федерации провозглашен

запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Поэтому оправдание столь радикальной идеологии должно быть уголовно наказуемо.

Итак, отнесение публичного оправдания терроризма к прикосновенности ведет к необоснованному расширению данного института и неправильному толкованию. Помимо этого, идеология терроризма должна быть наказуема так же, как и его практика. В настоящее время мы имеем дело с разновидностями террористической идеологии, активно паразитирующими на уже сформировавшихся ранее идеологических и политических концепциях, религиях, традициях, обычаях, лозунгах. Идеология является мощнейшим инструментом в формировании террористической деятельности, поэтому в организации предупреждения терроризма очень важным является противоборство его идеологии.

Список литературы

1. Дворжицкая М. А. Ответственность за прикосновенность к преступлению в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019.
2. Крутикина Ю. А. Уголовная ответственность за несообщение о преступлении : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
3. Кустова Н. К. Институт прикосновенности к преступлению: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019.
4. Очерedyко В. А. Уголовно-правовое значение прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2020.
5. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву : Часть Общая. Вып. II. СПб., 1894.
6. Шибзухов З. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

УДК 343.346

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-112-117

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Особенности объекта составов преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ

Александр Сергеевич Первухин

адъюнкт адъюнктуры¹, ✉ ann.alexandr@mail.ru

¹ Уральский юридический институт МВД России (Екатеринбург, Россия)

С учетом имеющихся в доктрине уголовного права положений проводится исследование основного и дополнительного непосредственных объектов составов преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ, определяются их особенности. По результатам проведенного исследования в качестве основного непосредственного объекта данных составов преступлений предлагается понимать общественные отношения, складывающиеся по поводу состояния защищенности общества от угроз, связанных с нарушением правил движения, предписывающих поведение водителя транспортного средства в определенной дорожной ситуации. В качестве дополнительного непосредственного объекта — общественные отношения, складывающиеся по поводу установленного порядка осуществления правосудия.

Ключевые слова: объект состава преступления, дополнительный объект, транспортные преступления, безопасность, специальный субъект

Для цитирования: Первухин А. С. Особенности объекта составов преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 112–117.

Peculiarities of the Object in Crimes provided for by Art. 264² of the criminal Code of the Russian Federation

Alexandr S. Pervukhin

Post-Graduate student of Post-Graduate courses¹, ✉ ann.alexandr@mail.ru

¹ the Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Yekaterinburg, Russia)

With the provisions in the doctrine of criminal law taken into consideration, a study of the main and supplementary direct objects of the offenses provided for in Art. 264² of the Criminal Code of the Russian Federation was conducted, their features identified. According to the results of the study, it is proposed to view as the main direct object of these corpus delicti social relations that develop regarding the state of protection of society from threats associated with violation of traffic rules that prescribe the behavior of a vehicle driver in a certain traffic situation. It is suggested to consider social relations developing with respect to the established procedure of administration of justice as a supplementary direct object.

Keywords: object of corpus delicti, supplementary object, transport crimes, security, special subject

Citation: Pervukhin A. S. Peculiarities of the Object in Crimes provided for by Art. 264² of the criminal Code of the Russian Federation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 112–117 (In Russ.).

За последние пять лет наметилась устойчивая тенденция к снижению количества дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), наступивших вследствие нарушения Правил дорожного движения водителями транспортных средств. Однако количество погибших и раненых остается значительным. Например, только за 2021 г. в результате дорожно-транспортных происшествий погибло 14 874 человека, 167 856 было ранено¹.

Согласно данным информационно-аналитического обзора дорожно-транспортной аварийности

в Российской Федерации за 2021 г. по причине выезда на полосу встречного движения произошло 11 744 ДТП, что составляет 8,8% от их общего количества. В указанных происшествиях погибли 3 738 и ранены 20 212 человек. Особого внимания заслуживает тот факт, что ДТП, детерминированные названными нарушениями, хотя и не занимают лидирующую позицию по распространенности, но на их долю приходится 25,1% и 12% от общего количества погибших и раненых соответственно. Для сравнения, в тот же период по причине нарушения правил проезда пере-

¹ Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 16.11.2022).

крестков произошло 22 640 ДТП, в которых погибло 911 человек.

К сожалению, в информационно-аналитическом обзоре дорожно-транспортной аварийности в Российской Федерации прямо не указаны статистические данные о ДТП, связанных с превышением установленной скорости движения. Вместе с тем комплексный анализ приведенных в нем данных позволяет прийти к выводу, что количество таких ДТП в 2021 г. составило 2 416 (погибло 500 человек)².

Из сказанного выше следует, что выезд на полосу встречного движения, а также превышение установленной скорости становятся причиной ДТП, характеризующихся наиболее высокой степенью смертности и травматизма. Следовательно, справедливо говорить о достаточно высокой степени общественной опасности указанных нарушений, совершенных лицом, ранее подвергнутым административной или уголовной ответственности за аналогичные правонарушения.

На тот факт, что превышение установленного скоростного режима движения транспортных средств является одной из основных причин дорожно-транспортного травматизма и смертности, указывает Всемирная организация здравоохранения. При этом одним из направлений повышения транспортной безопасности называется совершенствование законодательства³.

Обозначенная проблема не остается без внимания. В. А. Колокольцев на заседании коллегии МВД России отметил, что сокращение дорожно-транспортной смертности относится к основным направлениям государственной политики⁴. Реакцией законодателя на указанные выше вызовы современности стало введение уголовной ответственности за нарушение Правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами (ст. 264² Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)).

В качестве единственного основания уголовной ответственности законодатель признает наличие в деянии всех признаков состава преступления (ст. 8 УК РФ). Состав преступления — понятие, выработанное наукой уголовного права, юридическая абстракция, которая представляет собой систематизированную структуру элементов и признаков, позволяющих дать правовую оценку совершенному деянию.

Важное значение в практической, нормотворческой и научно-исследовательской деятельности име-

ет объект состава преступления, который позволяет определять характер общественной опасности преступления, его место в структуре уголовного закона, виды и пределы санкции, разрешать проблемные вопросы квалификации деяний, в том числе разграничивать правонарушения и преступления, смежные и конкурирующие составы преступлений. На сегодняшний день в научном сообществе отсутствует консенсус в вопросе о том, что является объектом состава преступления. Нам импонирует традиционное понимание объекта состава преступления как совокупности общественных отношений, которым причиняется вред или создается угроза причинения такого вреда в результате совершения преступления [1, с. 20].

Вопрос об объекте составов преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ, на сегодняшний день мало исследован. Учитывая устоявшуюся в доктрине уголовного права классификацию и структуру уголовного закона, справедливым является признание в качестве родового объекта общественных отношений, складывающихся по поводу обеспечения общественной безопасности и общественного порядка. В качестве видового объекта выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Научно-исследовательский интерес представляет основной непосредственный объект составов преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ. В немногочисленных научных публикациях, затрагивающих данный вопрос, встречаются следующие точки зрения.

В. В. Агильдин считает, что в качестве основного непосредственного объекта выступают общественные отношения по поводу установленного правилами порядка управления и эксплуатации автомобиля или иных транспортных средств [2, с. 196]. На наш взгляд, данная позиция представляется дискуссионной по следующим причинам. Под порядком управления транспортными средствами Г. Ш. Аюпова, как нам кажется, верно предлагает понимать последовательность, алгоритм действий по эксплуатации транспортного средства, а также правила, в соответствии с которыми совершается это управление [3, с. 39]. Исходя из того, что под охрану уголовного закона ставятся наиболее ценные общественные отношения, представляется необходимым задаться следующим вопросом. Насколько ценны указанные В. В. Агильдиным правила без результата в виде без-

² Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2021 год: информационно-аналитический обзор. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/> (дата обращения: 05.01.2023).

³ Глобальный план десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения. 2021–2030. URL: <https://www.who.int/> (дата обращения: 16.11.2022).

⁴ Владимир Колокольцев провел заседание коллегии МВД России. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 16.11.2022).

опасности общества от ДТП и их последствий? Так, Б. С. Никифоров говорил, что уголовный закон охраняет «не правильное функционирование транспорта вообще, а правильное функционирование транспорта как необходимое условие безаварийности и безопасности его работы» [4, с. 25].

Структура общественных отношений как непосредственного объекта состава преступления включает: субъекты, предмет и взаимосвязь между субъектами по поводу этого предмета (содержание) [1, с. 21]. По нашему мнению, правила, обеспечивающие единый порядок дорожного движения, лишь средство достижения цели. Указанные правила устанавливают права и обязанности, составляющие содержание отношений, на которые посягают преступления, предусмотренные ст. 264² УК РФ. Их неукоснительное исполнение является условием существования предмета отношений, подвергающихся преступному посягательству. В то же время кажется верным, что предмет данных отношений является состояние защищенности общества от ДТП и их последствий, которое и представляет истинную ценность.

Стоит отметить, что ст. 264² УК РФ призвана обеспечить состояние защищенности целого комплекса благ. Превышение установленного скоростного режима, выезд в нарушение Правил дорожного движения на полосу, предназначенную для встречного движения, либо трамвайные пути встречного направления существенно снижают степень защищенности не только жизни, здоровья, но и собственности.

Другую позицию по данному вопросу высказывает А. В. Кафиатулина, определяя в качестве основного непосредственного объекта состояние защищенности личности, общества и государства от угроз, связанных с нарушением правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств [5, с. 280]. С аксиологической точки зрения данная позиция кажется более удачной. Тем не менее она не лишена недостатков.

На наш взгляд, при совершении рассматриваемых преступлений степень общественной безопасности снижается не из-за нарушения правил эксплуатации транспортных средств. Источником угрозы является несоблюдение водителем правил поведения в определенной дорожной ситуации.

Содержание термина «эксплуатация» законодательно не закреплено. Думается, в настоящем исследовании при его толковании необходимо опираться на положения ГОСТ 25866-83 «Эксплуатация техники. Термины и определения», который устанавливает единые термины и определения, обязательные для применения в документации всех видов и научнотехнической литературе. В пункте 1 указанного ГОСТа определено, что под эксплуатацией следует понимать стадию жизненного цикла изделия, на которой реализуется, поддерживается и восстанавливается его качество. Эксплуатация изделия включает в общем случае использование по назначению, транспортирование, хранение, техническое обслуживание и ремонт. Кроме того, п. 18 содержит определение «нормальной эксплуатации», под которой понимается эксплуатация изделий в соответствии с действующей эксплуатационной документацией⁵.

Эксплуатационная документация представляет собой конструкторский документ, который в отдельности или в совокупности с другими документами определяет правила эксплуатации изделия и/или отражает сведения, удостоверяющие гарантированные изготовителем значения основных его параметров и характеристик (свойств), гарантии и сведения по его эксплуатации в течение установленного срока службы⁶.

Не требует доказательства тезис, что должная степень защищенности общества от ДТП и их последствий может быть достигнута только при нормальной эксплуатации транспортных средств. Следовательно, под правилами эксплуатации транспортных средств необходимо понимать совокупность правил, обеспечивающих безопасное целевое использование транспортного средства, что достигается за счет технических решений, применяемых к транспортному средству⁷.

С учетом изложенного заключим, что при совершении преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ, нарушаются нормы, устанавливающие обязательные правила поведения водителя в определенной дорожной ситуации, а не правила эксплуатации транспортных средств⁸.

Не согласимся с А. В. Кафиатулиной и в том, что совершение преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ, угрожает человеку (как индивиду)

⁵ ГОСТ 25866-83. Эксплуатация техники. Термины и определения: утвержден и введен в действие постановлением Государственного комитета СССР по стандартам 13 июля 1983 г. № 3105. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁶ ГОСТ Р 2.601-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Единая система конструкторской документации. Эксплуатационные документы: утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 апреля 2019 г. № 177-ст. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁷ ГОСТ 33997-2016. Межгосударственный стандарт. Колесные транспортные средства. Требования к безопасности в эксплуатации и методы проверки: введен в действие приказом Росстандарта от 18 июля 2017 г. № 708-ст. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁸ Например, п. 10.2 Раздела 10 «Скорость движения» постановления Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения», устанавливающего максимальную допустимую скорость движения в населенных пунктах, жилых зонах, дворах и т. д.

и государству [5, с. 280]. Общественные отношения, на которые осуществляется посягательство при совершении преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ, складываются по поводу обеспечения безопасности общества от ДТП и их последствий. В субъектный состав данных общественных отношений входят государство, участники дорожного движения и иные лица. Государство, будучи заинтересованным в достижении безопасности общества, выступает в качестве регулятора указанных общественных отношений, применяя комплекс мер, в том числе правовых.

Правила, которые устанавливает государство, прежде всего адресованы участникам дорожного движения, которые также являются субъектами данных отношений. Очевидно, что достижение должного уровня безопасности общества возможно лишь за счет неукоснительного соблюдения порядка дорожного движения всеми его участниками. Их нарушение существенно снижает степень защищенности общества.

По справедливому замечанию Г. Ш. Аюповой и А. Ю. Пожарского, в субъектный состав указанных отношений, помимо участников дорожного движения (водитель, пешеход и др.) необходимо включать и иных лиц, так как не все пострадавшие в результате ДТП могут обладать правовым статусом участника дорожного движения [6, с. 67–68; 7, с. 31].

Несмотря на то что государство входит в субъектный состав рассматриваемых отношений, согласиться с А. В. Кафиатулиной в том, что при совершении преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ, снижается степень безопасности государства, не можем.

Под государственной безопасностью понимается состояние защищенности государственного строя, государственных органов, территориальной целостности государства, а также его суверенитета от внутренних и внешних угроз [8, с. 78–79; 9, с. 65]. Думается, что ни одному элементу государственной безопасности не причиняется и не создается угроза причинения такого вреда совершением рассматриваемых преступлений.

Вряд ли можно говорить о том, что ст. 264² УК РФ направлена на охрану человека как индивида. Совершение преступлений, предусмотренных данной нормой, существенно снижает уровень безопасности участников дорожного движения и иных лиц от ДТП и их последствий. При этом четко или хотя бы приблизительно определить круг лиц, безопасность которых ставится под угрозу, не представляется возможным, что позволяет говорить об угрозе рассматриваемых преступлений не для конкретного человека, но для общества.

Стоит отметить, что не все представители науки уголовного права солидарны с данной позицией.

Так, В. П. Тихий полагает, что транспортные преступления создают не всеобщую, а локальную угрозу [10, с. 27]. Не можем согласиться с приведенной позицией хотя бы потому, что между участниками дорожного движения и иными лицами нет никакой правовой (например, заключенного трудового договора) или иной связи, позволяющей установить круг этих лиц. Они передвигаются независимо друг от друга на неограниченной территории, их встреча в конкретном месте и в конкретное время обусловлена случайностью. Невозможность установить индивидуально определенный круг потерпевших, а также комплексный характер объекта охраны есть признак всеобщей опасности, который характерен для преступлений против безопасности общества [8, с. 112; 11, с. 172].

Обобщая сказанное, отметим следующее:

— предметом общественных отношений, на которые посягают указанные преступления, является безопасность общества — истинная ценность, поставленная законодателем под охрану; права и обязанности, вытекающие из норм, предписывающих поведение водителя, являются содержанием этих отношений;

— при совершении преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ, лицо, управляющее транспортными средствами, нарушает правила движения, предписывающие поведение водителя в определенной дорожной ситуации;

— рассматриваемые преступления посягают на безопасность общества, но не безопасность конкретного человека (как индивида) или государства;

Рассмотрим вопрос о наличии дополнительного объекта состава преступления.

В науке уголовного права существует мнение, что преступления, посягающие на безопасность общества, не имеют дополнительного объекта. Такой позиции придерживаются М. Ю. Павлик, Н. Н. Михайлов и др. [11, с. 172].

На наш взгляд, составы преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ, имеют дополнительный объект. Поэтому рассуждения об объекте не должны ограничиваться лишь основным непосредственным.

За совершение анализируемых преступлений ответственности подлежит только лицо, обладающее признаками специального субъекта. Оно должно быть лишено права управления транспортными средствами и подвергнуто административному наказанию за любое из деяний, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9 и ч. 5 ст. 12.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), либо иметь судимость за совершение преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ.

Лицу, которое в последующем становится субъектом составов преступлений, предусмотренных

ст. 264² УК РФ, наказание за предикатное правонарушение (административное правонарушение или преступление) всегда назначается только судом (административное наказание в виде лишения специального права, уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначаются только судьями (ч. 1 ст. 3.8 КоАП РФ, ч. 2 ст. 8 УПК РФ)).

Согласно ст. 2 Конституции РФ защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Исполнение данной обязанности от имени государства среди прочих возлагается на суды. В частности, данная обязанность реализуется в форме назначения наказания лицу, совершившему административное правонарушение или преступление. Суды, осуществляя правосудие в форме назначения наказания, преследуют в том числе цели исправления лица, а также общей и частной превенции. Достижение указанных целей позволяет обезопасить общество от преступных посягательств.

Лицо, совершающее преступление, предусмотренное ч. 1 или ч. 2 ст. 264² УК РФ, будучи наказанным судом в целях его исправления, осознавая общественно опасный характер своих действий, вновь создает угрозу общественным отношениям, складывающимся по поводу обеспечения защищенности общества от угроз, связанных с нарушением правил движения, предписывающих поведение водителя транспортного средства в определенной дорожной ситуации. Кроме того, оно управляет транспортным средством, будучи лишенным права управления.

По мнению В. В. Агильдина, управление транспортным средством лицом, лишенным такого права, также посягает на общественные отношения по поводу установленного правилами порядка управления и эксплуатации автомобилями или иными транспортными средствами [2, с. 196]. На наш взгляд, автор упускает тот факт, что такое лицо не просто не имеет права управления транспортными средствами, оно лишено судом за совершение административного правонарушения или преступления. Из сказанного следует, что вред причиняется в том числе другим общественным отношениям.

Итак, названными действиями лицо демонстрирует пренебрежение к суду и судебному решению, которое является обязательным для всех без исключения (ст. 31.2 КоАП РФ, ст. 392 УПК РФ), чем под-

рывает авторитет суда как органа, действующего от имени государства, исполняющего обязанности по защите прав человека и гражданина путем отправления правосудия. Такие действия заставляют общество усомниться в способности государства обезопасить его от актов противоправных посягательств. Высокий авторитет органов государственной власти и соблюдение установленного порядка осуществления правосудия, безусловно, являются основой правопорядка в современном государстве.

Игнорирование лицом судебного решения не посягает на общественные отношения, входящие в совокупность отношений, направленных на обеспечение и поддержание безопасных условий функционирования общества и общественного порядка, здоровья населения и общественной нравственности, экологической безопасности, безопасности движения» (общественная безопасность как родовой объект) [11, с. 171]. Такие действия лица сами по себе не снижают степень защищенности общества, а значит и не посягают на нее. При этом не исключается их общественная опасность, следовательно, вред причиняется другим общественным отношениям.

Анализ особенностей рассматриваемых преступлений показал, что:

- для составов преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ, характерен дополнительный объект;
- существование и характеристика дополнительного непосредственного объекта отчасти обусловлены специальными признаками субъекта;
- лица, управляющие транспортными средствами, будучи лишенными такого права, посягают не только на порядок управления транспортными средствами, но и на установленный порядок осуществления правосудия.

Подводя итог вышесказанному, заключим, что в качестве основного непосредственного объекта составов преступлений, предусмотренных ст. 264² УК РФ, выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу состояния защищенности общества от угроз, связанных с нарушением правил движения, предписывающих поведение водителя транспортного средства в определенной дорожной ситуации. В качестве дополнительного объекта составов исследуемых преступлений следует признавать общественные отношения, складывающиеся по поводу установленного порядка осуществления правосудия.

Список литературы

1. Винокуров В. Н. Структура общественных отношений как объект преступлений и система Особенной части УК РФ // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 1.
2. Агильдин В. В. Особенности уголовно-правовой политики борьбы с дорожно-транспортными преступлениями (на примере ст. 264² УК РФ) // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : мат-лы XXV междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. Красноярск, 2022.

3. Аюпова Г. Ш., Нудель С. Л. Уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость : монография. Екатеринбург, 2022.
4. Никифоров Б. С. Объект преступления. М., 1960.
5. Кафиатулина А. В. Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами (ст. 264² УК РФ) // Уголовная политика и правоприменительная практика : мат-лы IX междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2022.
6. Аюпова Г. Ш. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.
7. Пожарский А. Ю. Система норм о транспортных преступлениях в уголовном праве России (становление и развитие) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
8. Дрожжина Е. А. Общественная безопасность как объект преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
9. Ирошников Д. В. Государственная безопасность Российской Федерации: понятие и содержание // Юридическая наука. 2011. № 2.
10. Тихий В. П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности. Харьков, 1981.
11. Общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны / А. Г. Гурбанов, М. Ю. Павлик, Н. Н. Михайлов [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1.

УДК 343.14

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-118-123

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Справочно-вспомогательные средства доказывания в уголовном судопроизводстве

Сергей Борисович Россинский

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии¹, профессор кафедры управления органами расследования преступлений², ✉ s.rossinskiy@gmail.com

Наталья Сергеевна Расулова

кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса³, ✉ rasulovanatalya@mail.ru

¹ Институт государства и права Российской академии наук (Москва, Россия)

² Академия управления МВД России (Москва, Россия)

³ Уральский юридический институт МВД России (Екатеринбург, Россия)

Стремительно развивающаяся преступность легко адаптируется к новым разработкам науки и техники, в результате чего происходит закономерная трансформация характера и структуры традиционных способов совершения преступлений и их видов. В таких реалиях в современной следственной и судебной практике все чаще возникают непростые вопросы в области юриспруденции (уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и иные), для разрешения которых судье, следователю, дознавателю, органу дознания недостаточно собственных знаний, профессионального либо жизненного опыта. Восполнить пробелы в собственном понимании субъектом доказывания нетипичных, нестандартных обстоятельств по уголовному делу помогут средства доказывания, выполняющие справочно-вспомогательную роль, нередко связанные с консультацией узко-профильных специалистов, обладающих специальными знаниями в области науки, техники, искусства либо ремесла. Авторы обосновывают значимость в уголовно-процессуальном доказывании особых информационных ресурсов, которые не устанавливают новые обстоятельства, но способствуют формированию правовых позиций и надлежащему обоснованию приговоров либо иных решений органов предварительного расследования и суда [1, с. 54–55].

Ключевые слова: доказательства, заключение специалиста, оценка доказательств, показания специалиста, проверка доказательств, специальные знания, средства доказывания

Для цитирования: Россинский С. Б., Расулова Н. С. Справочно-вспомогательные средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 118–123.

Reference Supplementary Means of Proving in Criminal Proceedings

Sergey B. Rossinsky

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, chief researcher of the section of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology¹, Professor at the chair of Management of Investigative Bodies², ✉ s.rossinskiy@gmail.com

Natalya S. Rasulova

Candidate of Science (in Law), chief of the chair of Criminal Procedure³, ✉ rasulovanatalya@mail.ru

¹ Institute of State and Law of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia)

² the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

³ the Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Yekaterinburg, Russia)

Increasingly developing crimes easily adapt to inventions in science and technologies, which leads to logical transformation of the character and structure of traditional ways of committing crimes and their types. Under these conditions the modern investigative and judicial practice frequently deals with difficult questions in the field of jurisprudence both related to criminal law, criminal procedure and others to solve which the knowledge, professional or life experience of a judge, an investigator, an interrogator, inquiry body is insufficient. To help the subject of proving to complete the gaps in own understanding of typical, non-standard circumstances of a criminal case it is necessary to apply to means of proving of reference supplementary character, which frequently can be consultation of a specialist in a narrow field who possesses special knowledge in the areas of science, technologies, art or a trade. The authors substantiate that peculiar informational resources, which do not establish new circumstances but rather form

legal positions and appropriate foundation of sentences or other decisions made by preliminary investigative bodies and the court, are essential for criminal procedural proving [1, с. 54–55].

Keywords: proofs, specialist's assessment, assessment of proofs, specialist's testimony, verifying the proof, special knowledge, means of proving

Citation: Rossinsky S. B., Rasulova N. S. Reference Supplementary Means of Proving in Criminal Proceedings. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 118–123 (In Russ.).

Различные аспекты уголовно-процессуального доказывания всегда были актуальны, привлекали внимание ученых и вызвали бурные споры и дискуссии. Особое место среди них традиционно занимали и продолжают занимать вопросы, связанные с так называемыми средствами доказывания, т. е. предусмотренными законом либо вытекающими из его смысла полезными активами, позволяющими дознавателю, следователю, суду устанавливать имеющие значение для уголовного дела обстоятельства и обосновывать правоприменительные решения, а сторонам — пытаться влиять на характер и содержание таких решений¹. Причем в подавляющем количестве научных публикаций совокупность подобных средств обычно ограничивается самими доказательствами, т. е. информационными активами, прямо предусмотренными ч. 2 ст. 74 УПК РФ (в более ранних публикациях — соответствующими положениями советского уголовно-процессуального законодательства) [2, с. 6; 3, с. 290; 4, с. 212–213].

Согласиться с таким подходом достаточно сложно. Доказательства — действительно основные, в определенном смысле важнейшие, вне всяких сомнений, наиболее известные средства уголовно-процессуального доказывания. По всей вероятности, именно поэтому они и являются объектом столь пристального внимания ученых, а связанные с ними доктринальные, нормативно-правовые и практические проблемы — предметом многочисленных научных исследований и хорошей почвой для полемики. Однако подобная популярность доказательств вовсе не подразумевает их исключительности, их единственности для использования в качестве средств доказывания, поскольку по своей сути уголовно-процессуальные доказательства являются не более чем «следовыми» средствами доказывания. Они представляют собой информационные продукты, предопределенные следами-отображениями окружающей реальности (следами в широком смысле), т. е. материальными или идеальными объектами ретроспективного познания. Тогда как современное уголовно-процессуальное законодательство дозво-

ляет, а иногда и прямо предписывает использовать для аргументации позиций сторон и обоснования правоприменительных решений принципиально другие, «неследовые» средства, обязанные своим возникновением не столько способности материи к отражению, сколько другим причинам. В частности, предусматривается возможность прибегать к помощи формальных средств доказывания: презумпций, преюдиций, ноторных фактов и т. д. — неких полезных ресурсов, не возникающих в ходе восприятия и фиксации следов-отображений (следов в широком смысле), а «принимаемых на веру», т. е. приобретающих юридическую силу и способность к использованию в правоприменительной практике на основании общепризнанности, неоспоримости и (или) прямого указания в законе [5, с. 43–46]. Кроме того, не стоит игнорировать и потенциал так называемых субъективных средств доказывания: общеизвестных и юридических познаний, правосознания, правопонимания, правовой культуры, профессионального и жизненного опыта.

Все указанные средства в своей совокупности представляются вполне достаточным «строительным материалом» для решения подавляющего большинства возникающих в правоприменительной практике вопросов. При умелом и рациональном «распоряжении» они позволяют установить или формально признать установленными те или иные обстоятельства, необходимые для аргументации позиций сторон и обоснования приговоров либо иных процессуальных актов.

Вместе с тем их потенциал рассчитан на преимущественно стандартные, типичные, не представляющие особой сложности уголовные дела, связанные с установлением юридических фактов и других обстоятельств, вполне предрасположенных к надлежащему пониманию субъектами доказывания. Тогда как на сегодняшний день в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства нередко возникают неординарные либо весьма сложные уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и другие вопросы, явно выходящие за пределы ком-

¹ Авторы настоящей статьи придерживаются узкого доктринального подхода к пониманию средств доказывания. Вместе с тем в некоторых публикациях используется иной, широкий подход, предполагающий понимание средств доказывания как двух взаимосвязанных, но тем не менее относительно самостоятельных групп объектов уголовно-процессуального регулирования: а) доказательств и (или) их источников; б) процессуальных приемов, связанных с их накоплением (собираением), исследованием и проверкой.

петентности профессиональных служителей уголовной юстиции и тем более невластных участников уголовного судопроизводства. Для успешного разрешения подобных вопросов требуются дополнительные ресурсы, как бы вспомогательные аргументы, доводы, силлогистические посылки, способствующие умственной обработке накопленного материала, главным образом должной оценке относимости, допустимости, достоверности отдельных доказательств и надлежащему пониманию вытекающих из них юридических фактов.

Как правило, такие ресурсы связаны со специальными, узкопрофильными познаниями в различных сферах жизнедеятельности, выходящими за предмет общих и профессиональных компетенций, присущих судьям, прокурорам, следователям, дознавателям, адвокатам. В первую очередь к ним относятся специальные знания, под которыми в сфере уголовно-процессуального регулирования принято понимать любые знания, умения, навыки в области науки, техники, искусства либо ремесла, приобретенные посредством получения высшего (иного) образования в соответствующей отрасли и (или) практической деятельности по определенной специальности [2, с. 49; 6, с. 46; 7, с. 6; 8, с. 7].

Так, в ходе апелляционного рассмотрения уголовного дела по факту присвоения и растраты бюджетных средств, выделенных на ремонт и благоустройство береговых укреплений одного из водохранилищ (ч. 4 ст. 160 УК РФ), сторона защиты обратила внимание на неполноту, научную и методическую необоснованность имеющегося заключения судебной строительно-технической экспертизы, выявившей несоответствие степени морозостойкости фактически использованного подрядчиком камня требованиям проектной документации и сведениям, зафиксированным в отчетных материалах. Для подробного разъяснения указанных вопросов был приглашен известный специалист в области строительства и ремонта береговых укреплений водоемов, который в своем письменном заключении и последующих устных показаниях в понятных для суда формулировках подтвердил возникшие сомнения в доброкачественности результатов экспертных исследований. Высказанные им доводы и аргументы позволили суду критически оценить приобщенное к материалам уголовного дела экспертное заключение, в связи с чем предопределили частичное изменение ранее постановленного обвинительного приговора².

Однако реалии современной практики расследования и судебного разбирательства уголовных дел, связанные с периодически возникающей потребно-

стью погружаться в особые сферы правового регулирования, приводят к необходимости условного отнесения к специальным и некоторым специфическим знаниям в области права, которыми ввиду понятных причин недостаточно владеют профессиональные служители юстиции. Таковыми, в частности, являются знания в области нормативно-правового регулирования пожарной, транспортной и экологической безопасности, бухгалтерского и налогового учета, строительства, различных отраслей промышленности и сельского хозяйства, медицины и т. п. [9, с. 124–127; 10, с. 14]. Будучи фрагментами юридической материи, подобные знания приобретают способность к продуктивному использованию только в умелых руках компетентных в соответствующих вопросах специалистов. И в связи с этим Ю. К. Орлов справедливо наделял связанные с ними положения законов и подзаконных нормативных правовых актов дуалистическим характером, с одной стороны, понимая под ними юридические предписания, а с другой — оценивая их как рассчитанные лишь на прошедших специальную подготовку и обладающих определенными знаниями, умениями, навыками субъектов [11, с. 16]. Например, по уголовному делу в отношении группы лиц, обвиненных в уклонении от уплаты налогов, подлежащих уплате организацией, в особо крупном размере (ч. 2 ст. 199 УК РФ), в судебное заседание в качестве специалиста был приглашен доцент кафедры финансового и налогового права одного из юридических вузов. Его пояснения позволили суду правильно установить степень виновности каждого из подсудимых, а также исключить из обвинения некоторые ранее инкриминированные органами предварительного следствия эпизоды преступной деятельности³.

Наряду с обращениями к обладателям специальных знаний в современной практике периодически возникают сложные ситуации, обуславливающие необходимость прибегнуть к помощи узкопрофильных юристов-международников, специалистов в области зарубежного законодательства или утративших силу нормативных актов. Встречаются и случаи, требующие фундаментальной эрудиции в уголовном, гражданском, административном, трудовом и других традиционных отраслях российского права, по крайней мере, более глубоких знаний, по сравнению с теми, которыми надлежит обладать среднестатистическим судьям, прокурорам, следователям, дознавателям, адвокатам. Например, давая юридическую оценку установленным в ходе судебного заседания обстоятельствам получения взятки, судья одного из районных судов воспользовался полученными по инициативе защитника письменными разъяснениями (так

² Уголовное дело № 1-198/2010 // Архив Кировского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области. 2010 г.

³ Уголовное дело № 1-445/2013 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области. 2013 г.

называемым научно-консультативным заключением) профессора кафедры уголовного права одного из ведущих юридических вузов, признанного и авторитетного специалиста в области должностных, в частности коррупционных, преступлений⁴.

Предопределенные всеми подобными узкопрофильными познаниями вспомогательные ресурсы также предназначены для использования в процессе осмысления накопленного доказательственного материала и могут учитываться при аргументации позиций сторон и обосновании приговоров либо иных правоприменительных решений. Таким образом, они тоже выполняют роль своеобразных средств уголовно-процессуального доказывания.

Вместе с тем указанные активы нельзя отождествить с собственными знаниями дознавателей, следователей, прокуроров, судей, невластных участников, с их правопониманием, правовой культурой, опытом и прочими субъективными средствами доказывания. Это принципиально иные ресурсы, подлежащие использованию в совершенно другом качестве.

Во-первых, они предполагают не «внутренний», а именно «внешний» источник происхождения — поступают в распоряжение субъектов доказывания как бы извне, т. е. передаются другими лицами в связи с производством по конкретному уголовному делу посредством устных сообщений или письменных документов, часто дополненных наглядным материалом. Этим подобные ресурсы напоминают классические доказательства, также основанные на восприятии «внешних» объектов ретроспективного познания — материальных или идеальных следов отображений, не являющихся плодом воображения дознавателя, следователя, судьи или представителей сторон, а возникающих или изменяющихся под воздействием различных фрагментов объективной реальности. Видимо, такое сходство и стало основной причиной совершенно неразумного правотворческого решения, предопределившего возможность использования заключения специалиста и показаний специалиста не как вспомогательных аргументационных ресурсов, а именно как полноценных «следовых» доказательств. Вполне вероятно, что, намереваясь формально ввести указанные средства доказывания в систему уголовно-процессуального регулирования, осознавая «внешний» источник их происхождения, но при этом не понимая подлинного предназначения уготовливаемой им роли, авторы соответствующего законопроекта достаточно легкомысленно определили эти ресурсы как доказательства, дополнив ч. 2 ст. 74 УПК РФ еще одним пунктом, а ст. 80 УПК РФ — двумя новыми частями. Вместе с тем правоприменительная практика все расставила

на свои места: за некоторыми исключениями, обусловленными непоследовательностью и бессистемностью правотворческих шагов (например, появлением достаточно странной нормы, предусмотренной п. 3 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ), и показания, и заключения специалиста стали преимущественно использоваться как средства, способствующие не столько установлению каких-либо новых обстоятельств, сколько надлежащей оценке информационных активов, в первую очередь доброкачественности результатов проводимых судебных экспертиз.

Во-вторых, подобные средства доказывания имеют не основное, а сугубо вспомогательное предназначение. Их использование ограничивается достаточно сложными ситуациями, связанными с затруднениями в должном понимании и (или) оценке судьей, следователем, другими субъектами доказывания каких-либо специфических обстоятельств, попавших в предмет познания по уголовному делу. Как раз в этом и состоит их коренное отличие от показаний, экспертных заключений, вещественных и прочих доказательств как основных, т. е. подлежащих обязательному использованию средств уголовно-процессуального доказывания. Например, заключение специалиста, помимо прочего, отличается от заключения эксперта предрасположенностью к использованию только в особых ситуациях, связанных с изначальным непониманием или недопониманием правоприменителями и (или) представителями сторон каких-либо вопросов из области специальных знаний. В таких случаях, справедливо подмечает В. И. Зажицкий, недостающие знания могут быть восполнены субъектами доказывания и самостоятельно, посредством изучения справочной литературы и других источников. Вместе с тем, продолжает автор, «блуждать в безбрежном море информации им просто некогда», что вынуждает обращаться за содействием к профильным специалистам [12, с. 383]. Сходные позиции можно встретить и в других публикациях [13, с. 200; 14, с. 16]. Тогда как заключению эксперта в процессе доказывания, напротив, уготована не просто основная, а безальтернативная роль. Исходя из смысла закона, результаты экспертного исследования предполагают выводной характер, поэтому не могут быть заменены никакими другими средствами доказывания, за исключением все того же странного дозволения, вытекающего из п. 3 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ. А в предусмотренных ст. 196 УПК РФ случаях назначение судебной экспертизы из дискреционного полномочия переходит в разряд императивного предписания.

И наконец, в-третьих, подобные информационные активы не предопределяются обнаружением,

⁴ Уголовное дело № 1-319/2016 // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области. 2016 г.

восприятием и фиксацией материальных или идеальных следов-отображений (следов в широком смысле), т. е. объектов ретроспективного познания, возникающих или изменяющихся под влиянием различных фрагментов окружающей реальности. Они появляются в результате консультационной деятельности сведущего лица, некоего «уголовно-процессуального консалтинга». Другими словами, они тоже являются «неследовыми» средствами доказывания [1, с. 53, 74], при этом играя сугубо справочную роль⁵ [15, с. 141]. Например, консультационный характер заключения и показаний специалиста прямо вытекает из смысла закона: в соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист привлекается к участию в уголовном деле, в том числе для разъяснения суду и сторонам вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Тогда как заключение эксперта, показания эксперта и прочие доказательства, напротив, предполагают «следовой» характер, т. е. их познавательная ценность обуславливается возможностью изучения материальных или идеальных следов-отображений.

Ввиду своего справочного предназначения заключение специалиста, показания специалиста и тому подобные ресурсы в определенной степени напоминают ноторные факты. Разница заключается лишь в том, что последним не присущ вспомогательный характер — они подлежат самостоятельному установлению дознавателем, следователем, судом, представителями сторон и не требуют обращения за помощью к другим, в том числе сведущим, лицам.

Рассмотренные результаты «уголовно-процессуального консалтинга» разумно именовать *справочно-вспомогательными средствами доказывания*.

К ним надлежит относить *сообщаемые сведущими в определенных узкопрофильных областях зна-*

ний лицами сведения, которые, восполняя пробелы в собственном понимании субъектами доказывания каких-либо специфических обстоятельств, появившихся в предмет познания по уголовному делу, определяют возможность получения вспомогательных аргументов, доводов, силлогистических посылок, способствующих правильной оценке отдельных доказательств, уяснению вытекающих из них фактов, надлежащему осмыслению накопленного доказательственного материала, т. е. содействующих сторонам в аргументации своих позиций, а дознавателю, следователю и суду — в обосновании правоприменительных актов [1, с. 54–55].

В настоящее время к справочно-вспомогательным средствам уголовно-процессуального доказывания обоснованно можно отнести: а) заключения специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ); б) показания специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ); в) научно-консультативные и тому подобные правовые заключения, обусловленные возникшей у субъекта доказывания сложностью в уяснении какого-либо аспекта, связанного как с исследуемыми обстоятельствами уголовного дела, так и с любой отраслью российского и зарубежного права [1, с. 55]; г) «уголовно-процессуальный консалтинг» в виде устных консультаций специалиста, к которому могут прибегнуть не только властные участники уголовного судопроизводства, но и иные, вовлеченные в процесс доказывания как со стороны защиты, так и со стороны обвинения (защитник, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, частный обвинитель и др.). Подобные консультации условно можно назвать непроцессуальной консультацией специалиста, поскольку проводятся они вне процессуальной формы и вне установленного УПК РФ правового режима.

Список литературы

1. Расулова Н. С., Россинский С. Б. Заключение специалиста как справочно-вспомогательное средство доказывания в уголовном судопроизводстве : монография. М., 2023.
2. Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. М., 1967.
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968.
4. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973.
5. Смирнов А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М., 2019.
6. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000.
7. Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях. М., 2011.
8. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2014.
9. Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964.
10. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2016.
11. Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005.

⁵ В связи с этим весьма примечательно, что еще дореволюционные ученые иногда называли сведущих лиц не иначе как справочными свидетелями.

12. *Зажицкий В. И.* Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб., 2015.
13. *Уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева.* 4-е изд. М., 2004.
14. *Рябинина Т. К., Пашутина О. С.* Допрос специалиста и истребование его заключения в уголовном судопроизводстве России: проблемы и пути их разрешения // *Мировой судья.* 2011. № 10.
15. *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.

УДК 343.11

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-124-127

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей

Петр Валерьевич Козловский

кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела¹, ✉ kozlovskypv@mail.ru

Евгений Игоревич Земляничин

начальник отдела государственных обвинителей уголовно-судебного управления², ✉ zemlyanitsin@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

² Прокуратура Омской области (Омск, Россия)

В статье сделан вывод о невозможности прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности при производстве в суде с участием присяжных заседателей до вынесения вердикта. Обоснована необходимость полного исследования доказательств перед принятием любого итогового решения. Констатируется отсутствие механизма обжалования решений о прекращении уголовного преследования в апелляционном порядке и порядке сплошной кассации в ходе продолжающегося рассмотрения уголовного дела. Предлагается после вынесения вердикта присяжными заседателями прекращать уголовное преследование в отношении лица, выразившего согласие с таким решением, и выносить приговор без назначения наказания в отношении лица, настаивавшего на продолжении судебного разбирательства.

Ключевые слова: доказывание, нереабилитирующие основания, прекращение уголовного преследования, прекращение уголовного дела, срок давности, суд присяжных

Для цитирования: Козловский П. В., Земляничин Е. И. Прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 124–127.

Termination of Criminal Prosecution due to the Expiration of a Statutory Limitation period for Bringing to Criminal Responsibility when Considering a Criminal Case by a Jury Trial

Petr V. Kozlovsky

Candidate of Science (in Law), chief of the Research Department¹, ✉ kozlovskypv@mail.ru

Evgeny I. Zemlyanitsin

Chief of the Department of State Prosecutors of the Criminal Trial Directorate², ✉ zemlyanitsin@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

² Prosecutor's Office of the Omsk region (Omsk, Russia)

The paper makes the conclusion upon impossibility of terminating criminal prosecution due to the expiration of statutory limitation period for bringing to criminal responsibility in proceedings by a jury trial before returning a verdict. The authors substantiate the necessity for overall examination of proofs before making any final decision. It is stated that there is no mechanism for appealing decisions on termination of criminal prosecutions in the appealing procedure and procedure of complete cassation during the ongoing consideration of a criminal case. It is suggested, after a jury verdict, to terminate criminal prosecution of a person, who has agreed with this decision, and pass a sentence without imposing punishment on a person who insists on continuation of a trial.

Keywords: proving, non-rehabilitation grounds, termination of criminal prosecution, termination of a criminal case, statutory limitations, jury trial

Citation: Kozlovsky P. V., Zemlyanitsin E. I. Termination of Criminal Prosecution due to the Expiration of a Statutory Limitation period for Bringing to Criminal Responsibility when Considering a Criminal Case by a Jury Trial. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 124–127 (In Russ.).

После расширения с 1 июня 2018 г. компетенции суда присяжных количество уголовных дел, рассматриваемых данным составом суда, увеличилось. Динамика рассмотрения уголовных дел с вынесением приговора за последние 7 лет выглядит следующим образом: 2016 г. — 202; 2017 г. — 298; 2018 г. — 280; 2019 г. — 717; 2020 г. — 675; 2021 г. — 870; 1-е полугодие 2022 г. — 449. Определенное временное снижение количества дел в 2020 г. под влиянием пандемии не повлияло на общую тенденцию по увеличению их количества. Перед введением присяжных в районном звене прогнозировалось возможное увеличение количества уголовных дел, рассмотренных с их участием, в 70 раз — до 15 000 в год¹. Столь смелые прогнозы не оправдались, однако это свидетельствует о стремлении в дальнейшем существенно увеличить количество дел данной категории. Производство с участием присяжных на сегодняшний день составляет небольшую часть от общего количества уголовных дел, их рассмотрение представляет высокую сложность и порождает новые проблемы, требующие разрешения.

Предмет судебного разбирательства по делам, рассматриваемым данным составом суда, имеет ряд особенностей. В соответствии с требованиями ст. 335 УПК РФ в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только вопросы факта (доказанность деяния, вменяемого подсудимому, доказанность совершения им данного деяния и виновность). Судебное следствие с участием присяжных заседателей должно проводиться в строго очерченных рамках, касающихся осведомленности присяжных о личностных характеристиках подсудимого, и лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется [1, с. 20]. Указанные ограничения не допускают исследования доказательств виновности иных лиц, в отношении которых судебное разбирательство не проводится, а также иных фактов, не охватываемых предъявленным обвинением. В результате осложняется рассмотрение уголовных дел о взаимосвязанных преступлениях, одно из которых является предметом судебного разбирательства с участием присяжных заседателей, а второе — нет.

В этом контексте один из проблемных вопросов — это прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности в части предъявленного обвинения. Особую сложность вызывает прекращение уголовного преследования в отношении соучастников группового преступления, когда

они занимают разные позиции или же срок давности привлечения к уголовной ответственности в отношении одного из них не истек. Прекращение уголовного преследования в отношении одного из подсудимых существенно затрудняет исследование обстоятельств совершения преступления другим подсудимым. Полнота и объективность судебного следствия требуют комплексного исследования обстоятельств преступления, роли каждого соучастника, которая зависит от анализа действий лиц, в отношении которых уголовное преследование прекращено.

Но при этом не вполне ясно, возможно ли прекращение уголовного преследования в ходе судебного следствия до удаления присяжных заседателей в совещательную комнату и завершения исследования доказательств. Каким итоговым решением в этом случае должно быть завершено судебное разбирательство: постановлением о прекращении уголовного преследования или обвинительным приговором с освобождением от наказания?

Подобная проблема возникла при рассмотрении Тевризским районным судом Омской области уголовного дела по обвинению К. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111, ст. 116, ч. 1 ст. 166 УК РФ, а также О. по ч. 4 ст. 111, ст. 116 УК РФ². Подсудимые, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в р. п. Тевриз Омской области нанесли потерпевшему Т. множественные удары руками и ногами по голове и телу, причинив телесные повреждения и физическую боль, после чего, встретив ранее им знакомого М., причинили ему несовместимые с жизнью травмы, от которых он скончался. Кроме того, К. незаконно завладел принадлежащим Л. автомобилем.

На момент начала судебного следствия срок давности привлечения подсудимых к уголовной ответственности по преступлению, предусмотренному ст. 116 УК РФ, истек. Стороной защиты было заявлено ходатайство о прекращении уголовного преследования по данному преступлению, которое О. после перерыва в судебном заседании не поддержал, что в силу правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 2 марта 2017 г. № 4-П³, предполагало необходимость продолжить судебное разбирательство в отношении него.

В целях соблюдения требований ст. 335 УПК РФ и беспрепятственного исследования обстоятельств совершения преступления государственный обвинитель высказал мнение о необходимости отказа в удовлетворении ходатайства, которое поддержал

¹ В России расширяется компетенция суда присяжных. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/26852 (дата обращения: 20.03.2023).

² Уголовное дело № 1-1/2022 (1-1/2021; 1-53/2020) // Архив Тевризского районного суда.

³ По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова : постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2017 г. № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 3.

председательствующий по делу. После вынесения обвинительного вердикта повторно такое ходатайство не заявлялось, судом постановлен обвинительный приговор с освобождением подсудимых от наказания в части обвинения по ст. 116 УК РФ.

Апелляционной инстанцией приговор в части осуждения К. по ст. 116 УК РФ был отменен, уголовное преследование прекращено на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В качестве мотивов принятия решения суд указал, что осужденный заявил о согласии на прекращение уголовного преследования, а ходатайство о принятии данного решения должно было быть разрешено судом первой инстанции после вынесения вердикта присяжными⁴.

На первый взгляд, формальных препятствий для прекращения уголовного преследования в отношении К. не имелось, поскольку по смыслу уголовно-процессуального закона прекращение уголовного дела (преследования) возможно на любой стадии производства по делу. Б. Д. Завидов полагает, что при наличии нереабилитирующих оснований для прекращения уголовного дела коллегия присяжных должна быть распущена. Если присяжным стало известно об этих обстоятельствах после удаления в совещательную комнату, они должны воздержаться от вынесения вердикта, вернуться в зал заседания и обратиться к председательствующему с просьбой проверить наличие указанных обстоятельств и при подтверждении их наличия прекратить уголовное дело. При этом он допускает возможность прекращения уголовного дела после вынесения вердикта в случаях, когда присяжным заседателям не были известны основания прекращения [2]. С данной позицией сложно согласиться. Системное толкование закона свидетельствует о том, что закон не предусматривает возможности прекращения уголовного преследования перед началом или в ходе судебного следствия.

Во-первых, прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям предполагает установление виновности лица в совершении преступления, что возможно только после завершения исследования доказательств. Кроме того, в рамках данного уголовного дела крайне важно было проанализировать действия подсудимых системно, так как одно преступление следовало за другим. Изучение обстоятельств нанесения побоев позволяло лучше понять мотивы причинения тяжкого вреда здоровью и смерти⁵.

Во-вторых, прекращение уголовного преследования является итоговым решением, которое не должно приниматься в ходе судебного следствия. Последующие обжалования в апелляционном и кассационном порядке (сплошная кассация) предполагают направление в вышестоящую инстанцию уголовного дела, что невозможно в процессе продолжающегося судебного разбирательства. Обжалование решения о прекращении уголовного преследования вместе с приговором будет невозможно в связи с истечением срока обжалования. Представляется, именно по этой причине ст. 236 УПК РФ допускает по результатам предварительного слушания только прекращение уголовного дела (единственным исключением является прекращение уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа). В тексте ст. 254 УПК РФ (несмотря на название) речь также идет только о прекращении уголовного дела.

В-третьих, при производстве в суде с участием присяжных заседателей невозможно исследовать доказательства виновности одного соучастника преступления без изучения обстоятельств виновности другого соучастника. При этом присяжные должны быть ограждены от исследования доказательств, не связанных с предметом судебного разбирательства⁷. Прекращение уголовного преследования по

⁴ Апелляционное определение Областного суда Омской области по уголовному делу № 22-2909/2022. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.12.2022).

⁵ В качестве негативного примера можно привести одно из уголовных дел в отношении участника Ореховской ОПГ. На предварительном слушании в отношении подсудимого было прекращено уголовное преследование по ч. 2 ст. 209 УК РФ в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности. По обвинению в убийстве подсудимый был присяжными оправдан. Защитники утверждали, что обвинители уделили недостаточное внимание доказыванию мотива преступления, который был связан с действиями в интересах банды. В результате ключевой элемент обвинения был исключен из судебной оценки по причине преждевременного прекращения уголовного преследования [3, с. 14–23].

⁶ Аналогичное решение о прекращении уголовного преследования в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности было принято Московским районным судом г. Санкт-Петербурга по уголовному делу № 1-17/22 (Архив Московского районного суда г. Санкт-Петербурга) на стадии назначения судебного разбирательства без исследования всех обстоятельств совершенного преступления и обстоятельств, влиявших на исчисление срока давности привлечения к уголовной ответственности ввиду ограниченности средств стадии. Решение не обжаловалось заинтересованными лицами в связи с опасениями остановить основной процесс и неизбежным истечением срока давности в ходе рассмотрения уголовного дела при успешном обжаловании решения суда первой инстанции.

⁷ Запрет на исследование доказательств, полученных при расследовании преступлений, по которым уголовное преследование прекращено, не является абсолютным. Допускается выборочное исследование доказательств, связанных с рассматриваемым делом. Однако провести четкую грань в подобных ситуациях достаточно сложно. При совершении нескольких взаимосвязанных преступлений, часть из которых не охватывается предметом судебного разбирательства в суде присяжных, всегда существует риск невозможности использования отдельных доказательств. (Определение Верховного Суда РФ от 26 августа 2008 г. по делу № 4-008-73сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

одному факту, который тесно взаимосвязан с другими инкриминируемыми деяниями, существенно затруднит доказывание, может сделать невозможным исследование части доказательств.

В-четвертых, в соответствии с п. 1 ст. 350 УПК РФ разбирательство уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей может быть завершено вынесением председательствующим постановления о прекращении уголовного дела в случаях, предусмотренных ст. 254 УПК РФ (истечение сроков давности, смерть подсудимого, отсутствие заявления потерпевшего по делам частного обвинения и т. д.)⁸.

Приведенные аргументы свидетельствуют о необходимости принятия решения о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям после вынесения вердикта присяжными заседателями.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, каким итоговым решением должно быть завершено судебное разбирательство. По указанному уголовному делу в части обвинения в совершении преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, в отношении обоих подсудимых был вынесен приговор с освобождением от наказания в связи с истечением сроков давности. Суд первой инстанции и государственный обвинитель исходили из того, что вынесение приговора нарушением уголовно-процессуального закона в данном случае не является и прав подсудимого не ущемляет, поскольку оба вида процессуальных решений не влекут каких-либо негативных правовых последствий. В частности, в силу ч. 2 ст. 86 УК РФ лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым. Не будет судимости и у лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

Представляется, что положения ч. 8 ст. 302 УПК РФ распространяются исключительно на случаи, когда прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности в порядке ст. 254 УПК РФ невозможно в силу того, что обвиняемый против этого возражает [5]. Применение ч. 8 ст. 302 УПК РФ может иметь место, если обвиняемый (подсудимый) настаивает на продолжении производства по уголовному делу, что предполагает проведение полноценного судебного разбирательства, завершающегося постановлением приговора как акта правосудия. При этом вынесение обвинительного приговора при наличии оснований для прекращения уголовного преследования, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим безусловную отмену приговора⁹.

Таким образом, прекращение уголовного преследования в части предъявленного обвинения должно иметь место только после завершения судебного следствия, в рамках которого должны исследоваться фактические обстоятельства совершенного преступления. Особое значение это имеет по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, предмет доказывания по которым существенно ограничен.

В отношении подсудимого, который заявил ходатайство или выразил согласие на прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности, указанное решение должно быть принято в соответствии с п. 1 ст. 350 УПК РФ после вынесения вердикта присяжными. В отношении подсудимого, настаивавшего на продолжении судебного разбирательства, необходимо выносить обвинительный приговор с освобождением от наказания.

Список литературы

1. Кисленко С. Л. Принцип полноты данных, характеризующих личность подсудимого: проблемные аспекты и реализация в судебном разбирательстве уголовных дел // Российский судья. 2021. № 6.
2. Завидов Б. Д. Особенности рассмотрения в суде уголовных дел с участием присяжных заседателей. М., 2004.
3. Цветков Ю. А. Великий уравнитель: суд присяжных в России // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1.
4. Толкаченко А. А. Взаимосвязь уголовно-правовых и процессуальных аспектов квалификации // Мировой судья. 2019. № 12.
5. Производство по уголовным делам в суде первой инстанции : науч.-практ. пособие / С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков [и др.] ; под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2011.

⁸ А. А. Толкаченко, соглашаясь с возможностью прекращения уголовного дела, полагает, что исключением из этого правила является только прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон [4, с. 15–25].

⁹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 19 января 2009 г. № 14-О08-47. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-128-133

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Отмена постановления о прекращении уголовного дела по судебному решению, принимаемому в порядке ст. 125 УПК РФ

Александра Сергеевна Тумасян

преподаватель кафедры криминалистики¹, ✉ erikevamoi@mail.ru

¹ Краснодарский университет МВД России (Краснодар, Россия)

Автор анализирует возможности судебного контроля, предусмотренного ст. 125 УПК РФ, в принятии судебного решения, допускающего отмену постановления о прекращении уголовного дела по истечении одного года со дня его вынесения. Показан его ограниченный потенциал, обусловленный тем, что прокурор, руководитель следственного органа не указаны в ст. 125 УПК РФ в числе субъектов права обжалования постановления дознавателя, следователя о прекращении уголовного дела и при появлении новых сведений, подлежащих дальнейшему расследованию по прекращенному уголовному делу и требующих его возобновления, начать процедуру получения разрешения его отмены по правилам ст. 125 УПК РФ не могут. Обосновывается вывод, что для целей отмены постановления о прекращении уголовного дела по истечении одного года со дня его вынесения предпочтение имеет судебная процедура, регламентируемая ст. 214¹ УПК РФ.

Ключевые слова: суд, руководитель следственного органа, прокурор, прекращение уголовного дела, судебный порядок, отмена, разрешение, постановление

Для цитирования: Тумасян А. С. Отмена постановления о прекращении уголовного дела по судебному решению, принимаемому в порядке ст. 125 УПК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 128–133.

Cancellation of the Ruling on Termination of the Criminal Case by a Court Decision adopted in accordance with Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Alexandra S. Tumasyan

Lecturer at the chair of Criminalistics¹, ✉ erikevamoi@mail.ru

¹ the Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Krasnodar, Russia)

Under analysis are possibilities of judicial control provided by Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation over making a court decision, which admits cancellation of the ruling upon termination of a criminal case after one year from the date of its rendering. The author demonstrates its limited potential determined by the fact that the prosecutor and the chief of the investigative body are not listed in Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as subjects with the right to appeal the ruling made by the interrogator, investigator on termination of a criminal case and with revealing of new data subject to further investigation on the dismissed criminal case and requiring its renewal cannot initiate the procedure of obtaining permission for its cancellation according to the rules of Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The conclusion made is as follows: with the purposes of cancellation of the ruling on termination of a criminal case after one year from the date of its rendering the court procedure regulated by Art. 214¹ of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is preferable.

Keywords: court, chief of the investigative body, prosecutor, termination of a criminal case, court procedure, cancellation, permission, ruling

Citation: Tumasyan A. S. Cancellation of the Ruling on Termination of the Criminal Case by a Court Decision adopted in accordance with Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 128–133 (In Russ.).

В УПК РФ предусмотрены различные основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования (далее — прекращение уголовного дела). В форме прекращения уголовного дела завершается

внутреннее число досудебных и судебных производств. В 2021 г. доля уголовных дел, прекращенных органами предварительного расследования в досудебном производстве, составила 9,4%, в 2020 г. —

9,6%, в 2019 г. — 9,3%, в 2018 г. — 7,4%, в 2017 г. — 7,6% от общего количества уголовных дел, оконченных производством. В 2017–2021 гг. прокуроры отменяли от 21 до 27% направленных им для проверки постановлений дознавателей и следователей о прекращении уголовных дел¹.

Судами первой инстанции в 2021 г. прекращено 21,8% уголовных дел от общего количества уголовных дел, по которым судом окончено производство, в 2020 г. — 24,9%, в 2019 г. — 23,9%, в 2018 г. — 21,8%, в 2017 г. — 21,1%².

По аналогии с приговором, который подлежит отмене при установлении судом апелляционной, кассационной инстанции перечисленных в законе оснований (ст. ст. 389²⁰–389²⁵, 401¹⁵ УПК РФ), указывающих на его незаконность и необоснованность, в УПК РФ заложена и возможность отмены постановления о прекращении уголовного дела. Относительно решений о прекращении уголовного дела, вынесенных в стадии предварительного расследования, действуют правила их отмены, сформулированные в ст. 214 УПК РФ. Применяется внесудебный и судебный порядок отмены постановления дознавателя, следователя о прекращении уголовного дела.

Внесудебный порядок. Алгоритмы отмены постановления дознавателя и следователя о прекращении уголовного дела отличаются незначительно и состоят в следующем:

а) признав постановление дознавателя о прекращении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор отменяет его и возобновляет производство по уголовному делу;

б) признав постановление следователя о прекращении уголовного дела незаконным или необоснованным, руководитель следственного органа отменяет его и возобновляет производство по уголовному делу;

в) признав постановление руководителя следственного органа, следователя о прекращении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела отменяет его, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительному расследованию, которое вместе с материалами уголовного дела незамедлительно направляет руководителю следственного органа.

Не затрагивая технических деталей приведенных правил отмены постановления о прекращении

уголовного дела, действовавших вплоть до конца 2018 г., выделим в них главное: 1) руководитель следственного органа, прокурор в принятии названного решения были связаны лишь сроком привлечения к уголовной ответственности; 2) прокурор вправе отменить постановление следователя о прекращении уголовного дела до истечения 14 суток с момента поступления к нему материалов уголовного дела.

Судебный порядок. Законом от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ установлен пресекательный годичный срок, по истечении которого отмена решения о прекращении уголовного дела стала возможной только на основании судебного решения (ч. 1¹ ст. 214 УПК РФ). Данное дополнение осуществлено законодателем в связи с признанием Конституционным Судом РФ в постановлении от 14 ноября 2017 г. № 28-П не соответствующей Конституции РФ ч. 1 ст. 133 УПК РФ в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования содержащееся в ней положение во взаимосвязи с п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ позволяет прокурору в течение неопределенного срока отменять вынесенное по реабилитирующим основаниям постановление о прекращении уголовного дела без предоставления лицу, в отношении которого оно вынесено, эффективных гарантий защиты, включая судебную, от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования.

Предписывая внести в УПК РФ необходимые изменения, Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание и на недопустимость возникновения ситуации, при которой в пределах срока привлечения к уголовной ответственности исключалась бы возможность отмены принятого на досудебной стадии постановления о прекращении уголовного дела, если выявились сведения о виновности лица в совершении преступления и соответствующая отмена необходима для восстановления справедливости и предупреждения совершения новых преступлений³.

Таким образом, при изложенных обстоятельствах действует усложненный порядок отмены постановления о прекращении уголовного дела, предусматривающий два обязательных этапа: оформление разрешения суда на отмену и саму отмену прокурором, руководителем следственного органа постановления о прекращении уголовного дела. Причем, как это следует из ч. 1¹ ст. 214 УПК РФ, могут использоваться три судебные процедуры получения разре-

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ и о показателях преступности в России. URL: http://crimestat.ru/offenses_table (дата обращения: 16.12.2022).

² Статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 25.11.2022).

³ По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина М. И. Бондаренко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шения отмены постановления о прекращении уголовного дела. Одна из них специально введена для рассмотрения ходатайства прокурора, руководителя следственного органа о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела (ст. 214¹ УПК РФ). Законодатель посчитал вполне пригодными для этих целей и процессуальные формы, регламентированные ст. 125, 125¹ УПК РФ. Под этим углом зрения они и стали предметом исследования настоящей статьи.

Отмена постановления о прекращении уголовного дела на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ. Данная форма судебного контроля широко применяется на практике, в том числе для проверки законности и обоснованности постановлений о прекращении уголовного дела. В связи с этим целесообразно дать общую характеристику «последующему неотложному» судебному контролю законности и обоснованности решений и действий (бездействия) органов предварительного расследования, прокурора, рамки и содержание которого первоначально определялись ст. 125 УПК РФ, а с 2015 г. — дополнительно ст. 125¹ УПК РФ.

Во-первых, указанный вид судебного контроля инициируется участниками уголовного процесса и иными лицами, чьи интересы затрагивают принимаемые процессуальные решения и проводимые процессуальные действия в связи с проверкой сообщения о преступлении и расследованием уголовного дела [1, с. 47–54.]. Должностные лица органов расследования, прокуратуры не относятся к субъектам права на обращение с жалобой в суд. Напротив, в порядке ст. 125 УПК РФ суд рассматривает и разрешает жалобы на решения и действия (бездействие) публичных государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. Последние выступают в роли своеобразного ответчика.

Во-вторых, предмет обжалования в ст. 125 УПК РФ указан недостаточно четко, из-за чего вопросы правильного определения круга решений и действий, которые могут быть обжалованы, считаются специалистами наиболее практически значимыми [2, с. 60–61]. В теории уголовного процесса предлагается включать в предмет обжалования предусмотренные законом процессуальные решения, процессуальные действия (поведенческие акты, указанные и регламентированные законом) и бездействие (воздержание следователя от действий или невыполнение им любой из обязанностей, возложенных на него законом) [3, с. 64–65]. В любом случае обжалованы в суд могут быть только те действия и решения, которые

способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участника уголовного судопроизводства, затруднить доступ граждан к правосудию.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» не подлежат обжалованию решения дознавателя, следователя по вопросам, подлежащим рассмотрению в ходе судебного разбирательства⁴. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 23 не подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ решения и действия (бездействие) должностных лиц, которые не связаны с уголовным преследованием⁵. Вместе с тем на практике свыше половины рассматриваемых по правилам ст. 125 УПК РФ жалоб касаются процессуальных решений и действий в стадии возбуждения уголовного дела [4, с. 5], где еще незначительно проявляет себя уголовное преследование. Поэтому данная правовая позиция Верховного Суда РФ работает в строго ограниченных пределах.

В-третьих, производство по жалобам на решения и действия органов предварительного расследования и прокурора упрощено и не исключает рассмотрения жалобы по существу в случае неявки предполагаемых участников в судебное заседание.

В-четвертых, в результате рассмотрения жалобы суд может признать незаконным или необоснованным решение и действия органа предварительного расследования и прокурора, но сам непосредственно отменить их не уполномочен.

В-пятых, в ст. 125 УПК РФ конкретно указаны только два постановления дознавателя, следователя, которые могут обжаловаться в суд: 1) постановление об отказе в возбуждении уголовного дела; 2) постановление о прекращении уголовного дела. Выбор именно этих процессуальных актов объясняется тем, что они непосредственно блокируют заинтересованным лицам, в частности, потерпевшему, доступ к правосудию. «Проблема реализации потерпевшим права на доступ к правосудию, осуществляемому при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, — отмечают В. В. Николук и В. А. Терекян, — является одной из приоритетных в рамках функционирования института судебного контроля» [5, с. 111].

С другой стороны, незаконные отказы в возбуждении уголовного дела и прекращение уголовного дела позволяют лицам, причастным к совершению преступления, избежать ответственности.

Таким образом, в соответствии со ст. 125 УПК РФ по инициативе заинтересованных участников уго-

⁴ Российская газета. 2009. 18 февраля.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 7.

ловного процесса может быть проверена законность и обоснованность постановления о прекращении уголовного дела с вынесением оценочного решения. Отвечает ли оно требованиям постановления суда о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела, предусмотренного ст. 214¹ УПК РФ?

Поводом возбуждения процедуры, регламентированной ст. 125 УПК РФ, являются жалобы участников уголовного процесса, права и законные интересы которых затрагиваются решением дознавателя, следователя прекратить расследование уголовного дела. Это лицо, в отношении которого прекращено уголовное дело, и потерпевший. По жалобам названных лиц и осуществляется рассмотрение судом в судебном заседании материалов прекращенного уголовного дела [6, с. 87].

Надлежит отметить, что ст. 125 УПК РФ не устанавливает срока обжалования в суд решений, действий или бездействия органа предварительного расследования, прокурора. При обжаловании постановления о прекращении уголовного дела следует ориентироваться на установленный уголовным законом срок давности уголовного преследования, который варьируется в зависимости от категории преступления. Истечение одного года со дня вынесения постановления о прекращении уголовного дела не препятствует подаче потерпевшим жалобы на данное постановление в порядке ст. 125 УПК РФ.

В случае удовлетворения жалобы заявителя на постановление о прекращении уголовного дела и признании его незаконным или необоснованным, суд обязывает соответствующее должностное лицо устранить допущенные недостатки. Такое судебное постановление, вынесенное на основании п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ, может быть приравнено к постановлению судьи о разрешении отмены решения о прекращении уголовного дела, принятого на основании п. 1 ч. 4 ст. 414¹ УПК РФ.

Однако прокурор, руководитель следственного органа не указаны в ст. 125 УПК РФ в числе субъектов права обжалования постановления дознавателя, следователя о прекращении уголовного дела. При появлении новых сведений, подлежащих дальнейшему расследованию по прекращенному уголовному делу и требующих его возобновления по истечении одного года со дня вынесения постановления о прекращении уголовного дела, «запустить» процедуру получения разрешения его отмены по правилам ст. 125 УПК РФ практически не представляется возможным. Поэтому расположение в одном ряду процессуальных порядков, закрепленных в ст. ст. 125 и 214¹ УПК РФ как равнозначных для получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела не имеет достаточных оснований. Указанные порядки отличаются функционально.

Жалоба заявителя (лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, потерпевшего, его законного представителя или представителя) о признании незаконным или необоснованным постановления о прекращении уголовного дела не тождественна по своей информационной емкости ходатайству прокурора, руководителя следственного органа о получении разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела. Очевидно, что если жалоба заявителя отражает лишь фрагмент уголовного дела, связанного с защитой его частного, конкретного интереса, то ходатайство прокурора, руководителя следственного органа основывается на материалах уголовного дела в полном объеме, в том числе на новых сведениях, подлежащих дополнительному расследованию.

Прокурор, руководитель следственного органа, следователь, участвующие в судебном заседании, предметом которого является рассмотрение жалобы заявителя (он может и не присутствовать в судебном заседании) на постановление о прекращении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ, ограничиваются дачей суду пояснений по существу жалобы. Об исследовании материалов в ч. 4 ст. 125 УПК РФ не упоминается [7, с. 32]. Эти же должностные лица, являясь инициаторами проведения судебного заседания для получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела (ст. 214¹ УПК РФ), обосновывают внесенное ходатайство, участвуют в исследовании материалов.

Конституционным Судом РФ в УПК РФ введено правило об отмене постановления о прекращении уголовного дела по истечении одного года со дня его вынесения на основании судебного решения (ч. 1¹ ст. 214 УПК РФ) и самостоятельного порядка получения такого решения (ст. 214¹ УПК РФ). Рассматривая ходатайство о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела, суд исследует полученные сведения о виновности лица в совершении преступления, представленные прокурором, руководителем следственного органа. С учетом этих сведений и возникает необходимость возобновления производства по уголовному делу.

При обжаловании, например, потерпевшим, его законным представителем (представителем) постановления о прекращении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ никакими новыми сведениями о виновности лица в совершении преступления названные участники, как правило, не располагают и не могут ими располагать, в отличие от органов предварительного расследования, наделенных соответствующими процессуальными и розыскными полномочиями. Это означает, что предмет и пределы судебного исследования в судебном заседании определяются предметом жалобы и в него не входят

новые сведения о причастности лица к совершению преступления, подлежащие дополнительному расследованию.

В результате рассмотрения жалобы на постановление о прекращении уголовного дела могут устанавливаться различные нарушения требований закона к основаниям, условиям и порядку прекращения уголовного дела.

В приказе Генерального прокурора РФ от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» прокурорам предписано при решении вопроса об обоснованности возобновления производства тщательно выяснять, имеется ли необходимость дополнительной проверки новых значимых обстоятельств по делу, например, таких как неверная квалификация деяния, неправильное исчисление сроков давности.

Подобные обстоятельства обуславливают признание постановления о прекращении уголовного дела незаконным или необоснованным, а в последующем и его отмену с возобновлением производства по делу для устранения выявленных недостатков. Однако подобные случаи в большинстве своем не связаны с обнаружением новых сведений о причастности к преступлению лица, в отношении которого прекращено уголовное преследование.

Например, в постановлении о прекращении уголовного дела за отсутствием в действиях подозреваемого состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) вопреки требованиям п. 8 ч. 1 ст. 213 УПК РФ не решены вопросы отмены меры пресечения, иной меры процессуального принуждения или, в нарушение предписаний п. 9 ч. 1 ст. 213 УПК РФ, не определена судьба вещественных доказательств. В связи с допущенными нарушениями данное постановление о прекращении уголовного дела может быть обжаловано в суд в порядке ст. 125 УПК РФ как лицом, в отношении которого прекращено уголовное дело (в части применения мер принуждения), так и потерпевшим (в части судьбы вещественных доказательств). При рассмотрении жалобы суд с учетом допущенных следователем нарушений норм УПК РФ имеет основания признать такое постановление незаконным с возложением на руководителя следственного органа обязанности устранить недостатки. Исполнение судебного постановления предполагает отмену постановления о прекращении уголовного дела. Но совершенно очевидно, что приведенная ситуация не коррелирует с нормативными положениями (ч. 1^а ст. 214, ст. 214¹ УПК РФ), регулирующими отношения по поводу получения судебного разрешения

на отмену постановления о прекращении уголовного дела для дальнейшего его расследования в связи с появлением новых сведений о причастности лица к совершению преступления [8, с. 387–393]. Показательными примерами применения норм УПК РФ о судебном порядке отмены решения о прекращении уголовного преследования служат следующие уголовные дела.

Постановлением судьи Кировского районного суда г. Омска от 19 августа 2021 г. удовлетворено ходатайство органа предварительного следствия разрешить отмену постановления о прекращении уголовного дела, вынесенного 19 апреля 2019 г. в связи с отсутствием события преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 160 УК РФ по основанию, указанному в п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Судья пришел к выводу, что в представленных в суд материалах содержатся достаточные доказательства, подтверждающие необходимость установления и допроса по делу всех потерпевших, изъятия документов, указывающих на стоимость приобретенного потерпевшими жилья, правильного определения размера причиненного ущерба⁶.

В Свердловский районный суд г. Иркутска поступило вынесенное 7 сентября 2021 г. постановление руководителя следственного органа о возбуждении перед судом ходатайства о разрешении отмены постановления о прекращении 17 декабря 2009 г. на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовного дела как незаконного и необоснованного. Согласно справке оперативных сотрудников в ходе проведенных мероприятий получены сведения о возможной причастности к похищению и последующему убийству Г. криминальных структур г. Братска. В ходатайстве указывается на необходимость подробно изучить личность похищенного потерпевшего, установить круг его общения, лиц, с кем у него были конфликты. Также отмечается, что вопрос о применении срока давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено пожизненное лишение свободы, решается судом. Учитывая фактические обстоятельства произошедшего и представленные материалы, суд согласился с ходатайством руководителя следственного органа, о чем 21 сентября 2021 г. вынес в порядке ст. 214¹ УПК РФ соответствующее постановление⁷.

Что касается принимаемых в порядке ст. 125 УПК РФ судебных решений, которыми признаются незаконными или необоснованными постановления о прекращении уголовного дела в результате рассмотрения жалоб заинтересованных лиц (потерпевшего, его законного представителя или пред-

⁶ Архив Кировского районного суда г. Омска, дело (производство) № 3/14-7/2021 г.

⁷ Архив Свердловского районного суда г. Иркутска, дело (производство) № 3/12-44/2021 г.

ставителя; лица, в отношении которого прекращено уголовное дело), то они заменяют аналогичные судебные акты, предусмотренные ч. 1¹ ст. 214, ст. 214¹ УПК РФ, когда суд приходит к выводу, что дознавателем, следователем не в полном объеме произведен комплекс следственных и процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств совершенного преступления, а также лиц, их совершивших. Такое судебное постановление служит достаточным основанием для отмены прокурором, руководителем следственного органа решения о прекращении уголовного дела и возобновлении производства по делу.

Таким образом, потенциал ст. 125 УПК РФ для целей получения судебного разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела недостаточно высок. В поле зрения прокурора, руко-

водителя следственного органа попадают лишь те прекращенные уголовные дела, которые прошли судебную проверку в связи с рассмотрением жалобы заинтересованных участников уголовного процесса, закончившуюся признанием незаконным или необоснованным решения о прекращении уголовного дела в связи с неполнотой расследования. Точнее, только часть из них, причем весьма незначительная, поскольку большинство жалоб потерпевших, в которых оспаривается законность и обоснованность прекращения уголовного дела, остается без удовлетворения. Это послужило одной из причин введения в УПК РФ нового самостоятельного судебного производства для решения, как замечает В. В. Николюк, специальной задачи при помощи специфических процессуальных средств, устанавливающих процессуальную форму этого производства [9, с. 82].

Список литературы

1. *Курышева Н. С.* Вопросы производства по жалобе на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора. М., 2009.
2. *Червоткин А. С.* Промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве. М., 2019.
3. *Носкова Е. В.* Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ. СПб., 2014.
4. *Николюк В. В., Волынский В. В.* Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела. М., 2013.
5. *Николюк В. В., Терекян В. А.* Реализация потерпевшим права на доступ к правосудию, осуществляемому при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Орел, 2014.
6. *Мядзелец О. А.* Судебный контроль за прекращением уголовного дела и уголовного преследования. Омск, 2008.
7. *Кальницкий В. В.* Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам. Омск, 2009.
8. *Тумасян А. С.* Производство об отмене постановления о прекращении уголовного дела в порядке статьи 214¹ УПК РФ и проблемы его интеграции с иными формами судебного контроля // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. 2 декабря 2022 г. СПб., 2022.
9. *Николюк В. В.* Судебное производство о выдаче разрешения на отмену прекращения уголовного дела или уголовного преследования (ст. 214¹ УПК РФ) в структуре уголовного процесса // Российское правосудие. 2022. № 10.

УДК 343.102:342.9

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-134-138

5.1.4. Уголовно-правовые науки

5.1.2. Публично-правовые науки

Проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, подвергнутых административному задержанию или административному аресту

Владимир Александрович Гусев

Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника (по научной работе)¹, ✉ gusevva@mail.ru

Виктор Федорович Луговик

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел¹, ведущий научный сотрудник², ✉ vlug@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

² ФКУ НИИ ФСИН России (Москва, Россия)

В статье отражена дискуссия о допустимости проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, задержанных в административном порядке, а также лиц, к которым применено наказание в виде административного ареста. Авторы предложили аргументацию своей правовой позиции по поводу законности и объективной необходимости осуществления оперативно-розыскной деятельности в отношении данной категории граждан.

Ключевые слова: административное задержание, административный арест, оперативно-розыскное мероприятие, права граждан, прокурор

Для цитирования: Гусев В. А., Луговик В. Ф. Проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, подвергнутых административному задержанию или административному аресту // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 134–138.

Operational Crime Detection Measures against Persons Subject to Administrative Detention or Administrative Arrest

Vladimir A. Gusev

Honoured Worker of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Deputy-Chief (in Research Work)¹, ✉ gusevva@mail.ru

Victor F. Lugovik

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Operational Crime Detection in Law Enforcement Agencies¹, leading researcher², ✉ vlug@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

² the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russia)

The paper conveys the discussion on admissibility of operational crime detection measures against persons detained according to administrative procedure as well as persons who have been punished in the form of administrative arrest. The authors provide the arguments of their legal position on legality and objective necessity of taking operational crime detection measures to handle this category of citizens.

Keywords: administrative detention, administrative arrest, operational crime detection measure, citizen rights, prosecutor

Citation: Gusev V. A., Lugovik V. F. Operational Crime Detection Measures against Persons Subject to Administrative Detention or Administrative Arrest. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 134–138 (In Russ.).

«Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», — утверждал В. И. Ленин, и с этим умозаключением трудно не согласиться. Люди, объединившись в социум, установили правила поведения, которые должен соблюдать каждый член общества. Нарушитель этих правил подлежит наказанию.

В современном российском обществе функции таких правил выполняют законодательство об административных правонарушениях и уголовное законодательство, которые призваны предупреждать и пресекать противоправные поступки, предупреждать наступление вредных последствий, а в случае

их совершения предусматривают наказание лиц, допустивших противоправное поведение. И административное, и уголовное законодательство в своей совокупности являются регулятором наиболее важных общественных отношений в сфере обеспечения жизни и здоровья граждан, их имущественных прав и безопасности общества в целом. Предполагается, что данный юридический тезис не нуждается в обосновании, однако среди представителей прокуратуры возникло сомнение в законности использования административно-правового инструментария в борьбе с преступностью.

Так, прокурор города Зеленодольска Республики Татарстан вынес представление о недопустимости нарушений конституционных прав граждан, отбывающих административный арест¹. В данном документе отмечалось, что «по результатам проверки административной практики установлено более 150 фактов реализации административного ареста для решения задач уголовного судопроизводства в отношении лиц, содержащихся в камерах для административных задержанных и в специальных приемниках ОМВД России по Зеленодольскому району». Работниками прокуратуры «достоверно установлено, что лица, отбывающие административный арест, в нарушение требований законодательства ... систематически выводились по надуманным основаниям сотрудниками подразделений уголовного розыска ... за пределы территорий специального приемника», что, по их мнению, является незаконной практикой использования административного ареста для решения задач уголовного судопроизводства.

К аналогичному выводу пришел прокурор города Чистополь Республики Татарстан, который в своем представлении об устранении нарушений конституционных прав граждан на основании «глубокого анализа практики выявления административных правонарушений превентивного характера (ст. ст. 20.20, 20.21 КоАП РФ)» установил, что «большая их доля пресекается и оформляется сотрудниками уголовного розыска»². В последующем оперативными сотрудниками проводится работа с лицами, арестованными в административном порядке, на предмет их причастности к совершению преступле-

ний, что «является недопустимым, так как влечет нарушение прав граждан»³.

Позволим себе не согласиться с таким подходом работников прокуратуры, так как считаем допустимым проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) в отношении граждан, подвергнутых административному задержанию или аресту, и предлагаем ряд аргументов нашей правовой позиции.

Во-первых, необходимо отметить, что уголовное, уголовно-процессуальное законодательство и законодательство об административных правонарушениях, с точки зрения теории права и стратегии борьбы с преступностью, следует рассматривать неразрывно друг от друга, в их системном единстве. Как справедливо отмечает В. А. Кирин, «важное значение для функционирования законодательства о борьбе с преступностью имеют его связи с законодательством об административной ответственности ... эти связи проистекают прежде всего из общности социальных задач: и то, и другое законодательства преследуют единую цель борьбы с правонарушениями, направлены против деяний, имеющих общественную опасность»⁴. Действительно, задачами Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности от преступных посягательств (ст. 2 УК РФ). В свою очередь задачами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), помимо прочих, также являются охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общества и государства от административных правонарушений (ст. 1.2 КоАП РФ).

Во-вторых, следует иметь в виду, что такие административные меры пресечения и наказания, как задержание и арест, применяются в подавляющем большинстве случаев в отношении определенной асоциальной группы лиц, регулярно совершающих административные правонарушения либо совершивших правонарушение, граничащее по своему составу с преступлением (например, мелкое хищение, мелкое хулиганство, побои и т. п.).

¹ Научно-образовательный портал ORDRF.RU. URL: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2018/05/Представление-Прокурора-Зеленодольска-РТ.pdf> (дата обращения: 20.12.2022).

² Там же.

³ В качестве аргумента прокурор ссылается на то обстоятельство, что ст. ст. 10 и 15 Федерального закона от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» конкретно определены случаи вывода административно-арестованных из специального приемника органа внутренних дел. При этом возможность вывода административно арестованных лиц для проведения оперативно-розыскных мероприятий либо следственных действий данным Законом и Правилами внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста, утвержденными приказом МВД России от 10 февраля 2014 г. № 83, не предусмотрена.

⁴ Под термином «законодательство о борьбе с преступностью» автор предлагал понимать совокупность трех отраслей советского законодательства, специальной задачей которых является регулирование борьбы с преступностью: уголовной, уголовно-процессуальной и исправительно-трудовой [1, с. 162].

Так, административное задержание является мерой обеспечения производства по делу об административных правонарушениях и представляет собой кратковременное ограничение свободы лица, которое применяется в целях обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении или исполнения постановления по делу об административном правонарушении (ст. 27.3 КоАП РФ). Срок такого задержания не должен превышать трех часов, однако лица, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест или административное выдворение за пределы Российской Федерации, могут быть подвергнуты административному задержанию на срок до 48 часов (ст. 27.5 КоАП РФ). По мнению ученых, комментирующих данные правовые нормы, законодатель определил общий срок задержания, исходя, в том числе, из «важности точного установления личности и необходимых сведений о ней; обязанности выяснения обстоятельств правонарушения; необходимости производства процессуальных действий» [2, с. 83]. Таким образом, в процессе установления личности правонарушителя и обстоятельств совершенного им правонарушения может быть обнаружена его причастность к ранее совершенному преступлению. Оперативно-розыскная практика свидетельствует, что некачественная оперативная проверка лиц, подвергнутых административному задержанию, неоднократно становилась причиной уклонения преступников от привлечения к уголовной ответственности, которые после освобождения длительное время скрывались от органов дознания, следствия или суда.

Административный арест является наказанием, которое назначается судьей за отдельные виды административных правонарушений и заключается в содержании правонарушителя в условиях изоляции от общества (ст. 3.9. КоАП РФ). Как справедливо отмечает А. С. Дугенец, «административный арест назначается судьей лишь в исключительных случаях ... если по обстоятельствам дела, с учетом личности правонарушителя, применение других мер будет признано недостаточным», а «отсюда вытекает, что правонарушитель представляет для общества повышенную опасность и срок его наказания в виде административного ареста является обоснованным и вполне заслуженным» [3, с. 65]. Следует отметить, что срок содержания под арестом по отдельным статьям КоАП РФ ограничен пятнадцатью сутками, а за отдельные нарушения (например, в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах) административный арест может применяться до тридцати суток. Таким

образом, в местах содержания лиц, подвергнутых административному аресту, на достаточно длительный период концентрируется контингент, представляющий несомненный оперативный интерес с точки зрения получения информации о криминальных процессах и событиях.

Именно поэтому проведение ОРМ среди административно задержанных и арестованных граждан является объективно необходимым и весьма эффективным средством выявления преступлений и лиц, их совершивших. Очевидно, что такая категория граждан весьма вероятно либо причастна к совершению нераскрытых преступлений, либо осведомлена о преступных действиях третьих лиц, следовательно, оперативно-розыскная деятельность в их среде является прямой обязанностью должностных лиц оперативных подразделений органов внутренних дел.

В-третьих, полагаем, что сам факт проведения ОРМ в отношении лиц, подвергнутых административному задержанию или аресту, не является нарушением их гражданских прав и не влечет их нарушения, если соблюдена законодательная процедура административного задержания или ареста таких лиц и процедура проведения ОРМ соответствует оперативно-розыскному законодательству. Более того, Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» содержит нормы, существенно ограничивающие права и свободы граждан, подвергнутых административному аресту. Например, в соответствии со ст. 18 данного Закона администрация и сотрудники места отбывания административного ареста имеют право осуществлять личный досмотр и досмотр вещей лиц, подвергнутых административному аресту, изымать запрещенные правилами внутреннего распорядка вещи и предметы, а также применять аудиовизуальные средства контроля в помещениях, где содержатся арестованные в административном порядке граждане. Аналогичным образом допустимы и оперативно-розыскные действия в отношении данной категории лиц при условии их соответствия Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД).

Мы не отрицаем существования фактов необоснованных административных задержаний. Более того, следует согласиться с Ю. И. Попугаевым, что наличие возможности обоснования правоприменителями задержания общими целями, предусмотренными ч. 1 ст. 27 КоАП РФ, может привести к произвольному толкованию оснований и условий его осуществления, что всегда чревато нарушением прав и законных интересов участников производства по делам об административных правонарушениях [4, с. 32–35]. Мы также не отрицаем имеющих место

в оперативно-розыскной практике случаев злоупотреблений должностными полномочиями или их превышения оперативными сотрудниками. Однако все факты нарушения прав граждан при необоснованном административном задержании или при совершении незаконных действий оперативными сотрудниками в ходе проведения ОРМ должны рассматриваться вне контекста легитимности осуществления ОРД в среде административно задержанных или арестованных граждан.

В-четвертых, административное задержание или арест лица не предполагают формирования у него особого статуса, обеспечивающего его неприкосновенность с точки зрения осуществления иных правоприменительных действий с его участием⁵. На наш взгляд, было бы абсурдным утверждать, что существует запрет на проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, совершивших административное правонарушение и находящихся под административным арестом, при наличии информации об их причастности к совершению преступления.

Преамбула Закона об ОРД гласит, что данный Федеральный закон определяет содержание оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, и закрепляет систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий определены в ст. ст. 7 и 8 Закона об ОРД. В частности, в ч. 1 ст. 8 указано, что гражданство, национальность, пол, место жительства, имущество, должностное и социальное положение, принадлежность к общественным объединениям, отношение к религии и политические убеждения отдельных лиц не являются препятствием для проведения в отношении них оперативно-розыскных мероприятий на территории Российской Федерации, если иное не предусмотрено федеральным законом. Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» не относится к числу законов, регламентирующих правоотношения в сфере оперативно-розыскной деятельности. Более того, ст. 1 данного Закона, определяя предмет его регулирования, абсолютно однозначно закрепляет, что он устанавливает лишь порядок отбывания административного ареста лицами, подвергнутыми административному аресту в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. В данном Законе не содержится никаких норм, ограни-

чивающих осуществление оперативно-розыскной деятельности в специальных приемниках органов внутренних дел, тем более не может быть подобных ограничений и в ведомственных нормативных правовых актах, изданных во исполнение названного Федерального закона «О порядке отбывания административного ареста».

В Российской Федерации отсутствуют законы, запрещающие или ограничивающие проведение оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий в отношении административно задержанных и арестованных, содержащихся в специальных приемниках органов внутренних дел. Дело в том, что существование подобных ограничений означало бы наличие полного иммунитета от уголовного преследования у лиц, содержащихся в спецприемниках. Если придерживаться такой позиции, то следовало бы признать, что административно задержанные и арестованные лица полностью освобождены от оперативно-розыскного контроля и обладают большим иммунитетом, нежели те субъекты, в отношении которых уголовно-процессуальным законодательством предусмотрен особый порядок привлечения к уголовной ответственности (судьи, прокуроры, депутаты и др.).

В свою очередь лица, привлекаемые к уголовной ответственности или в отношении которых проводится проверка на причастность к совершению преступления, не освобождаются от административной ответственности за совершенное правонарушение. Если в период проведения в отношении лица оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий им допущено административное правонарушение, он подлежит привлечению к административной ответственности по тем же основаниям и с теми же условиями, как все остальные граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства.

Изложенное позволяет сформулировать ряд выводов, отражающих нашу правовую позицию.

1. Российское законодательство об административных правонарушениях и уголовное законодательство имеют сходные задачи, которые заключаются в охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности от делинквентного (антиобщественного) поведения отдельных лиц.

2. Административно задержанные и арестованные лица представляют собой тот асоциальный контингент, который весьма вероятно причастен к совершению нераскрытых преступлений либо осве-

⁵ В соответствии с пунктом 2 ст. 18 Федерального закона от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» допускается привлекать к административной ответственности лиц, подвергнутых административному аресту, в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях.

домлен о преступных действиях иных лиц. В связи с этим проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении данной категории граждан представляет собой эффективный способ выявления преступлений и лиц, их совершивших, а также является прямой обязанностью должностных лиц оперативных подразделений органов внутренних дел.

3. В правоприменительной практике имеют место факты нарушения прав граждан при необоснованном административном задержании или при совершении незаконных действий оперативными сотрудниками в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Однако такие проступки должностных лиц правоохранительных органов должны рассматриваться вне контекста легитимно-

сти осуществления оперативно-розыскной деятельности в среде административно задержанных или арестованных граждан.

4. Факт привлечения лица к административной ответственности не освобождает его от привлечения к ответственности уголовной, а потому в отношении такого лица могут в полном объеме проводиться уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные действия. И наоборот, процесс оперативной проверки лица на причастность к совершению преступления не ограничивает полномочия должностных лиц оперативных подразделений применять в установленном законом порядке меры административного воздействия в отношении таких лиц, допустивших административное правонарушение.

Список литературы

1. *Киринов В. А.* Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь. М., 1978.
2. *Жеребцов А. Н., Махина С. Н., Помогалова Ю. В.* Комментарий к главе 27 «Применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Дугенец А. С.* Административный арест // Российский следователь. 2004. № 2.
4. *Попугаев Ю. И.* Некоторые концептуальные положения по оптимизации процессуальной части КоАП РФ // Административное право и процесс. 2019. № 8.

УДК 343.102

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-139-142

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Лица, скрывающиеся от органов дознания, следствия и суда: проблемы объявления в розыск

Евгений Владимирович Буряков

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел¹, ✉ bur.e2010@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Рассматриваются проблемы объявления в розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, в зависимости от категорий должностных лиц правоохранительных органов, участвующих в этом процессе, тяжести совершенных преступлений, избранной меры пресечения и проводимых розыскных мероприятий на этапе подготовки материалов для объявления федерального розыска. Выделяются группы розыскных действий, дается их характеристика. Намечены пути решения указанных проблем.

Ключевые слова: дознаватель, оперативно-розыскные мероприятия, розыск, следователь, скрывшийся преступник, судья

Для цитирования: Буряков Е. В. Лица, скрывающиеся от органов дознания, следствия и суда: проблемы объявления в розыск // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 139–142.

Persons Fleeing from the Bodies of Inquiry, Investigation and Trial: Problems of Including into the List of Wanted Persons

Evgeny V. Buryakov

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Operational Crime Detection in Law Enforcement Agencies¹, ✉ bur.e2010@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Under consideration are the issues of including persons who have fled from the bodies of inquiry, investigation and trial into the list of wanted persons. The issues are discussed with respect to the category of officials in law enforcement agencies participating in this process, seriousness of the crimes committed, imposed measure of suppression and detective measures taken at the stage of preparing the file for federal detection. The author specifies groups of detective activities and gives their description, the solutions of the mentioned problems being outlined.

Keywords: interrogator, operational crime detection measures, search, investigator, fleeing felon, judge

Citation: Buryakov E. V. Persons Fleeing from the Bodies of Inquiry, Investigation and Trial: Problems of Including into the List of Wanted Persons. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 139–142 (In Russ.).

В нашей стране в связи с социально-экономическими преобразованиями на фоне различных негативных явлений наблюдается криминальная активность, обуславливающая высокий уровень преступности. В связи с этим на органы внутренних дел возложены задачи по предупреждению и раскрытию преступлений, в том числе задача по розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда.

Розыскная работа органов внутренних дел — одно из важнейших направлений деятельности подразделений уголовного розыска, без нее невозможно достичь конечных положительных результатов в раскрытии и расследовании преступлений. Скрывшиеся преступники, находясь на нелегальном поло-

жении, продолжают совершать преступления. Преступление считается нераскрытым, пока разыскиваемый преступник не будет задержан, а уголовное дело не будет расследовано. Вопросы розыскной деятельности постоянно находятся в поле зрения ученых [1, с. 11–15; 2, с. 13–14; 3; 4, с. 15–18]. Проводимые исследования позволяют находить верные решения и повышать эффективность розыскной деятельности, но динамичное развитие государства и общества ставит перед правоохранительными органами все новые задачи. Процесс розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, сопровождается рядом проблем, касающихся организации деятельности следователя (дознавателя) и оперативного сотрудника по розыску подозреваемого (обвиняемого),

среди которых, на наш взгляд, следует выделить вопросы предупреждения уклонения лиц от следствия и суда, порядка объявления их в розыск, избрания меры пресечения и проводимых розыскных мероприятий, от решения которых зависит вся последующая работа по поиску и задержанию разыскиваемых лиц.

При объявлении в розыск лиц, совершивших преступления, оперуполномоченные уголовного розыска сталкиваются с рядом негативных причин, оказывающих серьезное влияние на дальнейшую организацию поиска скрывшихся преступников. Так, по мнению Е. И. Замылина и А. А. Закатова, «уклонению обвиняемых (подозреваемых) от следствия и суда способствуют ошибки при избрании меры пресечения, поверхностное изучение их личности, недостатки в производстве следственных действий и оперативно-розыскном сопровождении по уголовному делу, неумение использовать криминалистические и оперативные учеты, недостатки во взаимодействии субъектов розыска и ряд иных обстоятельств» [5, с. 107].

По данным ГИАЦ МВД России, в 2022 г. в розыск было объявлено 39 431 лицо, скрывшееся от органов дознания, следствия или суда, из них 34,3% — с мерой пресечения, не связанной с заключением под стражу. Анализ лиц, объявленных в розыск с вышеуказанной мерой пресечения, показывает, что из их числа 68,9% — это лица, совершившие тяжкие либо особо тяжкие преступления. Многие из них впоследствии находятся в розыске длительное время (21,9% находятся в розыске более 1 года) и даже долгие годы¹. Находясь на нелегальном положении, они совершают новые, более тяжкие общественно опасные деяния; на их розыск отвлекаются значительные силы органов внутренних дел, которые могут использоваться в иных направлениях борьбы с преступностью. Поэтому в период проведения предварительного следствия необходимо постоянное взаимодействие между следствием и оперативным подразделением для своевременного принятия решения об изменении меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, на арест в случае получения сведений о намерении лица перейти на нелегальное положение.

Кроме того, в соответствии с ч. 5 ст. 108 УПК РФ существует возможность принятия судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого в случае объявления обвиняемого в международный (или) межгосударственный розыск². При этом следует учитывать, что согласно «Положению об организации и осуществлении розыска и идентификации

лиц» объявленные в федеральный розыск лица одновременно находятся в межгосударственном розыске, который осуществляется на территории стран СНГ. Особенностью межгосударственного розыска для правоохранительных органов Российской Федерации является то, что он автоматически объявляется вместе с федеральным розыском, так как межгосударственный информационный банк межгосударственного розыска создан на базе массива данных федерального розыска ГИАЦ МВД России. Поэтому следователю (дознавателю) достаточно обратиться в суд с соответствующим ходатайством, подкрепленным копией постановления об объявлении федерального (межгосударственного) розыска. Имеется положительный опыт ГУМВД России по Алтайскому краю направления ходатайства о рассмотрении вопроса об изменении меры пресечения одновременно с уведомлением о заведении розыскного дела в день его заведения и объявления лица в федеральный (межгосударственный) розыск. «Благодаря такой организации работы в течение 2020 г. была изменена мера пресечения 31 обвиняемому, за 6 месяцев 2021 г. — 12 скрывшимся лицам» [6, с. 37].

Полагаем, что важным этапом, предшествующим объявлению скрывшегося лица в розыск, выступает деятельность следователя по его обнаружению. В науке уголовного процесса выделяют две группы розыскных действий сотрудников органов предварительного расследования:

- 1) следственные действия, имеющие розыскную направленность (осмотр, допрос, обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, назначение и производство судебной экспертизы и др.);
- 2) иные процессуальные действия;
- 3) иные, не предусмотренные уголовно-процессуальным законом розыскные действия [7, с. 103].

Группа следственных действий, носящих розыскной характер, направлена на получение информации о личности разыскиваемого лица, его приметах, увлечениях, связях, средствах, местах возможного пребывания, наличии транспортных и денежных средств; на обнаружение разыскиваемого лица, его документов и иных материальных объектов (в том числе в электронном виде), способствующих установлению его места нахождения.

Другая группа действий, носящих розыскную цель, связана с направлением в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ требований, поручений и запросов следователем (дознавателем) в различные учреждения и орга-

¹ URL: <http://10.5.0.16/csi> (дата обращения: 01.03.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1), ст. 4921.

низации: органы дознания в целях установления места нахождения разыскиваемого лица; информационные центры УМВД России субъектов Российской Федерации и Главный информационно-аналитический центр МВД России (о наличии судимости, привлечении в настоящее время к уголовной ответственности, содержании под стражей, а также для проверки по справочным, оперативным, криминалистическим, дактилоскопическим и иным видам учета); суды (для истребования приговора и получения информации о личности разыскиваемого лица, его соучастниках); места отбывания наказания (о связях, намерениях, с кем вел переписку); органы ЗАГС (о заключении брака, смене фамилии и др.); лечебные учреждения, морги (о факте нахождения в них); место работы (о составе семьи, месте жительства, прежних местах работы); военкоматы (призван ли на военную службу или сборы); ГИБДД (о наличии автотранспорта, административных правонарушений, смене документов); налоговая инспекция (о налоговых выплатах); пенсионный фонд (о перечислениях работодателем отчислений); БТИ, Росреестр (о наличии в собственности недвижимого имущества); банки и иные кредитные организации (о наличии счетов) и другие учреждения и организации.

К иным розыскным действиям, не предусмотренным УПК РФ, как показывает анализ юридической литературы, следует отнести: направление розыскных ориентировок; обращение за помощью к населению посредством использования радио, телевидения, прессы, сети Интернет; изучение информации в социальных сетях; установление лица по фотоснимкам и рисованным портретам; выявление и изучение архивных уголовных дел, возбужденных по преступлениям, ранее совершенным этим лицом; проверка мест предполагаемого нахождения и т. д. [8, с. 79–83; 9; 10, с. 64–66].

Проблемы, связанные с объявлением в розыск, в научных кругах рассматриваются с различных позиций. Так, в целях снижения числа разыскиваемых лиц предпринимаются как меры организационного характера, так и правовые методы. Например, в Афганистане в отношении скрывавшихся преступников при вынесении судебного приговора применяется дополнительная мера наказания в виде лишения свободы на срок от 1 года до 5 лет. В нашей стране были аналогичные предложения. По мнению А. А. Марченко, введение уголовно-правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за уклонение от следствия и суда, оказывало бы общее и специальное превентивное воздействие на лиц, привлекаемых к уголовной ответственности [11, с. 41]. Несмотря на внешнюю привлекательность такого предложения, полагаем, что данная мера все же не принесет ожидаемых результатов. Попробуем аргументировать нашу позицию.

Во-первых, санкции статьи Уголовного кодекса, предусматривающие наказание за подобные деяния, должны вступать в действие, когда будет доказана виновность лица в совершении преступления, в связи с которым он был объявлен в розыск. Если же лицо такого преступления не совершало, то и не будет опасаться наказания за уклонение от следствия и суда. Во-вторых, сроки наказания за совершенные общественно опасные деяния (например, грабеж, разбойное нападение, убийство и т. п.) часто несоизмеримо выше, чем за предлагаемую для введения уголовную норму. В-третьих, для определенных групп лиц, совершающих преступления, фактор дополнительного наказания не имеет решающего значения в силу их антиобщественного образа жизни и отрицания общепринятых норм и правил поведения в обществе. Исходя из изложенного, следует констатировать, что отсутствие предлагаемой нормы до настоящего времени вовсе не случайно.

Все вышеперечисленные действия следователя (дознателя), а также деятельность по предупреждению уклонения лиц от следствия и суда, на наш взгляд, необходимо осуществлять в тесном взаимодействии с сотрудниками уголовного розыска, участковыми уполномоченными полиции и должностными лицами других служб органов внутренних дел, организовав своевременное получение и обмен информацией.

В последние годы в связи с принятием Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» многие сферы оперативно-розыскной деятельности были урегулированы, что, безусловно, можно оценивать позитивно. Однако следует констатировать и излишнюю регламентацию в ряде случаев, и даже бюрократизацию в виде сопровождения процесса ОРД большим количеством документов,носящих порой формальный характер (например, при осуществлении проверочной закупки по фиксации действий сбытчиков наркотиков практически каждое действие сотрудников полиции сопровождается составлением от 10 до 20 документов). На наш взгляд, в ситуации объявления розыска этого все же удалось избежать. Так, в случае вышеприведенных действий следователя (дознателя) на этапе подготовки документов для объявления розыска ранее действовавшие нормативные правовые акты, регламентировавшие розыскную деятельность, предписывали ряд обязательных действий. В частности, предписывалось осуществлять проверку по учетам в целях выявления разыскиваемых лиц среди привлекаемых к уголовной ответственности, давать розыскные поручения органам дознания, выполнять иные процессуальные действия, что в настоящее время отдается на откуп должностным лицам.

В соответствии с ныне действующими ведомственными нормативными актами ограниченного

распространения и нормами УПК РФ следователь (дознатель) принимает меры по розыску скрывшегося лица и выносит постановление об объявлении его в розыск. При этом направляет в соответствующий территориальный орган МВД России заверенные копии постановлений, подтверждающих статус обвиняемого либо подозреваемого, об избрании лицу меры пресечения, справку о личности объявляемого в розыск, оригинал или копию документа, удостоверяющего его личность; а также прилагает (при наличии) фотографии скрывшегося лица и копии других документов, которые могут быть использованы в розыске. Чего, на наш взгляд, вполне достаточно для начала ведения розыска оперативными подразделениями полиции. Однако ведомственными нормативными актами ограниченного распространения процедура объявления в розыск до конца не урегулирована.

По данным ГИАЦ МВД России, при объявлении в розыск 27,1% материалов поступили из дознания, 29,3% — из следствия и 43,6% — из суда³. Таким образом, в чуть менее половины случаев розыск лиц инициируется судом. Однако аналогичного требования к документам, поступающим из суда, нет, так как межведомственное «Положение об организации

и осуществлении розыска и идентификации лиц» не согласовано с Верховным Судом Российской Федерации. В результате, если инициатором розыска является суд, то в розыскные подразделения поступает лишь постановление об объявлении в розыск подсудимого, в котором часто, помимо фамилии, имени, отчества и номера уголовного дела, нет других данных, позволяющих полноценно провести предварительную проверку и объявить розыск. Полагаем, что при согласовании данного нормативного акта с другими ведомствами из списка необоснованно исключили Верховный Суд Российской Федерации. Опыт других стран показывает, что таких проблем можно избежать. Например, в Республике Казахстан аналогичный нормативный акт, касающийся розыскной работы, согласован со всеми заинтересованными ведомствами, в том числе и с Верховным Судом.

Таким образом, некоторые проблемные вопросы организации розыска скрывшихся преступников, обозначенные в настоящей статье, все чаще становятся предметом дискуссий ученых и практиков в сфере правоохранительной деятельности, а их решение лежит в плоскости своевременного внесения изменений в нормативные акты.

Список литературы

1. Алешина Т. Н. Понятие и сущность розыскной деятельности следователя // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 2(3).
2. Гаас Н. Н. Задержание обвиняемого: теоретические пробелы правового регулирования // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2(39).
3. Гончар В. В. Теоретические и правовые аспекты розыскной деятельности следователя: монография. М., 2017.
4. Стельмах В. Ю. Процессуальные аспекты розыска подозреваемого и обвиняемого // Российский следователь. 2016. № 10.
5. Замылин Е. И., Закатов А. А. Плановость как важнейшее организационное требование к розыскной деятельности следователя // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1.
6. Шмидт А. А., Смирнова И. Г. Об организации розыска лиц, скрывшихся от органов дознания и следствия (на примере ГУ МВД России по Алтайскому краю) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы 20-й междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д. Л. Проказина. Барнаул, 2022. Ч. 1.
7. Белицкий В. Ю. Деятельность следователя (дознателя) по розыску подозреваемого (обвиняемого) на стадии предварительного расследования // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2(34).
8. Гончар В. В. Розыскные действия следователя на современном этапе // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2.
9. Малиновская Е. А. Система методов розыскной деятельности при проведении следственных действий по обнаружению похищенного имущества. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 14.01.2023).
10. Ларин Е. Г., Павлов А. В. Место розыскных действий в системе средств розыска подозреваемого (обвиняемого) // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2(31).
11. Марченко А. А. О некоторых правовых аспектах предупреждения уклонения обвиняемых от следствия и суда и розыска скрывшихся преступников // Совершенствование оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. М., 1987.

³ URL: <http://10.5.0.16/csi> (дата обращения: 01.03.2023).

УДК 343.985

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-143-147

5.1.4. Уголовно-правовые науки

К вопросу о принципе конспирации в оперативно-розыскной деятельности

Вячеслав Борисович Сыромолотов

адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров)¹, ✉ syromolotov@yandex.ru

¹ Академия управления МВД России (Москва, Россия)

В статье сравниваются положения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», Федерального закона «О полиции» и иных нормативных правовых актов, регламентирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий органами внутренних дел Российской Федерации. В результате исследования аспектов правоприменения в области оперативно-розыскной деятельности автором обозначены недостатки нормативного правового регулирования обеспечения негласности при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Обосновывается важность решения обозначенной проблемы путем совершенствования законодательства о применении полицией мер государственного принуждения при проникновении в жилые помещения, а именно внесением соответствующих изменений и дополнений в Федеральный закон «О полиции».

Ключевые слова: негласность, конспирация, полиция, проникновение, жилое помещение, жилище, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Сыромолотов В. Б. К вопросу о принципе конспирации в оперативно-розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 143–147.

To the Question of Secrecy in Operational Crime Detection

Vyacheslav B. Syromolotov

Post-Graduate student of the 3rd Faculty (science research and pedagogical personnel training)¹, ✉ syromolotov@yandex.ru

¹ the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The article contains comparison of the provisions of the Federal Law “On Operational Crime Detection”, Federal Law “On Police” and other normative legal acts regulating operational crime detection measures taken by the Internal Affairs bodies of the Russian Federation. The analysis of law enforcement aspects in the sphere of operational crime detection allowed the author to set forth the problems related to normative legal regulation of providing covert character for operational crime detection activities. The paper substantiates the importance of the solution of the outlined problem through improved legislation with regard to police applying measures of state coercion in entering residential premises, in particular, via introducing appropriate changes and additions into the Federal Law “On Police”.

Keywords: undercover character, secrecy, police, entering, residential premises, dwelling, operational crime detection

Citation: Syromolotov V. B. To the Question of Secrecy in Operational Crime Detection. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 143–147 (In Russ.).

Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», а затем Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее — Федеральный закон «Об ОРД») впервые в законодательстве ввели определение «конспирация» как ключевой основополагающий принцип оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), на котором строится обеспечение негласности при добывании оперативно-

розыскной информации. Негласность позволяет сохранить в тайне от посторонних лиц проводимые оперативно-розыскные мероприятия, направленные на достижение задач ОРД, и обеспечить конфиденциальность граждан, оказывающих содействие органам внутренних дел в борьбе с преступностью. В оперативно-розыскной науке под оперативно-розыскными мероприятиями понимается перечисленная в ст. 6 Федерального закона «Об ОРД» и проводимая уполномоченными оперативными подраз-

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (здесь и далее, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

делениями государственных органов совокупность действий, основывающаяся на использовании гласных и негласных средств и методов, направленная на получение фактических данных для решения задач в области оперативно-розыскной деятельности. В рамках настоящего исследования предлагается обратить внимание на вопрос основного конституционного права² человека — права на частную жизнь³. Право человека на частную жизнь не включено Федеральным законом «Об ОРД» в список конституционных прав человека, которые законодателем позволено ограничить судебным решением⁴. По этой причине сегодня право человека на частную жизнь является абсолютным⁵ и де-юре не может быть затронуто правоохранительной деятельностью в сфере ОРД.

Необходимо заметить, что допустимость доказательств зависит от законности проведения оперативно-розыскных мероприятий, недопустимости нарушения прав и свобод граждан, соответствия полученных результатов ОРД требованиям законов, потому что любой вид государственной деятельности, а особенно тем или иным образом существенно ограничивающей права граждан, должен быть четко регламентирован в законодательных и подзаконных нормативных актах [1, с. 9].

Рассматривая проблему, связанную с качеством предписаний нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы проникновения сотрудников оперативных подразделений в жилище, необходимо обратить внимание, что основная часть закрепленных в Федеральном законе «Об ОРД» оперативно-розыскных мероприятий может проводиться в жилых помещениях. В соответствии со ст. 25 Конституции Российской Федерации жилище неприкосновенно, никто не вправе проникать в жилище против

воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения, это важное право является свободой человека и основным правом. Право на жилище гарантируется и признается на территории Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и является непосредственно действующим. Обязанность соблюдения и охраны государством права на жилище человека предписана международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, принятым 16 декабря 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН⁶. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁷ (далее — Федеральный закон «О полиции»), защищая право каждого человека на неприкосновенность жилища, запрещает сотрудникам полиции проникать в жилые помещения помимо воли проживающих в них граждан иначе как в случаях и в порядке, установленных Федеральными законами. При этом сохранение в тайне проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан на неприкосновенность жилища на основании судебных решений, невозможно без соблюдения принципа конспирации, практическая реализация которого осуществляется путем исполнения правил конспирации.

Исходя из нормативного регулирования ст. 14 Федерального закона «Об ОРД» при решении задач ОРД оперативные подразделения, уполномоченные ее осуществлять, обязаны соблюдать правила конспирации. Данный Закон не раскрыл содержания правил конспирации, этим законодатель обозначил обязанность хранить в тайне оперативно-розыскные мероприятия, их направленность и содержание с момента их проведения по основаниям, предусмо-

² Закрепляя права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права в части 1 ст. 23 Конституция Российской Федерации гарантирует право человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Развивая эти права, Конституция Российской Федерации в части 1 ст. 24 запрещает любые действия с информацией о частной жизни без согласия гражданина.

³ В пункте 2 определения от 9 июня 2005 г. № 248-О Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил понятие «частная жизнь», содержащееся в ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации: «Право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие „частная жизнь“ включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер».

⁴ В соответствии со ст. ст. 8, 9 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» проведение оперативно-розыскных мероприятий (включая получение компьютерной информации), которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации.

⁵ Абсолютные права — вид субъективных прав, принадлежащих гражданину независимо от кого-либо, которые никем не должны нарушаться.

⁶ *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах*: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

⁷ *О полиции*: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

тренным ст. 7 Федерального закона «Об ОРД», до момента использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве и наделил понятие «правила конспирации» определенным правовым статусом, формирующимся на основе практического опыта. Безусловно, можно согласиться с позицией профессора Н. В. Павличенко, что только на основе изучения истории развития различных оперативно-розыскных навыков, а также неудач и заблуждений можно сформулировать правила конспирации, подмечая основные черты мастерства сотрудников оперативных подразделений и граждан, оказывающих содействие ОВД, хорошо выполняющих свою работу, и тщательно отслеживая путь достижения полученного опыта от фазы беспомощности к фазе полного овладения умением и мастерством [2, с. 88].

Обратившись к оперативно-розыскному законодательству, можно увидеть, что конспирация содержит такой частный принцип ОРД, как сочетание гласных и негласных начал. В каком-то смысле это объясняется разносторонностью принципа конспирации, так как одним из его аспектов является сочетание гласной и негласной деятельности. В Федеральном законе «Об ОРД»⁸ мы наблюдаем двойное усиление принципа конспирации его отражением — парным взаимопроникающим принципом сочетания гласной и негласной деятельности, несущим самостоятельный набор функций. На наш взгляд, такое усиление создает могущественную силу, принимая во внимание, что *принципы права по своей юридической природе и сущности представляют собой нормы права, но лишь с более общим и принципиальным положением* [3, с. 386].

Принцип конспирации является основным принципом ОРД, отражающим ее разведывательный характер, позволяющим сохранить в тайне от посторонних лиц деятельность полиции по борьбе с преступностью. Можно согласиться с мнением А. А. Никитчик о том, что основополагающий характер принципов права определяет их непосредственное воздействие на всех субъектов правоотношений независимо от сферы правового регулирования [4, с. 345].

Содержание Федерального закона «Об ОРД» прямо и ясно не отвечает на вопросы о правовом статусе и значении принципа конспирации, а также не раскрывает его содержания, оставляя субъективное толкование и самостоятельное объяснение для сотрудников правоохранительных органов. Смысл этого определения по-прежнему остается закрытым и неясным. Однако, следует признать правоту

Н. В. Павличенко, что меры конспирации, применяемые в практической деятельности оперативных служб, позволяют защитить сотрудников полиции и сохранить конфиденциальность граждан, оказывающих содействие ОВД, а также приемы и действия по раскрытию преступлений и установлению преступников [5, с. 39].

Пункты 5 и 6 ст. 15 Федерального закона «О полиции» налагают обязанности на сотрудника полиции, осуществляющего проникновение в жилое помещение:

- 1) заблаговременно уведомить находящихся в нем граждан и собственников о законных основаниях планируемого проникновения;
- 2) информировать собственника жилища и проживающих в нем граждан о каждом случае проникновения в их жилое помещение, если такое проникновение было осуществлено в их отсутствие;
- 3) в случае проникновения в жилое помещение помимо воли находящихся там граждан уведомить прокурора.

Н. С. Железняк вскрыл проблему выполнения вышеназванных обязательных условий, поставленных Федеральным законом «О полиции», при проникновении сотрудников полиции в жилые помещения в рамках ОРД: «В условиях оперативной проверки (разработки), когда полицейские одновременно являются сотрудниками оперативного подразделения, эти нормы представляются избыточными» [6, с. 73].

Имеет ли право сотрудник полиции сохранить в тайне законное проведение оперативно-розыскного мероприятия, связанное с проникновением в жилище, производство которого было разрешено федеральным законом или судебным решением?

Законодательная обязанность уведомления и информирования собственников и жителей жилых помещений в ущерб достижения задач ОРД обнаруживает планы, силы и средства ОРД до момента законного использования результатов ОРД и фактически запрещает субъектам ОРД негласно проникать в жилые помещения и проводить оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные ст. 6 Федерального закона «Об ОРД», такие как: наблюдение; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; опрос; отождествление личности; сбор образцов для сравнительного исследования; исследование предметов и документов; оперативное внедрение. Такое запрещение является началом «пути достижения полученного опыта от фазы беспомощности к фазе полного овладения уме-

⁸ В соответствии с ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскная деятельность основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств.

нием и мастерством», о котором говорил Н. В. Павличенко.

Нормы п. 5 и п. 6 ст. 15 Федерального закона «О полиции» ограничивают соблюдение важных принципов конспирации, скрытность и внезапность, которые важны и необходимы для рационального задержания разыскиваемых преступников. Здесь можно согласиться с доктором юридических наук А. В. Парфеновым, который справедливо указал, что эффективность розыскной работы зависит не только от организации деятельности розыскных подразделений, но и от законодательного правового регулирования деятельности органов внутренних дел [7, с. 5].

Имеются некоторые неразрешенные вопросы в правовом поле действия Федерального закона «О полиции» и ранее принятых следующих законодательных актов:

1) Федерального закона «Об ОРД», регламентирующего оперативно-розыскную деятельность как вид законной деятельности уполномоченных оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации;

2) Закона РФ «О государственной тайне»⁹, относящего к государственной тайне сведения о результатах и планах ОРД;

3) Уголовного кодекса Российской Федерации, запрещающего разглашение сведений, составляющих государственную тайну¹⁰.

Подводя итоги исследования, важно отметить, что обязательное уведомление сотрудниками полиции граждан, проживающих в жилых помещениях, и их собственников об основаниях проникновения в жилище в соответствии с требованиями пп. 5 и 6 ст. 15 Федерального закона «О полиции» исключает условия негласного проведения ОРМ с проникновением в жилище как вида законной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Чтобы исключить обнаруженную проблему, мы предлагаем внести изменения и дополнения в Федеральный закон «О полиции», изложить п. 5 ст. 15 в следующем виде: *«Сотрудник полиции, осуществляющий проникновение в жилое помещение, обязан:*

1) перед тем как войти в жилое помещение, уведомить находящихся там граждан об основаниях вхождения, за исключением случаев, если промедление вхождения в жилое помещение создает непосредственную угрозу жизни и(или) здоровью граждан и сотрудников полиции, разглашение сведений, составляющих государственную тайну о планах и результатах оперативно-розыскной деятельности, может повлечь иные тяжкие последствия.»

Кроме того, мы предлагаем внести изменения и дополнения в п. 6 ст. 15 указанного Закона в следующей редакции:

«б. О каждом случае проникновения сотрудника полиции в жилое помещение в возможно короткий срок, но не позднее 24 часов с момента проникновения информируются в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, собственник этого помещения и (или) проживающие там граждане, если такое проникновение было осуществлено в их отсутствие, за исключением случаев, если информирование собственника или проживающих граждан создает разглашение сведений, составляющих государственную тайну о планах и результатах оперативно-розыскной деятельности.»

Предлагаемые нами изменения позволят избавиться от нарушений законности при получении результатов ОРД и избежать ограничения основополагающих принципов — конспирации и сочетания гласных и негласных форм и методов.

Список литературы

1. Железняк Н. С. О необходимости законодательного уточнения перечня правовых источников оперативно-розыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 1(30).
2. Павличенко Н. В. Правовые и теоретические вопросы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности : монография. М., 2016.
3. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм : монография. М., 1960.
4. Никитчик А. А. Принципы права в естественно-правовой теории России второй половины XIX — начала XX века // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021, Т. 27, № 4(83).

⁹ О государственной тайне : Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1.

¹⁰ Диспозиция ст. 283 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) включает в себя разглашение сведений, составляющих государственную тайну, лицом, которому она была доверена или стала известна по службе, если эти сведения стали достоянием других лиц. Объективная сторона преступления состоит в предании гласности сведений о планируемых ОРМ или их результатах, в результате чего они становятся известными хотя бы одному постороннему лицу. Поэтому обнародование информации, составляющей государственную тайну, в виде уведомления жителей и собственников жилья о результатах и планах оперативно-розыскных мероприятий является запрещенной деятельностью.

5. *Павличенко Н. В.* Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность : монография. Омск, 2011.
6. *Железняк Н. С.* Проникновение в жилище как значимый элемент оперативно-розыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института. 2022. № 2.
7. *Парфенов А. В.* Теоретико-методологические основы розыскной и идентификационной деятельности в Российской Федерации : монография. М., 2022.

УДК 340.132:343.985

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-148-152

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Три кита негласного правоприменения

Михаил Сергеевич Десятов

доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника (по учебной работе)¹, ✉ mih_des@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Представленная статья является продолжением научной дискуссии на тему негласного правоприменения, начатой в рамках статьи «Тектонические сдвиги в представлениях о сущности правоприменения»¹. После констатации назревшей необходимости исследования негласного правоприменения была выдвинута гипотеза об уникальном содержании таких понятий, как правосознание, правоприменительное усмотрение и правоприменительные акты применительно к оперативно-розыскной сфере. Действительно, проведенный анализ свидетельствует о наличии принципиальных особенностей в сфере негласного правоприменения в формировании и развитии правосознания участников негласных правоотношений, в реализации правоприменительного усмотрения в условиях соблюдения конспирации и специфического, в том числе секретного, нормативного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), в формировании и использовании правоприменительных актов, доступ к которым ограничен, а юридическая сила окончательно не определена. В совокупности названные аспекты негласного правоприменения в оперативно-розыскной сфере в настоящее время фактически не исследованы.

Ключевые слова: негласное правоприменение, оперативно-розыскное правоприменение, правоприменительное усмотрение, правоприменительные акты, профессиональное правосознание, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Десятов М. С. Три кита негласного правоприменения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 148–152.

Three Pillars of Undercover Law Enforcement

Mikhail S. Desyatov

Doctor of Science in Law, Associate-Professor, First Deputy-Chief (in Educational activity)¹, ✉ mih_des@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The current paper continues the scientific discussion devoted to undercover law enforcement which began in the article «Tectonic Shifts in Visions of the Essence of Law Enforcement»¹. Having stated that it was necessary to study undercover law enforcement, the author built a hypothesis concerning the unique content of such concepts as legal consciousness, law enforcement discretion and law enforcement acts with regard to operational crime detection. Actually, the analysis carried out proves the existence of principle peculiarities in the field of undercover law enforcement in formation and development of legal consciousness of participants of undercover legal relationships, in implementation of law enforcement discretion under conditions of secrecy and specific, including secret, normative legal regulation of operational crime detection, in formation and application of law enforcement acts with limited availability and not ultimately established legal force. Totally, the mentioned aspects of undercover law enforcement in operational crime detection have not been studied yet.

Keywords: undercover law enforcement, law enforcement in operational crime detection, law enforcement discretion, law enforcement acts, professional legal consciousness, operational crime detection

Citation: Desyatov M. S. Three Pillars of Undercover Law Enforcement. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 148–152 (In Russ.).

¹ Десятов М. С. Тектонические сдвиги в представлениях о сущности правоприменения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 36–39.

Несмотря на то что вопросы *правосознания* достаточно давно изучаются представителями различных научных направлений [1; 2, с. 25–42; 3, с. 3–4; 4, с. 26–43; 5; 6, с. 123–135; 7; 8], данная проблематика в оперативно-розыскной сфере остается практически не освоенной, в то время как результаты проведенного исследования свидетельствуют о потребности изучения вопросов, связанных с правосознанием сотрудников (руководителей) оперативных подразделений, а также иных участников оперативно-розыскных правоотношений. Это, на наш взгляд, обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, негласная правоприменительная деятельность субъектов ОРД осуществляется в тайне от окружающих в рамках оперативной проверки или разработки. Это обстоятельство обуславливает наличие ограниченного круга должностных лиц, осуществляющих контрольно-надзорные функции в оперативно-розыскной сфере, и исключает возможность ознакомления иных лиц, в том числе являющихся объектами ОРМ. В таких условиях правосознание сотрудника (руководителя) является фактически ограничительным механизмом, позволяющим анализировать и оценивать ту или иную ситуацию с позиции права без участия третьих лиц.

Во-вторых, оперативно-розыскное законодательство, в отличие от смежного с ним уголовно-процессуального, не содержит четких процедур проведения ОРМ, что позволяет субъектам ОРД самостоятельно принимать решения в случаях, не оговоренных нормативными правовыми актами или сопряженных с оценочными понятиями и формулировками. Полагаем, правосознание сотрудника (руководителя) оперативно-розыскного отдела имеет важное значение при наличии пробелов в законодательстве, возможности неоднозначного толкования норм права и т. д.

В-третьих, одной из особенностей оперативно-розыскного правоприменения является привлечение лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, факт участия которых в правоприменительном процессе является государственной тайной. Таким образом, законность выполнения поручений заданий такими лицами находится под контролем конкретного сотрудника (руководителя) и во многом от уровня развития именно его правосознания зависит правомерность действий информатора. Более того, конфидененты, будучи, как правило, ранее судимыми, также обладают собственным правосознанием, которое имеет ряд отличительных черт по сравнению с правосознанием правоприменителя, а оперативно-розыскные правоотношения с их участием представляются неотъемлемой частью оперативно-розыскного процесса.

В-четвертых, негласное правоприменение в ОРД направлено не только на раскрытие совершенных

преступлений, но и на документирование совершаемых и подготавливаемых тайно преступных деяний. Иными словами, негласные правоприменители первыми сталкиваются с преступным умыслом и подготовительными действиями и (или) совершением преступления, что предполагает наличие у них определенных личностно-деловых качеств и внутренних правовых установок, существенно отличающих их от иных правоприменителей, действующих всегда открыто.

Таким образом, полагаем, что правосознание в рамках негласного правоприменения существенно отличается от иных его разновидностей. Причем это относится как к профессиональному правосознанию руководителей и сотрудников оперативно-розыскных органов, так и к обыденному правосознанию иных участников оперативно-розыскного процесса, вынужденных действовать тайно (что неминуемо влияет на качество и уровень развития правосознания) либо не осведомленных о своем участии в нем (легендированное участие).

Негласный правовой инструментарий, которым наделены органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, предопределяет специфику *правоприменительного усмотрения* в рамках негласного правоприменения, которое до настоящего времени не являлось предметом самостоятельного исследования.

В научной литературе нами обнаружены преимущественно результаты изучения усмотрения судей и следователей. Исходя из этого можно было бы предположить, что: а) усмотрение судей и следователей является эталонным и присущие им закономерности можно экстраполировать на иных правоприменителей; б) другие правоприменители правом усмотрения не обладают. Разумеется, оба предположения были бы ошибочны, и причины отсутствия таких исследований, скорее всего, иные. Однако совершенно определено, что правоприменительное усмотрение в негласной сфере принципиально отличается от указанных видов усмотрения. Это обусловлено следующими обстоятельствами, которые необходимо рассматривать в совокупности с обозначенными выше аргументами в пользу обоснованности наличия особенностей правосознания у субъектов негласного правоприменения. К ним можно отнести:

- недостаточную законодательную регламентацию оперативно-розыскной деятельности;
- неопределенность ряда нормативных предписаний;
- наличие оценочных категорий в оперативно-розыскных нормах;
- диспозитивность оперативно-розыскных норм;
- широкий спектр ситуационного разнообразия оперативно-розыскных правоотношений.

Принимая во внимание вышесказанное, полагаем, что под *правоприменительным усмотрением в ОРД* следует понимать определенную рамками права и морали условную степень свободы должностного лица в оценке юридических фактов, обусловливающую возможность принимать решения о совершении правомерных действий или отказе от их совершения.

Таким образом, одной из современных тенденций негласного правоприменения является усиление роли правоприменительного усмотрения, выступающего в качестве прямого следствия осознанной воли законодателя или реализуемого в качестве необходимого и уникального правового инструмента негласного правоприменения в условиях несовершенства нормативных правовых актов.

Учитывая наличие у оперативных подразделений полномочий получения и использования информации, распространение которой способно нанести вред законным интересам физических и юридических лиц, остро стоит вопрос глубокого всестороннего изучения проблемы оптимизации негласного оперативно-розыскного производства и надзора за негласным правоприменением. В этом аспекте можно обозначить тенденцию увеличения числа *актов правоприменения*, особенно в сфере ограничения конституционных прав и свобод граждан. При этом правовая реальность такова, что акты правоприменения, формируемые в негласной сфере, традиционно вызывают недоверие, причем не только у контролирующих органов, но и у общественности. Довольно часто можно встретить формулировку «легализация результатов ОРД», которая, по сути, означает рассекречивание и представление органу дознания, следствию или в суд. Однако чаще термин «легализация» применим к правовой трансформации чего-то незаконного в законное, например, легализация наркотиков.

Возникает *первый* вопрос. Нужно ли рассекречивать акты негласного правоприменения, если они изначально законны и имеют ту же юридическую силу, что и гласные акты правоприменения при том, что рассекречивание может повлечь негативные последствия как для отдельных граждан, так и для всего государства в целом? По логике законодателя, которая прослеживается в оперативно-розыском законодательстве, ответ однозначен: рассекречивание необходимо. Однако современная преступность действует исключительно тайно, более того, она осведомлена о негласных методах работы оперативных подразделений и всячески им препятствует,

используя коррупционные связи, контрагентурные методы и т. д. Полагаем, назрела необходимость пересмотра существующих подходов к данной проблеме, которая порождает *второй*, вполне логичный вопрос. Нужно ли негласным правоприменителям опосредовать реализацию результатов своей негласной деятельности через гласные правоохранительные органы? И здесь законодатель отвечает однозначно и утвердительно, ставя под сомнение достоверность и обоснованность полученных результатов. Дело в том, что современной тенденцией является получение процессуальных доказательств на основе оперативно-розыскных данных при том, что абсолютное большинство уголовных дел основано на негласно полученных сведениях, формально введенных в уголовный процесс за счет процессуального статуса следователя, объем полномочий которого обратно пропорционален полномочиям сотрудника оперативного подразделения, непосредственно получившего то или иное доказательство, в том числе негласным способом. Полагаем, и здесь назрела потребность пересмотра и трансформации существующих подходов к использованию результатов негласного правоприменения. Наконец, *третий* вопрос, без решения которого первые два вопроса утрачивают всякий смысл. Каким образом обеспечить транспарентность результатов, полученных в процессе негласного правоприменения? Но на этот вопрос у законодателя пока нет ответа даже в рамках, казалось бы, детализированного и универсального уголовного процесса. Отметим, что компаративистский анализ уголовно-процессуального законодательства отдельных зарубежных государств, предусматривающего возможность проведения негласных мероприятий в рамках уголовного преследования, позволил сделать два вывода: а) информация заинтересованным лицам предоставляется только после окончания проведения мероприятий и с соблюдением строго установленной процедуры; б) предусмотрены основания для отказа в предоставлении определенных сведений.

Так, в соответствии с требованиями законодателя стороны процесса, а также лица, права и интересы которых были затронуты, информируются о производстве негласных мероприятий по завершении их производства или после окончания самого досудебного процесса и наделяются правом ознакомления с материалами, как приобщенными, так и не приобщенными к уголовному делу (ст. 321 УПК Латвии², ст. ст. 253, 254 и 290 УПК Украины³, ст. 83, ст. 143⁹ УПК Грузии⁴, ст. 240 УПК Казахстана⁵, ст. ст. 219,

² Уголовно-процессуальный кодекс Латвии. URL: <http://www.alex-lawyer.lv/> (дата обращения 18.11.2022).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Украины. URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 18.11.2022).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии. URL: <https://www.legislationline.org/> (дата обращения 18.11.2022).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: <https://www.legislationline.org/> (дата обращения 18.11.2022).

220 УПК Кыргызстана⁶). В то же время запрещено копирование протоколов негласных следственных действий и приложений к ним (чч. 1–3, 5 ст. 217 УПК Кыргызстана), ознакомливающихся лица предупреждаются о наступлении уголовной ответственности за разглашение ставшей им известной конфиденциальной информации (ст. ст. 253, 255, 256, 517 УПК Украины).

Если ознакомление представляет существенную угрозу: а) жизни, здоровью или охраняемым законом интересам вовлеченных в уголовный процесс лиц; б) распространения информации о методах и тактике оперативно-розыскного органа, а также о средстве, используемом при проведении оперативно-розыскного мероприятия; в) разглашения тайны частной жизни третьих лиц; г) распространения сведений, которые невозможно выделить и представить в таком виде, чтобы из них не были ясны данные, которые перечислены, то может быть принято решение о запрете на ознакомление с указанными материалами (ст. 220 УПК Кыргызстана, ст. 240 УПК Казахстана, ст. 231 УПК Латвии, ст. 126¹⁴ УПК Эстонии⁷).

Применительно к отечественному уголовно-процессуальному и оперативно-розыскному законодательству следует отметить, что в УПК РФ отсутствует процедура ознакомления со сведениями, составляющими государственную тайну. Однако указано, что при наличии таких сведений в уголовном деле они представляются лицам в рамках судебного заседания, при этом каких-либо ограничительных оснований для отказа в ознакомлении закон не содержит (ст. 217 УПК РФ). Полагаем, что реализация транспарентности результатов ОРД в этом случае сопряжена с возможностью разглашения сведений ограниченного распространения и нанесения ущерба интересам государства и третьих лиц.

Интересна позиция Конституционного Суда РФ на этот счет. По его мнению, у гражданина нет конституционного права на истребование всей собранной о нем информации, если это осуществляется с соблюдением требований Конституции РФ и в рамках закона⁸; Конституция РФ допускает возможность установления в отношении той или иной информации специального правового режима, в том числе режима ограничения свободного доступа к ней со стороны граждан⁹ [9, с. 72].

Полагаем, транспарентность результатов ОРД может быть обеспечена путем предоставления доступа заинтересованных лиц и их законных представителей к полученным в отношении них сведениям

(с оформлением соответствующего допуска и предупреждением о недопустимости разглашения полученных сведений) либо путем рассекречивания соответствующих материалов в установленном законом порядке. Исключение составляет информация: а) об организации и тактике получения сведений, а также методах получения и источниках информации; б) о штатных негласных сотрудниках и лицах, оказывающих конфиденциальное содействие (сотрудничество); в) об иных обстоятельствах, позволяющих определить источник информации путем сопоставления с имевшими место реальными событиями.

Интересна позиция ООН, обратившая внимание стран-участниц на применение негласных методов расследования как на положительный опыт противодействия коррупционной и организованной преступности. Подчеркивается, что необходимость нормативного закрепления условий и порядка их производства, а также приемлемости использования полученных данных в качестве доказательств каждое государство вправе определять самостоятельно.

В современный период развития общества необходимо более полно и эффективно использовать возможности негласного правоприменения, развивая и совершенствуя его, чтобы оно в полной мере отвечало сегодняшним потребностям общества и государства. Одновременно рассматривая некоторые из общих аспектов проблем негласного правоприменения, мы отнюдь не претендуем на сколько-нибудь исчерпывающее их решение, поскольку указанная проблематика исключительно многогранна и может быть решена лишь совместными усилиями теоретиков, представителей различных отраслей знаний и правоприменительной практики.

Несмотря на значительное количество научных изысканий оперативно-розыскной направленности, по-прежнему отсутствует концепция правоприменения в оперативно-розыскной деятельности, в рамках которой необходимо разрешить проблемы, связанные не только с применением оперативно-розыскного права, но и правопониманием и правоосознанием. Очевидно наличие противоречия в этой области между знанием потребным и знанием наличным, что в свою очередь порождает вопросы, связанные с правовой регламентацией оперативно-розыскной деятельности, а это во многом обусловлено отсутствием научно обоснованных подходов к восприятию ее как обособленной уникальной сферы правоприменения.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики. URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 18.11.2022).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики. URL: <https://www.juristaitab.ee/> (дата обращения 17.01.2023).

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О (здесь и далее, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁹ Определение от 12 мая 2003 г. № 173-О ; Определение от 29 января 2009 г. № 3-О-О ; Определение от 29 сентября 2011 г. № 1063-О-О ; Определение от 17 ноября 2011 г. № 1585 –О-О ; и др.

Список литературы

1. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
2. Игошев К. Е. Социалистическое правосознание и его основные особенности // Труды Высшей школы МООП СССР. М., 1968. Вып. 18.
3. Кудрявцев В. Н. Правосознание юриста // Советская юстиция. 1974. № 10.
4. Лазарев В. В. Правовое сознание и применение права // Ученые записки Пермского ун-та. 1973. № 284.
5. Максимова И. М. Правосознание как источник правового поведения личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.
6. Никитин В. Б. О структуре правосознания // Человек и общество. Л., 1973. Вып. 12.
7. Сафронов В. В. Правосознание гражданина : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.
8. Тапчанян Н. М. Правосознание и правовая культура : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
9. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского суда по правам человека / отв. ред. В. С. Овчинский : 3-е изд., доп и перераб. М., 2018.

УДК 352

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-153-157

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Промежуточные итоги реформы территориальных основ местного самоуправления в России

Жиляев Артур Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права¹,

✉ avzhilyaev@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

На основе результатов анализа положений действующего российского законодательства и складывающейся практики реформирования территориальных основ местного самоуправления, мнения представителей экспертного сообщества, высказанные ими публично по этому поводу, сформулирован тезис о том, что неоднозначная оценка решения государства об отказе от существующей двухуровневой системы построения муниципалитетов позволяет критически отнестись к выбранному пути развития данного института гражданского общества. В статье обосновывается идея о том, что упразднение городских и сельских поселений и повсеместное создание муниципальных округов приведет к качественному изменению сущности местного самоуправления в небольших населенных пунктах, расположенных на обширных территориях нашей страны.

Ключевые слова: поправки, Конституция Российской Федерации, местное самоуправление, реформа, территориальные основы

Для цитирования: Жиляев А. В. Промежуточные итоги реформы территориальных основ местного самоуправления в России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 153–157.

Intermediate Results of the Reform of the Territorial Foundations of Local Self-Government in Russia

Artur V. Zhilyaev

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Constitutional and International Law¹,

✉ avzhilyaev@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Based on the results of the analysis of provisions of the current Russian legislation and established practice of reforming territorial foundations of local self-government, opinion of representatives of the expert community declared in public, the author formulates the statement that an unambiguous assessment of the state decision to reject the existing two-tier system of building municipalities makes it possible to criticize the way chosen by the state in developing this institute of the civil society. The paper substantiates the idea that abolition of urban and rural settlements and widespread creation of municipal districts will lead to quality changes in the essence of local self-government within the small settlements located on vast territories of our country.

Keywords: amendments, Constitution of the Russian Federation, local self-government, reform, territorial foundations

Citation: Zhilyaev A. V. Intermediate Results of the Reform of the Territorial Foundations of Local Self-Government in Russia. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 153–157 (In Russ.).

Проводимая в Российской Федерации реформа территориальной организации местного самоуправления имеет целью укрепление основ конституционного строя, повышение эффективности функционирования муниципалитетов и рост уровня жизни населения. Ее текущий этап начался в 2019 г. после внесения очередных изменений в федеральный закон об общих принципах организации местного

самоуправления, следствием которых стало появление в отечественной практике нового вида муниципальных образований — муниципального округа¹. По прошествии более чем половины срока, который федеральный законодатель отвел регионам на корректировку собственной нормативной правовой базы в данной части, есть основание подвести промежуточные итоги преобразований и определить

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

возможные направления дальнейшего развития ситуации. И начать хотелось бы со статистики формирования в России подобных муниципальных образований, которая уже сейчас дает определенную пищу для размышлений².

Как уже отмечалось, первые муниципальные округа были созданы в нашей стране в 2019 г. и к концу отчетного периода в Дальневосточном, Приволжском, Сибирском и Центральном федеральных округах их было уже 33. Лидерами среди субъектов Федерации в этом процессе стали Кемеровская (13) и Тверская (4) области, Пермский (13) и Приморский (3) края. Поскольку события происходили в год внесения соответствующих изменений в Закон о местном самоуправлении, можно констатировать, что названные регионы крайне оперативно отреагировали на новеллы законодателя. Это объясняется в первую очередь наличием определенных предпосылок для таких преобразований и заблаговременным ожиданием грядущих изменений нормативной базы.

Следующий год ознаменовался увеличением количества самих муниципальных округов и расширением географии их присутствия. Так, на конец 2020 г. данных муниципальных образований было 100. К перечисленным выше федеральным округам добавились Северо-Западный, Северо-Кавказский и Уральский, а к субъектам Федерации — Амурская (2), Архангельская (1), Брянская (2), Кировская (6), Мурманская (1), Нижегородская (11) и Новгородская (4) области, Забайкальский (2), Камчатский (1), Красноярский (3) и Ставропольский края (16), Ямало-Ненецкий автономный округ (3). Кроме того, в Тверской области их количество увеличилось до 9, в Пермском крае — до 18, в Приморском крае — до 8.

В течение 2021 г. динамика появления муниципальных округов несколько увеличилась. На конец отчетного периода таковых было 180. При этом среди федеральных округов безусловным лидером по их числу является Приволжский федеральный округ (71). Далее следуют Северо-Западный (28), Сибирский и Центральный (по 20), Дальневосточный (17), Северо-Кавказский (16) и Уральский (8). В Южном федеральном округе на 1 января 2022 г. не было создано ни одного муниципального округа. К субъектам Федерации, на территории которых возникли такие муниципальные образования, добавились Удмуртская (25) и Чувашская (2) республики, Калининградская (12), Костромская (4), Курганская (2) и Орловская (1) области и Алтайский край (1). В ряде регионов, где ранее упомянутые округа уже были созданы, их количество несколько возросло.

В 2022 г. процесс формирования муниципальных округов продолжился, однако, поскольку еще нет итоговой статистики за отчетный период, результаты указанного года мы характеризовать не будем.

Обобщая приведенные выше данные, можно сделать ряд выводов. Во-первых, отсутствует энтузиазм в создании новых муниципальных образований у большинства субъектов Федерации. По истечении более чем половины срока, отведенного федеральным законодателем на такие трансформации (до 1 января 2025 г.), муниципальные округа появились только в 23 регионах из 85. При этом ни в одном из восьми субъектов Федерации, входящих в Южный федеральный округ (включая Крым и Севастополь), их нет вообще.

Во-вторых, невелико и количество регионов, где названных округов было создано достаточно много. По сути, можно констатировать, что сформировалась группа лидеров из восьми субъектов Федерации, где их появилось больше, чем по 11. Большинство же остальных территорий решили ограничиться символическим количеством таких муниципальных образований (от 1 до 6).

В-третьих, если рассмотреть срез по видам субъектов Федерации, то напрашивается вывод, что среди явных аутсайдеров характеризуемого процесса присутствуют национальные регионы. Лишь три из них решили создать у себя в общей сложности 33 муниципальных округа, при том, что две республики начали это делать только на третьем году реформы, а в Чувашии и Ямало-Ненецком автономном округе их появилось 2 и 6 соответственно.

Все это свидетельствует о крайне осторожном подходе законодателей в субъектах Федерации к решению вопроса и занятии ими выжидательной позиции.

Говоря о будущем, отметим, что существующая динамика формирования новых муниципальных образований, вероятно, сохранялась бы и дальше, если бы в течение последнего времени не произошел ряд существенных событий. Поправками к Конституции 2020 г. и проектом закона об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти (который на момент написания статьи еще рассматривался во втором чтении) государство, по сути, заявило о смене приоритетов в видении не только вопроса о совершенствовании основ территориальной организации муниципалитетов, но и вопроса о дальнейших перспективах развития местного самоуправления в России в целом. Речь в первую очередь идет об исключении из текста Конституции упоминания о поселениях как первичном уровне функционирования власти на ме-

² Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 20.09.2022).

стах и о существенном сокращении перечня видов муниципальных образований в названном проекте закона. В контексте рассматриваемой проблематики это означает, что если на начальном этапе реформы в 2019 г. у субъектов Федерации было право самим решать вопрос о целесообразности перехода на одноуровневую организацию местного самоуправления, то после упомянутых новелл фактически выбора у них не останется. По мнению федерального законодателя, к 2025 г. муниципальные округа должны появиться во всех без исключения регионах и в Российской Федерации не должно остаться ни одного городского и сельского поселения. Именно данный аспект будет определять ход дальнейшего развития ситуации.

Для понимания логики преобразований и сущности отдельных действий государственной власти необходимо обратиться к мнению представителей экспертного сообщества, высказанному ими публично по этому поводу, и складывающейся практике реализации новых положений законодательства.

В отношении точек зрения специалистов приходится констатировать, что их суждения по данному вопросу по-прежнему разнонаправленные. Одни авторы считают, что проводимая реформа местного самоуправления, предусматривающая введение нового муниципального образования, хотя и сталкивается с рядом проблем, тем не менее является довольно актуальной, и положительных моментов в ней можно увидеть больше, чем отрицательных [1, с. 86–91].

Другие выражают озабоченность, связанную с дальнейшим сокращением поселенческого уровня организации местного самоуправления [2, с. 151–155; 3, с. 60–63], и выявляют ряд теоретических и практических проблем в реализации новелл законодателя об укрупнении муниципальных образований, переводе их в муниципальные округа, демонстрирующих несовершенство законодательства в части процесса изменения границ или преобразования муниципальных образований [4, с. 38–42].

Третья же группа экспертов продолжает отстаивать точку зрения об особой значимости поселенческой составляющей как наиболее близкой населению [5, с. 65–70] и необходимости сохранения двухуровневой системы организации местного самоуправления посредством обоснования понимания сельской жизни как самостоятельного предмета правового регулирования определенного круга общественных отношений сельских поселений Российской Федерации — экономических, социальных, властных, природно-экологических и историко-культурных, направленных на обеспечение жизнедеятельности,

улучшение качества жизни, комплексное развитие территории проживания и трудовой деятельности сельских жителей, условий расширенного сельскохозяйственного производства, ведения личного подсобного хозяйства и повышение эффективности деятельности государственной и муниципальной власти в реализации государственной политики в отношении села [6, с. 65–68].

Нет единообразия в оценке происходящего и у представителей разных уровней власти в отдельных регионах. По мнению главы созданного в 2021 г. Шумерлинского муниципального округа Чувашской Республики Л. Рафинова, реформа проходит успешно и сельчане не почувствуют резких изменений в организации работы сельских администраций, так как они станут территориальными подразделениями администрации муниципального округа и с появлением единого плана стратегического развития, единого имущественного комплекса и более эффективной общественной инфраструктуры появятся возможности по реализации крупных проектов по строительству, благоустройству, капитальному ремонту социальных объектов, процедура реализации которых будет проходить намного быстрее³. Но некоторые руководители субъектов Федерации открыто выступают против появления муниципальных округов. Например, Глава Республики Татарстан Р. Минниханов считает, что поселенческий уровень — наиболее правильная форма муниципалитета, когда люди могут прийти до власти. Более того, он даже готов судиться с федеральным центром по данному вопросу, поскольку не согласен с этим законом⁴.

Обобщая существующую практику создания таких муниципальных образований, следует подчеркнуть, что не во всех регионах, где уже идет данный процесс, она складывалась гладко. Если в большинстве случаев государственным органам приходилось решать так называемые «рабочие» вопросы, что, вероятно, можно считать закономерным, то кое-где они столкнулись с открытым противодействием местных властей и общественности.

Например, в августе 2019 г. Губернатор Челябинской области А. Текслер предложил преобразовать в муниципальный округ один из самых оппозиционных в регионе муниципалитетов — Коркинский муниципальный район. Собрание депутатов района провело публичные слушания, но в середине октября совет депутатов входящего в состав района Розинского городского поселения самораспустился. Восемь депутатов, в том числе председатель совета, сложили полномочия, заявив о давлении районных властей. В конце октября Розинский совет все же

³ Ветликова М. И стал район округом. URL: [https://Вперед21.рф \(xn--21-dlcie3di0l.xn--p1ai\)](https://Вперед21.рф (xn--21-dlcie3di0l.xn--p1ai)) (дата обращения: 20.09.2022).

⁴ Дюрягина К. Око за округ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4186742?ysclid=15up4shgwwq499569112> (дата обращения: 20.09.2022).

проголосовал за реорганизацию, однако его глава оспорил это решение в прокуратуре. В тот же период совет депутатов Первомайского городского поселения, которое также входит в состав названного района, отказался проводить публичные слушания по объединению и как-либо обсуждать этот вопрос⁵. В результате до сегодняшнего дня Коркинское муниципальное образование по-прежнему существует в качестве муниципального района, а не округа.

В Приморском крае после создания в сентябре 2019 г. трех пилотных муниципальных округов обсуждался вопрос об объединении в такой же округ поселений Хорольского муниципального района. Против этого на митинге выступили жители поселка Ярославский, входящего в состав района, по мнению которых, реформа приведет к еще большему обнищанию населения, удалению власти от народа и послужит отстранению жителей от принятия решений по улучшению качества жизни в поселке⁶. Тем не менее впоследствии в январе 2020 г. властями края было принято решение об образовании Хорольского муниципального округа.

Все это в целом свидетельствует об отсутствии единодушного одобрения политики федерального центра в данной сфере и о том, что региональным законодателям необходимо будет гибко подходить к решению вопроса, с тем чтобы учесть мнение населения и исключить массовое неповиновение их воле.

По-нашему мнению, отказ государства от поселенческого принципа и двухуровневой территориальной организации муниципалитетов является ошибочным, так как результатом таких действий будет искажение конституционного принципа самостоятельности местного самоуправления. Люди в маленьких населенных пунктах утратят возможность напрямую решать дела своей общины и попадут в зависимость от местных органов власти, которые будут значительно от них удалены. Следствием этого станут существенные изменения в практике реализации основных форм первичной непосредственной демократии. В частности, значительно меньше станет проводиться муниципальных выборов, местных референдумов и сходов граждан. Люди будут ограничены в возможности решать вопросы местного значения посредством обращения к своим депутатам. Кроме того, как уже отмечалось выше, могут возникнуть специфические проблемы в национальных субъектах Федерации. При этом расчет федеральных властей на экономический эффект от подобных преобразований крайне спорен. Очевидно, что высвободившиеся ресурсы очень быстро исчерпаются и ситуация вернется в первоначальное состояние.

В результате уместно будет говорить не о развитии, а о сохранении данного института народовластия в Российской Федерации [7, с. 48–53].

Характеризуя текущее положение дел, отметим, что сейчас федеральный законодатель взял паузу, так как на его пути возникли существенные препятствия. Об этом свидетельствует растянувшийся на несколько лет процесс внесения в Государственную Думу проекта нового закона о местном самоуправлении и вынужденное продление сроков его обсуждения во втором чтении, приведшее к перенесению рассмотрения этого вопроса на следующую сессию палаты. Очевидно, что в силу неоднозначной оценки содержания названного законопроекта необходимо найти некий общий знаменатель, позволяющий учесть мнение всех сторон. И в такой ситуации жесткого противостояния мнений компромисс может быть найден только путем взаимных уступок. Вопрос заключается в том, насколько государство готово отступить от своей конечной цели и готово ли оно в принципе согласиться на сохранение муниципальных образований поселенческого типа.

Если в ходе доработки проекта закона позиция законодателя не изменится, то ликвидация в нашей стране городских и сельских поселений станет неизбежной. Это означает, что процесс создания муниципальных округов ускорится, так как у субъектов Федерации для решения задачи останется меньше двух лет. Влияние на его ход будут оказывать уже только локальные аспекты. В регионах, где в качестве пилотных площадок такие округа появились, будет обобщен имеющийся опыт и процесс продолжится дальше. Там, где их еще нет, муниципалитеты будут создавать с чистого листа с неизбежными проблемами в ближайшей перспективе. В этом случае власти субъектов Федерации смогут сделать только подготовительную работу с учетом чужого опыта, которая не предотвратит проблем, имеющих индивидуальный характер для отдельных территорий.

Относительно сроков завершения реформы можно предположить, что в регионах, где определенная практика уже имеется, они будут минимальными. В большинстве же случаев местные законодатели используют все предоставленное законом время до конца 2024 г. На определение упомянутых сроков в отдельных субъектах Федерации будет оказывать влияние существующий у них электоральный цикл. Даже при наличии соответствующих предпосылок для решения вопроса действующие власти будут ждать очередных выборов, чтобы такое важное решение принимал уже новый состав региональных парламентов.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Список литературы

1. Сибилева А. Ю. Муниципальный округ — новый вид муниципального образования: проблемы и перспективы реформы территориальной организации местного самоуправления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6(72), № 2.
2. Жиляев А. В., Быкова А. Г. Будущее местного самоуправления в Российской Федерации: возвращение к советской системе построения власти в новой оболочке? // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27, № 2(81).
3. Третьяк И. А. Тенденции развития местного самоуправления в свете конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8.
4. Аверьянова Н. Н. Некоторые проблемы муниципально-территориального устройства современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 12.
5. Болдырев О. Ю. Проект нового закона о местном самоуправлении без самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2.
6. Афанасьев А. А. Сельские территории и сельские поселения: правовая доктрина устойчивого комплексного развития // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1.
7. Жиляев А. В. Как сохранить местное самоуправление в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 3.

УДК 342.7:343.13

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-158-163

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Конституционные права личности в досудебном производстве по уголовным делам: классификация и способы ограничения

Екатерина Сергеевна Ткачёва

адъюнкт адъюнктуры¹, ✉ ektkacheva92@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Статья посвящена исследованию ограничения конституционных прав личности в досудебном производстве по уголовным делам применительно к стадии предварительного расследования. Автором с учетом тесной взаимосвязи и многоаспектного характера конституционных прав предложены критерии их классификации, выделены соответствующие классификационные группы, раскрыто их содержание, описаны способы ограничения. Делается вывод, что понимание сущности и способов ограничения конституционных прав личности внесет определенную ясность в установление оснований для принятия соответствующих процессуальных решений, отвечающих критериям законности, обоснованности и мотивированности.

Ключевые слова: досудебное производство по уголовным делам, предварительное расследование, конституционные права личности, ограничение права, классификация конституционных прав личности

Для цитирования: Ткачёва Е. С. Конституционные права личности в досудебном производстве по уголовным делам: классификация и способы ограничения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 158–163.

Constitutional Rights of a Person in Pre-Trial Proceedings on Criminal Cases: Classification and Means of Restriction

Ekaterina S. Tkatcheva

Post-Graduate student of Post-Graduate courses¹, ✉ ektkacheva92@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The paper dwells on the study of restriction of Constitutional rights of a person in pre-trial proceedings on criminal cases with regard to the stage of the preliminary investigation. Having considered close interconnection and multifaceted character of Constitutional rights, the author suggests criteria for their classification, specifies corresponding classification groups, reveals their content and describes the means of restriction. The conclusion made reads as follows: understanding the essence and means of restriction of Constitutional rights of a person will clarify the determination of the grounds for appropriate procedural decisions subject to criteria of legality, substantiation and motivation.

Keywords: pre-trial proceedings on criminal cases, preliminary investigation, Constitutional rights of a person, restriction of right, classification of Constitutional rights of a person

Citation: Tkatcheva E. S. Constitutional Rights of a Person in Pre-Trial Proceedings on Criminal Cases: Classification and Means of Restriction. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No. 2(89). Pp. 158–163 (In Russ.).

Основы правового статуса личности в Российской Федерации закреплены в нормах самой объемной главы Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), положения которой имеют высшую юридическую силу и прямое действие. Под конституционными правами и свободами понимают «закрепленные в Конституции РФ и гарантированные государством возможности, позволяющие каждому человеку и гражданину свободно и самостоятельно избирать вид и меру своего поведения, сози-

дать и пользоваться предоставленными ему социальными благами, как в личных, так и в общественных интересах» [1, с. 135].

Несмотря на высшую ценность конституционных прав, они не являются абсолютными, поскольку сама Конституция РФ предусматривает возможность их ограничения (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). В ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности ограничение прав может происходить только в той мере, в какой это необходимо в установленных Кон-

ституцией РФ целях и в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке. При этом ограничиваются в ходе досудебного производства по уголовным делам далеко не все из них.

К конституционным правам, ограничиваемым в досудебном производстве, следует относить: право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; право на неприкосновенность жилища; право на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства; право на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы личности; право на труд, право частной собственности на имущество, в том числе на землю. Аналогичные позиции высказаны на страницах юридической литературы [2, с. 37–47; 3, с. 105, 115; 4, с. 18]. Другие конституционные права личности, на наш взгляд, не ограничиваются в досудебном производстве.

Ограничение указанных прав происходит в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, обеспечения надлежащего порядка производства по уголовному делу. Кроме того, оно может быть направлено на исключение возможности злоупотребления правом. Отметим, что правоограничение (независимо от степени) должно приводить к утрате любой возможности реализации права или его отдельного элемента. В противном случае имеет место не ограничение права, а затруднение его реализации.

Комплексное изучение сущности и содержания конституционных прав, ограничиваемых в досудебном производстве, предполагает рассмотрение вопроса об их классификации. Результаты анализа содержания соответствующих классификационных групп и их особенностей позволяют увидеть тесную взаимосвязь и многоаспектный характер конституционных прав, существующие способы их ограничения, что в свою очередь оказывает непосредственное влияние на складывающуюся судебную практику, ориентирует правоприменителя на правильное применение норм уголовно-процессуального закона по аналогии в отсутствие необходимых нормативных предписаний, а также на принятие процессуальных решений, отвечающих критериям законности, обоснованности и мотивированности.

Конституционные права личности, ограничиваемые в досудебном производстве, можно классифицировать в зависимости от: 1) субъекта, чьи конституционные права ограничиваются; 2) субъекта, принимающего решение об ограничении; 3) порядка действий; 4) средств ограничения; 5) времени огра-

ничения; 6) объекта воздействия. Рассмотрим каждую из классификационных групп более подробно.

1. В зависимости от субъекта, чьи конституционные права ограничиваются:

— конституционные права участников уголовного судопроизводства, наделенных процессуальным статусом. К данной группе следует отнести все конституционные права, ограничиваемые в досудебном производстве;

— конституционные права лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, но не наделенных процессуальным статусом. К данной группе прав относятся: право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, право на неприкосновенность жилища, право частной собственности.

Стоит отметить, что, по общему правилу, в досудебном производстве ограничиваются только права лиц, наделенных определенным процессуальным статусом (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель и др.). Вместе с тем не исключены ситуации, когда ограничение конституционного права происходит до принятия решения о процессуальном положении. Например, обыск в жилище может быть произведен не только по месту жительства обвиняемого (подозреваемого), но и по месту проживания иного лица, предположительно, сокрывшего похищенное имущество. Лицо, в жилище которого будет произведен обыск, становится участником досудебного производства только в момент его проведения, тогда как ограничение права на неприкосновенность жилища и на неприкосновенность частной жизни происходит раньше.

Заблаговременное определение процессуального статуса лица и его уведомление о предстоящем следственном действии в данной ситуации невозможно, ввиду его особого характера, вызванного необходимостью обеспечения конфиденциальности его проведения.

Аналогичная ситуация складывается при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186¹ УПК РФ), контроле и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ), в ходе которых возможно ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров не только подозреваемого, обвиняемого, но и лиц, не наделенных процессуальным статусом, в том числе по причине того, что они еще не установлены (неизвестны).

Указанные особенности ограничения конституционных прав личности обусловлены как характером самих прав, реализация которых происходит посредством взаимодействия субъектов, так и использованием различных средств передачи информации,

а также характером правоограничительной деятельности. Отметим, что само по себе ограничение не является и не может являться ее целью. Уголовно-процессуальный закон учитывает данные особенности и предусматривает охрану и защиту прав и свобод личности от любых действий (бездействия) и решений должностных лиц органов предварительного расследования, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства (гл. 16 УПК РФ).

2. В зависимости от субъекта, принимающего решение об ограничении конституционных прав личности:

- конституционные права, ограничиваемые по решению суда следователем, дознавателем;
- конституционные права, ограничиваемые следователем, дознавателем самостоятельно.

Любое конституционное право личности, ограничиваемое в досудебном производстве, может быть отнесено как к первому, так и ко второму виду. Указанное может зависеть, например, от: 1) прямого предписания Конституции РФ и УПК РФ (ч. 2 ст. 29 УПК РФ); 2) степени ограничения права, которая определяется возможностью применения принуждения, учета мнения лиц, чьи права ограничиваются, продолжительностью ограничения и др. Исходя из этого требование о получении судебного решения на производство процессуального действия возникает при наиболее существенном ограничении права; 3) наличия оснований производства процессуального действия в случаях, не терпящих отлагательства; 4) осведомленности лица об ограничении его права и вытекающей из этого возможности своевременно обжалования решения об ограничении.

Определяя субъекта, правомочного ограничивать конституционные права личности, следует учитывать совокупность указанных выше критериев и сложившуюся следственную ситуацию.

3. В зависимости от порядка действий:

- конституционные права, ограничиваемые в судебном порядке (требующие судебного санкционирования);
- конституционные права, ограничиваемые без судебного порядка (не требующие судебного санкционирования).

Ограничение любого конституционного права может происходить как в судебном порядке, так и без него (с последующим судебным контролем и без такового).

Очевидно, что порядок ограничения зависит от субъекта, правомочного принимать такое решение, а также от перечисленных в предыдущей классификационной группе критериев, влияющих на выбор данного субъекта. Процедура принятия решения об ограничении конституционного права в одних ситуациях

прописывается более детально (например, ограничение права на свободу и личную неприкосновенность при применении меры пресечения в виде заключения под стражу), в других раскрывается лишь с помощью общих условий производства конкретного процессуального действия (например, ограничение права на свободу и личную неприкосновенность при производстве освидетельствования).

Порядок производства процессуального действия может также зависеть от его цели и возможности ее достижения без ограничения права. Например, конституционное право частной собственности ограничивается в уголовном судопроизводстве при применении мер процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество (п. 4 ч. 1 ст. 111 УПК РФ). Решение об их применении принимается исключительно в судебном порядке.

Кроме того, указанное право может быть ограничено и при производстве осмотра и выемки, при изъятии имущества, находящегося в собственности у определенного лица. Решение на производство данных следственных действий, в том числе, может приниматься самостоятельно следователем, дознавателем.

Если при наложении ареста на имущество ограничения, связанные с возможностью владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, устанавливаются для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, то при изъятии имущества (следовательно, временного ограничения возможности пользования им) в ходе производства следственного действия — в целях сохранения предметов, имеющих значение для уголовного дела. Другими словами, изъятию подлежит только то имущество, которое имеет значение для уголовного дела (имеет связь с преступлением, сохранило его следы). Предусмотренная законом процедура следственного действия напрямую не связана с установлением ограничений, выступающих последствием изъятия имущества, судьба которого будет решена позднее.

При наложении ареста на имущество запрет на владение, пользование и распоряжение является прямым, вытекающим из нормативно определенной цели, которая не может быть достигнута без ограничения права. В свою очередь цели производства следственных действий могут быть достигнуты без ограничения права собственности.

Отметим, что для ограничения одних конституционных прав требуется вынесение отдельного решения (постановления), для других — нет (например, ограничение неприкосновенности жилища при производстве обыска требует вынесения постановления, при производстве осмотра жилища — нет, за

исключением производства осмотра жилища в случаях, не терпящих отлагательства).

4. *В зависимости от средств ограничения (вида процессуального действия):*

— конституционные права, ограничение которых происходит в процессе производства следственных и иных процессуальных действий;

— конституционные права, ограничение которых происходит при применении процессуального принуждения.

5. *В зависимости от времени ограничения конституционного права:*

— конституционные права, подлежащие кратковременному ограничению;

— конституционные права, подлежащие длительному ограничению.

К четвертой и пятой классификационным группам возможно отнести все конституционные права, ограничиваемые в досудебном производстве.

Обратим внимание, что производство освидетельствования и обыска осуществляется в течение непродолжительного периода, в отличие от получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, которое может осуществляться в срок до шести месяцев.

6. *В зависимости от объекта воздействия:*

— конституционные права, ограничение которых происходит посредством воздействия на самого человека, его тело и волю (применение психического и физического принуждения¹);

— конституционные права, ограничение которых происходит путем получения информации о человеке (информация о частной жизни лица);

— конституционные права, ограничение которых происходит с помощью воздействия на имущество человека (принуждение имущественного характера).

Ограничение права может происходить либо путем физического контакта, который осуществляется как с согласия лица (добровольно), так и против его воли (принудительно), либо без физического контакта, с применением угрозы принуждения или наступления неблагоприятных последствий (привлечение к ответственности за дачу заведомо ложных показаний, за отказ от дачи показаний ч. 7 ст. 42 УПК РФ; ч. 8 ст. 56 УПК РФ). Если ограничить физическую неприкосновенность можно только путем фактиче-

ского действия и наличия контакта, то в отношении психической достаточно даже угрозы применения принуждения.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ право на свободу и личную неприкосновенность означает, что человек не может быть лишен свободы и заключен под стражу по произволу власти; вынесение постановления об избрании в качестве меры пресечения в виде заключения под стражу всегда ущемляет право на свободу и личную неприкосновенность, независимо от того, исполнено или не исполнено это решение; не только реальные ограничения, но и выявившаяся их опасность, прежде всего угроза потерять свободу, нарушают неприкосновенность личности, в том числе психическую, оказывает давление на сознание и поступки человека².

Мы не претендуем на приведение исчерпывающего перечня оснований для классификации и указали те из них, которые, на наш взгляд, становятся очевидными при буквальном толковании закона. Возможно выделить иные критерии классификации конституционных прав и способов их ограничения в зависимости от решаемых исследовательских задач.

Как уже было отмечено, конституционные права личности имеют многоаспектный характер и тесную взаимосвязь, ввиду чего характер их ограничения может быть разным. В связи с этим следует отметить, что непосредственное ограничение одних конституционных прав может привести к опосредованному ограничению других либо затруднить возможность их реализации.

Наличие прямых и опосредованных связей между различными конституционными правами приводит к тому, что ограничение одного права может ограничить другое право, как внутри одной группы прав, так и вне³.

В качестве наглядного примера рассмотрим возможность ограничения права на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ) и его влияние на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства (ст. 27 Конституции РФ).

Право на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства понимается как возможность реального волеизъявления лица передвигаться в пределах территории государства (города или иного населенного пункта), покидать территорию государства и возвращаться обратно, устанавливать

¹ Вопрос о содержании психической и физической неприкосновенности достаточно подробно рассмотрен на страницах научной литературы [5].

² По делу о проверке конституционности статей 220¹ и 220² Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна : постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ В конституционном праве одной из распространенных является дифференциация конституционных прав в зависимости от сферы общественных отношений на следующие группы: личные (гражданские), социально-экономические, политические, а также культурные [6, с. 176–177].

место пребывания или жительства без каких-либо ограничений, за исключением предусмотренных уголовно-процессуальным законом [7, с. 10].

На непосредственное ограничение данного права направлена подписка о невыезде и надлежащем поведении. При избрании данной меры пресечения подозреваемый (обвиняемый) не лишается свободы вообще, но его право на передвижение в пределах определенного населенного пункта без разрешения дознавателя, следователя или суда, безусловно, ограничивается.

Право на свободу передвижения ограничивается также при задержании, домашнем аресте, запрете определенных действий, заключении под стражу и др. Однако здесь оно происходит посредством ограничения права на свободу и личную неприкосновенность, т. е. опосредованно (косвенно).

Иными словами, реализация права на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства зависит от возможности реализации права на личную свободу. Невозможно ограничить право на личную свободу без ограничения права на свободу передвижения.

Рассмотрим другой пример. Ограничение неприкосновенности жилища приводит к ограничению неприкосновенности частной жизни; ограничение свободы и личной неприкосновенности неизбежно приводит к ограничению ряда социально-экономических прав. Кроме того, непосредственное ограничение одних прав создает объективные сложности в реализации определенных политических (право на мирные собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31 Конституции РФ)) и социокультурных прав личности (право на пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ст. 44 Конституции РФ)), которые не подлежат ограничению в уголовном судопроизводстве, исходя из сущности и назначения последнего. Возможность реализации ряда политических и социокультурных прав личности затрудняется, например, в случае помещения потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого в медицинское учреждение для производства экспертизы, при избрании мер пресечения в виде запрета определенных действий, домашнего ареста, заключения под стражу.

Таким образом, конституционные права личности в уголовном судопроизводстве могут ограничиваться как непосредственно (прямо), так и опосредованно (косвенно). При этом непосредственное ограничение одного права затрудняет возможность реализации иного. Указанное необходимо учитывать при выборе порядка ограничения прав.

Следует принимать во внимание, что в досудебном производстве по уголовным делам может происходить как полное ограничение конституционного

права, так и ограничение его отдельного элемента. Проиллюстрируем это на примере ограничения права на труд, которое понимается как естественная, неотъемлемая от личности и гарантируемая нормами внутреннего законодательства и международно-правовыми актами возможность беспрепятственного и свободного выполнения любых видов работ и занятий, направленных как на достижение каких-либо материальных благ, так и на удовлетворение духовных потребностей [8, с. 8]. Распространенной является позиция, согласно которой к нормативному содержанию конституционного права на труд относятся следующие правомочия: право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию; право каждого на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены; право на вознаграждение за труд, без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда; право на защиту от безработицы; право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая и право на забастовку; право каждого на отдых [9].

Отметим, что в уголовном судопроизводстве (с учетом приведенных элементов) ограничению подлежит только возможность трудиться в определенном месте, занимать определенную должность, но не право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Рассматриваемое право подлежит ограничению при применении временного отстранения подозреваемого (обвиняемого) от должности (ст. 114 УПК РФ). В данном случае ограничивается возможность осуществлять трудовую деятельность в определенном месте и на определенной должности. При этом личность сохраняет право трудиться в другом месте при условии, что занимаемая должность исключает возможность скрыть следы совершенного преступления или иным образом воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Косвенное ограничение рассматриваемого права происходит при задержании, запрете определенных действий, залоге, домашнем аресте, заключении под стражу, при помещении в медицинское учреждение для проведения судебной экспертизы и т. п. Укажем, что привлечение любого лица в рабочее время к участию в следственных и иных процессуальных действиях не является ограничением права на труд. В таких ситуациях происходит лишь его временное отвлечение от трудовой деятельности для выполнения им своей процессуальной обязанности и (или) общественно полезной функции — содействия органам предварительного расследования.

Право на труд не ограничивается также при временном (вынужденном) перерыве в работе лица, не являющегося участником процессуального действия, но не способного выполнять трудовую деятельность в период его проведения (например, во время обыска или осмотра места происшествия). В каждом из указанных случаев за лицом сохраняется как место работы, так и заработная плата⁴.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что конституционные права имеют многоаспектный характер и тесную взаимосвязь. Именно поэтому одни и те же конституционные права, ограничиваемые в досудебном производстве по уголовным делам, одновременно можно отнести к разным классификационным группам. Ограничение одних и тех же

прав может происходить различными субъектами и в разном порядке, что зависит не только от прямого предписания закона, но и от степени и способа ограничения права, вида и целей производимых процессуальных действий или применяемых мер процессуального принуждения (возможности их достижения без ограничения права), а также от характера самого ограничения (прямого или косвенного).

Четкое понимание того, какими способами и в каком порядке ограничиваются конституционные права личности в досудебном производстве, внесет определенную ясность в установление оснований для принятия соответствующих процессуальных решений, отвечающих критериям законности, обоснованности и мотивированности.

Список литературы

1. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие. М., 1997.
2. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985.
3. Кондрат И. Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство). М., 2012.
4. Кальницкий В. В., Марфицин П. Г. Производство следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан : учеб. пособие. Омск, 2004.
5. Писарев А. В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.
6. Шахрай С. М., Клишас А. А. Конституционное право Российской Федерации : учебник. 3-е изд., доп. М., 2011.
7. Мусина А. А. Право на свободу передвижения в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2015.
8. Радченко Д. А. Конституционное право человека на труд и механизм его реализации в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
9. Хурматуллина А. М. Право на труд как конституционная ценность и его обеспечение в субъектах Российской Федерации : монография. 2016. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F1381137206/Monografiya__2_.pdf (дата обращения: 13.09.2022).

⁴ Работодатель обязан освобождать работника от работы с сохранением за ним места работы (должности) на время исполнения им государственных или общественных обязанностей в случаях, если в соответствии с Трудовым кодексом РФ и иными федеральными законами эти обязанности должны исполняться в рабочее время (ст. 170 ТК РФ).

Отзыв официального оппонента на диссертацию Д. Г. Кишенькова «Предупреждение преступлений, совершаемых в студенческой среде»

Александр Викторович Шеслер

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса¹,

✉ sofish@inbox.ru

¹ Кузбасский институт ФСИН России (Новокузнецк, Россия)

Для цитирования: Шеслер А. В. Отзыв официального оппонента на диссертацию Д. Г. Кишенькова «Предупреждение преступлений, совершаемых в студенческой среде» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 163–167.

Official Opponent Review of the Dissertation «Prevention of Crimes committed in Youth Environment» prepared by Kishenkov D. G.

Alexandr V. Shessler

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Law and Criminal Procedure¹, ✉ sofish@inbox.ru

¹ the Kuzbass Institute of the Russian Federal Penitentiary Service (Novokuznetsk, Russia)

Citation: Shessler A. V. Official Opponent Review of the Dissertation «Prevention of Crimes committed in Youth Environment» prepared by Kishenkov D. G. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 2(89). Pp. 163–167 (In Russ.).

Актуальность темы диссертационного исследования Д. Г. Кишенькова не вызывает сомнений и определяется тем, что студенчество является одной из самых активных и протестных социальных групп населения. Негативное выражение такой активности состоит в том, что преступность в студенческой среде во многом отражает особенности и тенденции молодежной преступности в целом, а также вызывает большую негативную оценку в обществе, надежды которого на студенчество как основу своего позитивного будущего часто не оправдываются. Рассматриваемый вид преступности обладает значительной спецификой по своей латентности, групповому характеру, детерминантам. Однако эта специфика в значительной мере не учитывается при предупреждении студенческой преступности, что существенно снижает ее эффективность. Одной из причин сложившейся ситуации является недостаточное научное исследование такой преступности. Представляется, что диссертационное исследование Д. Г. Кишенькова в определенной мере способствует решению возникших проблем.

Соискателем правильно сформированы теоретическая, методологическая, нормативная и эмпирическая основы исследования.

Объектом исследования указаны общественные отношения, возникающие в связи с совершением

студентами преступлений, определяющие особенности деятельности по борьбе с криминальными проявлениями в студенческой среде. В соответствии с этим к **предмету** диссертационного исследования соискатель отнес преступность среди студентов, ее состояние и динамику, процессы и явления, детерминирующие преступность среди студентов, правовое регулирование и практику предупреждения криминальных процессов в студенческой среде.

Цель исследования, поставленная перед собой Д. Г. Кишеньковым, — теоретический анализ и научное обоснование проблем противодействия преступности среди студентов, определение характерных для нее криминологических особенностей, проведение комплексного анализа существующей системы предупреждения криминальных проявлений в студенческой среде, выработка действенных мер по оптимизации правоохранительной деятельности в этой сфере, в основном достигнута за счет последовательного решения сформулированных в работе задач.

Не вызывают сомнений методология и методика исследования, его нормативная база. Работа базируется на апробированном общенаучном методе познания, философском, конкретном социологическом методе и частнонаучных методах. Соискатель комплексно использовал диалектический метод познания социально-правовых явлений в сочета-

нии с общенаучными методами (анализ, синтез, дедукция, аналогия), а также частнонаучные методы (сравнительно-правовой, статистический, обобщение, контент-анализ). Такой подход при изучении исследовательского материала обеспечил необходимый уровень достоверности и обоснованности полученных результатов, сформулированных в диссертации выводов, теоретических положений и практических рекомендаций.

Теоретическая и практическая значимость исследования выражается в том, что полученные в ходе его проведения знания обогащают и развивают криминологию как науку, могут применяться для дальнейшего совершенствования предупредительной деятельности правоохранительных органов.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность определяются качеством содержания и объемом использованных источников, образующих теоретическую и эмпирическую базу исследования, его правовую основу, использованием апробированного научно-методического аппарата, внутренней непротиворечивостью содержащихся в диссертации суждений и выводов, согласованностью полученных автором результатов с собственными эмпирическими данными документального и социологического анализа, данными других специалистов, а также базовыми положениями юридических и иных наук.

Эмпирическая база диссертации включает в себя, кроме данных о состоянии преступности в студенческой среде за период с 2015 по 2021 гг., и данных, полученных другими авторами, собственные исследовательские материалы по результатам изучения приговоров и проведенному анкетированию. При подготовке диссертации изучены приговоры в отношении студентов, совершивших преступления (111 материалов), а также граждан, причинивших личный и имущественный вред студентам (116 материалов); проанализированы результаты экспертного опроса 157 сотрудников следственных органов и органов дознания, а также анкетирования 813 студентов, обучающихся в образовательных организациях высшего образования, служебные материалы территориальных органов МВД России, содержащие сведения о практике выявления, пресечения и профилактики преступлений в студенческой среде (24 документа), решения советов ректоров, посвященных вопросам предупреждения правонарушений в студенческой среде (15 материалов), решения ученых советов образовательных организаций высшего образования о проблемах обеспечения безопасности в образовательных учреждениях.

Высокая степень достоверности результатов диссертационного исследования обеспечена: во-

первых, глубоким и многоаспектным изучением проблемы преступности в студенческой среде; во-вторых, методологией исследования, опирающейся на диалектические методы, общенаучные и частнонаучные методы познания; в-третьих, репрезентативностью эмпирического материала, включающего данные правоохранительной и судебной практики, результаты обобщения собственных проведенных исследований.

Результаты исследования показывают необходимость изменения подходов к организации борьбы с преступностью в студенческой среде, совершенствованию системы ее профилактики.

Диссертационное исследование **прошло апробацию** на всероссийских научно-практических конференциях. Основные теоретические положения, выводы и предложения соискателя, содержащиеся в работе, были представлены в виде докладов на международных и ежегодных научно-практических конференциях. Основные положения, выводы и рекомендации, полученные в результате диссертационного исследования, отражены в опубликованных работах (11 статей), 5 из которых — в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикаций основных научных результатов диссертаций.

Логичной представляется структура диссертации, которая состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Во введении обоснована актуальность темы исследования, охарактеризована степень ее научной разработанности; определены: объект, предмет, цель и задачи исследования, методологическая база и методика подхода к решению поставленной научной проблемы, теоретическая, нормативно-правовая и эмпирическая основы исследования; раскрывается научная новизна; перечисляются положения, выносимые на защиту; определяется теоретическая и практическая значимость исследования; приводятся сведения об обоснованности, достоверности, апробации и внедрении полученных результатов, а также о структуре диссертации.

В первой главе «Криминологическая характеристика студенческой преступности», в которой в рамках отдельных параграфов исследуются понятие (с. 25–26), структура (с. 28–32) и современное состояние студенческой преступности (с. 35–40), особенности личности студентов-преступников (с. 56–59), детерминанты студенческой преступности (с. 62–89). Соискатель правильно обращает внимание на утрату воспитательных функций системой образования (с. 75–80). Связано это прежде всего с тем, что с начала 1990-х годов система образова-

ния в российском обществе стала с каждым годом все больше коммерциализироваться, становиться платной. Концепция рынка образования нашла закрепление в Федеральном законе «Об образовании» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ, в котором, несмотря на определение в ст. 2 образования как единого процесса воспитания и обучения, неоднократно употребляется термин «образовательные услуги». В частности, этот термин употребляется в ст. 54 данного Закона, где речь идет о договоре об образовании между организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и лицом, зачисленным на обучение. Услуги — категория рыночная. В результате система образования с выполнения такой социальной миссии, как воспитание, развитие творческих, созидательных способностей переориентировалась в основном на формирование личности квалифицированного потребителя, на формирование в ней компетенций, востребованных преимущественно на рынке труда.

Интересным представляется авторский подход к характеристике причин латентности данного вида преступности. Автор отмечает, что на латентность данной преступности оказывают влияние обособленность студенческой среды от остального социума, а также «регулируемость» правоприменительной практикой показателей статистики (с. 42). Особый акцент соискатель делает на групповом характере студенческой преступности, обусловленной стремлением студентов, среди которых есть и несовершеннолетние, к объединению в неформальные группы сверстников.

Вторая глава «Виктимологические аспекты студенческой среды» посвящена видам и субъектам криминального воздействия на студентов, а также особенностям их виктимного поведения. Интересными являются выводы диссертанта о высокой коррупционной готовности студентов, связанной с их образовательной деятельностью (с. 126–130).

В третьей главе «Профилактика преступлений в студенческой среде» автор рассматривает правовые и организационные основы обеспечения безопасности студентов (с. 139–148), а также предлагает меры предупредительного воздействия (с. 162–175). Правильно выбраны основные объекты предупредительного воздействия, в качестве которых в работе указаны такие социальные явления, как наркомания, терроризм, экстремизм, коррупция. Выводы диссертанта являются важными для развития государственной политики противодействия преступности среди студентов, осуществления диагностики состояния криминологической безопасности обучающихся в высших учебных заведениях, применения криминологически обоснованных мер предупреждения студенческой преступности.

В заключении сформулированы основные выводы, полученные в результате проведенного исследования. Автореферат отражает основные моменты диссертации.

Диссертация Д. Г. Кишенькова обладает научной новизной, необходимой для подобного рода работ. К числу принципиально новых положений, полученных лично соискателем, позволяющих определить исследование как научно-квалификационную работу, содержащую решение задач, имеющих существенное значение для теории и практики, следует отнести:

- критическое обобщение научных исследований, посвященных проблемам студенческой преступности, и развитие соответствующих теоретических положений;
- авторское определение студенческой преступности с выделением ее видовых признаков;
- криминологическую характеристику основных статистических показателей и особенностей студенческой преступности (прежде всего ее латентного, группового и корыстного характера);
- составление среднестатистического портрета студента-преступника, позволяющего определить категорию лиц, среди которых следует проводить профилактическую работу;
- характеристику детерминант студенческой преступности, среди которых выделяется прежде всего утрата воспитательных функций системой образования;
- предложения по основным направлениям предупреждения студенческой преступности.

В целом, положительно оценивая качество результатов диссертационного исследования, необходимо обратить внимание на некоторые положения, которые носят спорный и дискуссионный характер и нуждаются в дополнительном уточнении со стороны диссертанта в процессе устной защиты.

1. Нуждается в уточнении предмет диссертационного исследования. Исходя из названия работы, соискатель исследует преступность в студенческой среде, т. е. преступность среди студентов, состоящую из преступлений, совершаемых студентами, как это уточняется во введении при характеристике предмета исследования (с. 7). С этой позиции в предмет диссертационного исследования логичнее было бы включать не виктимологические аспекты студенческой среды, как это сделал соискатель во второй главе работы, а виктимологические аспекты, касающиеся жертв от преступлений, совершаемых студентами. Данное замечание обусловлено тем, что виктимологические аспекты студенческой среды предполагают исследования криминальных угроз, которым подвергается эта среда, состоящая только из студентов, не только изнутри (со стороны самих

студентов), но и извне (со стороны иных лиц). Виктимологические аспекты, касающиеся жертв от преступлений, совершаемых студентами, предполагают исследования криминальных угроз, исходящих только от студентов (в отдельных случаях и лиц, совместно совершающих с ними преступления), а также исследование иной социальной среды, состоящей не только из студентов, но и из иных лиц, оказавшихся жертвами этих преступлений. Кроме того, в третьей главе диссертации логичнее было сделать акцент на предупреждении преступлений со стороны студентов, а не на обеспечении безопасности студенческой среды, которая подвергается преступным посягательствам со стороны не только студентов, но и иных лиц.

2. Нельзя в полной мере согласиться с выделением соискателем в качестве видового признака студенческой преступности совершение преступлений студентами очной формы обучения (с. 10, 20). Очевидно, соискатель исходит из того, что студенты именно этой формы обучения в полной мере погружены в социальную образовательную среду и не имеют иного социального статуса помимо студента. Однако это не так. С развитием электронных образовательных ресурсов и дистанционных образовательных технологий (особенно в период пандемии) многие студенты дневной формы обучения активно сочетают обучение с трудовой деятельностью, которую они рассматривают как основную форму своей социальной активности, и по этой причине физически погружены в основном в ту социальную среду, где эта деятельность происходит, а не в среду образовательного учреждения. Напротив, значительная часть студентов заочной формы обучения по разным причинам (например, по мотивам меньшей оплаты за получение образования) не имеют никакого иного социального статуса, кроме статуса студента. Полагаем, что именно такой единственный или основной социальный статус лица, совершившего преступление, позволяет включить последнее в студенческую преступность.

3. При составлении среднестатистического портрета студента-преступника соискатель не уделил должного внимания особенностям мотивации совершаемых преступлений. Общие рассуждения о такой мотивации содержатся лишь на с. 52. Необходимость обстоятельного анализа данной мотивации обусловлена прежде всего тем, что именно она во взаимодействии с конкретной жизненной ситуацией образует механизм индивидуального преступного поведения. Иные выделенные соискателем чер-

ты студента-преступника (отсутствие общественных идеалов, употребление алкоголя, эгоцентризм и т. д.) на с. 58–60 не объясняют причину такого поведения, так как в значительной мере они свойственны не только современному студенчеству, но и молодежи в целом, сформировавшейся под влиянием общества потребления, основанного на либеральных ценностях. Такие черты являются основой не только и не столько преступного, сколько девиантного поведения (наркомании, гомосексуализма, проституции, суицида и т. д.).

4. Полагаем, что название второй главы диссертации не в полной мере соответствует ее содержанию. В данной главе речь идет в большей мере о криминализации студенческой среды, а не о ее виктимизации. Соискатель характеризует прежде всего явления, влияющие на формирование у студентов мотивации на совершение преступления, а не явления, определяющие их виктимное поведение. В частности, автор характеризует высокую коррупционную активность студентов, связанную с их образовательной деятельностью (с. 128–129). Такая активность не имеет никакого отношения к их виктимному поведению, так как студенты сами часто выступают инициаторами взяточничества, при котором нет жертвы преступления. На наш взгляд, материал о криминализации студенческой среды уместнее было поместить в третий параграф первой главы, где речь идет о детерминантах студенческой преступности.

Однако высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку работы, носят рекомендательный и дискуссионный характер, что позволяет сделать следующие выводы:

— диссертация «Предупреждение преступлений, совершаемых в студенческой среде», является законченной научной работой, содержащей научные и практические решения актуальной проблемы в рамках специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;

— диссертация и автореферат соответствуют друг другу по структуре и содержанию;

— представленная работа отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, предусмотренным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842;

— автор представленной диссертации — Дмитрий Геннадьевич Кишеньков заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

УДК 130.2:343.811

doi: 10.24412/1999-625X-2023-289-168-173

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Тюремная «прописка», буддийские коаны и законы формальной логики

Сергей Борисович Пономарев

Заслуженный врач Российской Федерации, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник¹,
✉ docmedsb@mail.ru

¹ ФКУ НИИ ФСИН России (Москва, Россия)

Одним из ритуалов, присущих пенитенциарной субкультуре, является тюремная «прописка» — аналог инициации, существующей в первобытных культурах. Этапом тюремной «прописки» является разгадывание загадок, от ответа на которые зависит отнесение нового сокамерника к определенной тюремной страте. При анализе логической структуры тюремных загадок отмечено их сходство с дзен-буддийскими коанами — иррациональными головоломками, применяющимися при воспитании монахов. С использованием алгебры логики построены логические схемы тюремных загадок и буддийских коанов, имеющих сходные задачи, — образование новой логической формулы. Целью коана является достижение состояния просветления, называемого «сатори», связанного с синтезом наркотикоподобных веществ — эндорфинов, вызывающих чувство эйфории. Выброс эндорфинов является следствием быстрого появления в ментальной сфере большого объема новой организованной информации, что производит физиологический эффект, ощущаемый как озарение, просветление, обретение счастья. Коаны и загадки тюремной «прописки» построены по сходным принципам классической (аристотелевой) логики и представляют собой проявления феномена культурной гомоплазии.

Ключевые слова: пенитенциарная субкультура, тюремная «прописка», буддийские коаны, формальная логика, эндорфины, состояние «сатори», культурная гомоплазия, структуры мозга, алгебра логики

Для цитирования: Пономарев С. Б. Тюремная «прописка», буддийские коаны и законы формальной логики // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 168–173.

Prison «Registration», Buddhist Koans and the Laws of Formal Logic

Sergey B. Ponomarev

Honoured Doctor of the Russian Federation, Doctor of Medicine, Professor, senior researcher¹, ✉ docmedsb@mail.ru

¹ the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russia)

One of the rituals typical for penitentiary subculture is prison “registration”, the analogue of initiation which exists in primitive cultures. The stage of prison “registration” is solving the riddles and the answers determine allocation of a new inmate to a certain prison strata. Analyzing the logical structure of prison riddles the author notes their similarity with Zen Buddhist koans, irrational puzzles used to discipline monks. Using logic algebra logical schemes of prison riddles and Buddhist koans with similar tasks, that is forming a new logical formula, were built. The aim of the koan is to achieve the state of enlightenment called «satori», associated with the synthesis of drug-like substances – endorphins, causing a feeling of euphoria. The release of endorphins is a consequence of the rapid appearance in the mental sphere of a large amount of new organized information, which produces a physiological effect, felt as insight, enlightenment, finding happiness. Koans and riddles of

prison "registration" are built according to similar principles of classical (Aristotle) logic and manifest the phenomenon of cultural homoplasia.

Keywords: penitentiary subculture, prison «registration», Buddhist koans, formal logic, endorphins, «satori» state, cultural homoplasia, brain structures, algebra of logic

Citation: Ponomarev S. B. Prison «Registration», Buddhist Koans and the Laws of Formal Logic. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 168–173 (In Russ.).

Целью статьи является поиск параллелей между двумя культурными явлениями: прохождением ритуала так называемой тюремной «прописки» и решением коанов — используемых при обучении буддийских монахов головоломок. Статья носит теоретический характер и показывает принадлежность пары «тюремные загадки — буддийские коаны» к разряду проявлений культурной гомоплазии — явления, при котором сходные эманации наблюдаются в различных, далеко отстоящих друг от друга (в пространстве и во времени) культурных средах [1].

Общеизвестно, что одной из отличительных черт российских мест лишения свободы является наличие уникального культурного феномена — тюремной (пенитенциарной) субкультуры [2]. По свидетельству исследователей, указанная субкультура обладает такими специфическими признаками, как:

1) сложное неформальное социальное устройство коллективов осужденных, организованное по принципам кастового общества (иерархия социальных страт: «воры» — «мужики» — «петухи» — «черти») [3];

2) непонятный для непосвященного тюремный жаргон (насчитывает около 15 тысяч слов и определений), набор тайных кодов, «ручной семафор» [4];

3) развитая система тюремных архетипов, табу и тотемов [5];

4) специфическая тюремная мифология [6];

5) устное творчество, «тюремная лирика», клятвы, поговорки, молитвы [4];

6) различные предметные проявления (татуировки, рисунки, поделки и т. п.);

7) тюремные обычаи и ритуалы (употребление самодельного тонизирующего напитка «чифир», коронация «воров в законе», «опускание» и остракизм нарушивших тюремный закон и т. п.).

К тюремным обычаям относится и так называемая «прописка» [7; 8], которая представляет собой аналог обряда инициации — принятия нового члена в полноправные члены микросоциума [5]. Это последовательно выполняемая процедура испытания новичков [7]. Любая инициация условно разделяется на три больших этапа: 1) отделение — изъятие неофита из привычной среды; 2) переход — период испытаний и пыток; 3) инкорпорация — включение человека в новую общность с присвоением ему социального статуса [9]. По окончании тюремной «прописки»

выносится решение тюремных «авторитетов» о том, к какой тюремной страте («масти») следует отнести нового арестанта [10]. В целом тюремная «прописка» это проверка на прочность неофита, тест на смекалку и сообразительность, испытание силы воли и способности переносить боль [8].

Одним из этапов «прописки» является процедура отгадывания тюремных загадок. От того, насколько правильно новичок справится с данным заданием, зависит его дальнейшая судьба: если он не даст нужного ответа, то попадает в презируемые касты «петухов» и «чертей», пребывать в которых будет до окончания срока наказания. «Петухи» («опущенные») в тюремной субкультуре — это пассивные гомосексуалисты, используемые для насильственных половых контактов, «черти» — подвергаемые издевательствам и побоям аутсайдеры. Нужно отметить, что большинство тюремных загадок сформулировано так, что с первого взгляда любой ответ ведет к переводу испытуемого в низшую тюремную страту.

Например, вопрос: «Ты едешь на поезде, впереди родная мать и кенты. Кого будешь давить?». Правильный ответ: «Сегодня — кенты, завтра — менты» (другими словами: я никому не доверяю, каждый может предать, любой сокамерник может оказаться стукачом, поэтому буду давить «кентов»).

При анализе этого раздела ритуала тюремной «прописки» нельзя не обратить внимания на его сходство с распространенной в дзен-буддизме процедурой решения специальных задач-коанов [5]. Считается, что коаны — это иррациональные головоломки [11], применяемые при обучении буддийских монахов в целях достижения состояния просветления. В настоящее время в практике японской школы Риндзай насчитывается более 1700 классических коанов. В каждом коане содержится тайный смысл, который должен быть понят учеником для достижения состояния внезапного озарения, мистического просветления [12], называемого «сатори». Известно, что практика решения коанов широко применялась в древней Японии при воспитании самураев, так как позволяла им «отключаться» во время боя, интуитивно, без привлечения разума, принимать верные решения и избегать страха смерти. При этом считалось, что решение даже одного коана может кардинально изменить личность самурая.

Осмысление коана имеет целью вывести человека из привычной логики, изменить восприятие реальности [13]. В целом «коан ставит человека в экстремальную психологическую ситуацию, в которой начинает интенсивно работать его ум: прекращается блуждание, преодолевается ограниченность, совершается выход за пределы разума, и таким интуитивным образом постигается высшая мудрость» [11].

Как правило, коаны представляют собой поучительные истории, мудрые изречения, диалоги в форме вопроса и ответа, парадоксальные высказывания, описание нелепых поступков, загадки [14]. Нас в данном исследовании интересуют коаны-загадки.

Приведем несколько примеров решения коанов.

Вопрос: «Как достать из яблока семечки не прикасаясь к яблоку?». Правильный ответ: «Яблоко упадет на землю и сгниет. Семечки сами выйдут из него в виде побегов».

Вопрос: «Куда девается округлость луны, когда она становится полумесяцем или серпом?». Правильный ответ: «Когда луна имеет вид серпа, округлость присутствует в ней. Будучи круглой, луна также похожа на серп».

Вопрос: «Что такое вечность?». Правильный ответ: «Это текущее мгновение» (т. е. в каждое мгновение мир вечен, и бесконечная последовательность этих мгновений также вечна).

Вопрос: «Что такое самадхи праха?». Правильный ответ: «Рис в чашке, вода в бочке» (другими словами всеобщая гармония мира дает человеку самое необходимое для жизни).

Вопрос: «Где обитает абсолютный Будда?». Правильный ответ: «Нигде» (т. е. если бы он пребывал в конкретном месте, это не был бы абсолютный Будда).

Вопрос: «Вот большой камень. Где он находится: внутри или снаружи твоего ума?». Правильный ответ: «Камень внутри ума» (т. е. по-настоящему просветленный человек не разделяет мир на субъективный и объективный, не отделяет своего ума от Универсума, поэтому весь мир есть воплощение ума и, следовательно, камень находится внутри ума).

Сходство коанов и вопросов тюремной прописки заключается в том, что в том и в другом случае законы формальной (аристотелевой) логики, в соответствии с которыми формулируется вопрос, трансформируются в ходе ответа на некую новую логику, в результате чего рождается новое «Я» участника процесса. Вскрытие сути логического построения коана оказывает мощное психологическое действие на ученика дзен-буддийской школы [15]. Японские приверженцы дзен называют это новое «Я» состоянием «муи» (несотворенное бытие). При процедуре тюрем-

ной «прописки» также рождается новое «Я» очередного сидельца — члена сообщества арестантов.

В плане сравнения вопросов тюремной «прописки» и коанов весьма показательно решение коана «Гусь»: «Некто держал в бутылке гуся. Гусь вырос и уже не мог выйти из бутылки через горлышко. Нужно не разбивая бутылки освободить гуся. Как это сделать?»

Правильный ответ: «Мир, в котором вырос гусь, находится в бутылке. Свобода гуся — это его свобода в его мире (т. е. в бутылке)». Другими словами, гуся доставать из бутылки не надо, он свободен и так, ибо мир, в котором он вырос, — мир внутри бутылки — и есть область его свободы.

А теперь сравним этот коан с вопросом тюремной «прописки»: «Как сбежать к родному дому, не пересекая „запретки“ (пробороненной полосы земли, расположенной по периметру колонии)? Правильный ответ: «Тюрьма — мой дом родной».

Несмотря на то что многие специалисты считают, что для коанов свойственны абсурдность и алогичность [11], по мнению автора статьи, смысл решения коана — это пробуждение ассоциаций, поиск тайного смысла, разгадка скрытой логики рассказа. Исходя из этого можно утверждать, что для решения коана пригодны приемы формальной (аристотелевой) логики. Приведем несколько примеров.

1. Коан «Ты — Будда»

В Токио, в эру Мейдзи, жили два известных учителя дзена. Учитель из школы Сингон по имени Унто, скрупулезно соблюдал заповеди Будды. Другой учитель, профессор философии по имени Тандзан не отличался достойным поведением. Однажды Унто пришел в гости к Тандзану, который в это время пил sake. «Приветствую тебя, — сказал Тандзан. — Не хочешь ли выпить?» «Я никогда не пью спиртное», — ответил Унто. «Кто не пьет sake, тот не человек», — сказал Тандзан. «Как! Ты не считаешь меня человеком потому, что я не употребляю этот яд? — закричал Унто. — Если я не человек, то кто же я?» «Ты — Будда».

Решение коана:

$$(\forall A \in \{B\}, \{\bar{B}\} \equiv \{\bar{C}\}, X \notin \{B\}) \rightarrow X \notin \{C\} \rightarrow \in \{\bar{C}\} \rightarrow X \neq A \rightarrow X = D,$$

где A — человек;

$\{B\}$ — люди, пьющие спиртное;

$\{C\}$ — люди;

X — мастер Унто;

D — Будда;

$\forall$ — квантор «любой»;

$\in$ — знак принадлежности;

$\rightarrow$ — логическое действие «если ... то»;

$\equiv$ — знак тождества.

2. Коан «Хлопок одной ладонью»

Настоятелем храма Кеннин был учитель Мокурай. У него был ученик по имени Тойо, которому Мокурай поручил описать звук хлопка одной ладонью. Тойо приступил к решению коана. В первый день он услышал из окна музыку гейш. И когда учитель попросил показать хлопок одной ладони, ученик начал играть на сямисэне. «Нет, — сказал наставник, — это не хлопок одной ладони». Целые сутки Тойо пребывал в медитации, во время которой он слышал, как капает вода. И на следующий день, появившись перед Мокураем, Тойо начал лить воду из сосуда. Это также оказалось ошибкой. Далее были: шум ветра, крик совы, шелест лепестков сакуры и прочее. Все это оказалось неверным. Целый год Тойо решал трудную задачу. Наконец, он достиг просветления и преодолел пределы звуков. Он понял, что хлопок одной ладони — это звучание тишины.

Решение коана (в формальной логике используемый подход называется законом контрпозиции):

$$(A \rightarrow B) \rightarrow (\bar{A} \rightarrow \bar{B}),$$

где

A — движение двумя ладонями;

B — звук хлопка;

$\bar{A}$ — движение одной ладони («отрицание» движения двумя ладонями);

$\bar{B}$ — тишина («отрицание» звука);

$\rightarrow$ — логическое действие «если... то ».

Вопрос: «Что будешь есть: мыло со стола или хлеб с параша?» (другими словами, кем ты будешь в заключении — «чертом» или «петухом»). Можно представить в виде следующей формулы, написанной символами формальной логики:

$$(X \in \{A\}) \vee (X \in \{B\}) \rightarrow X \in \{C\},$$

где X — испытуемый, объект тюремной «прописки»;

$\{A\}$ — люди, которые едят мыло со стола;

$\{B\}$ — люди, которые едят хлеб с параша;

$\{C\}$ — люди, принадлежащие к низшей тюремной страте («петухи», «черти»);

$\in$ — знак принадлежности;

$\vee$ — знак дизъюнкции (логическое действие «или»);

$\rightarrow$ — логическое действие «если... то ».

Как мы видим, при любой альтернативе (вариант $(X \in \{A\})$ (есть мыло со стола) или $(X \in \{B\})$ (есть хлеб с параша) выполняется логическое действие $\rightarrow$ «если ... то». Иными словами, как бы ни ответил испытуемый, принимая логику вопроса, он автоматически переводится в касту «отверженных» ($\{C\}$). Цель решения данной загадки заключается в том, чтобы изменить логическую конструкцию в пользу отвечающего. Правильный ответ в данном случае «Стол

не мыльница, параша не хлебница» (т. е. в тюремной жизни я не буду себя вести, как «черт» или «петух»). Логическая формула:

$$((X \notin \{A\}) \wedge (X \notin \{B\})) \rightarrow X \in \{\bar{C}\}.$$

Как видим, творчески подойдя к решению, испытуемый предлагает сокамерникам новое логическое построение, где действие дизъюнкции ($\vee$) заменяется на конъюнкцию ($\wedge$), что приводит, в результате, к неотносению испытуемого к низшей касте тюремного общества ($X \in \{\bar{C}\}$).

Естественно, победить в этих «играх разума» имеет больше шансов тот, кто заранее знает ответы на предлагаемые загадки (в японском дзен-буддизме такие стандартные ответы называются «дзякуго»). На тюремные загадки также лучше ответит человек, заранее знающий их решения, имеющий тюремный опыт и глубоко вовлеченный в криминальную субкультуру.

Причиной сходства буддийских коанов и тюремных загадок, по нашему мнению, является феномен культурной гомоплазии [1] — явления, при котором в таких разных культурных образованиях, как российская тюремная субкультура XX в. и средневековая восточно-азиатская культура дзен-буддизма, возникли подобные по задачам, структурам и предлагаемым решениям конструкты. Объясняется это похожими целями инициации (проверка испытуемого на силу воли, целеустремленность, догадливость, умение погружаться в поиски решения), направленными на выявление пригодности человека к новым условиям жизни. Еще одно условие инициации — рождение новой личности в новом мире (вхождение в круг избранных в дзен-буддизме, обретение «масти» в тюремном сообществе). И (пожалуй, самое главное) причиной подобия тюремных загадок и буддийских коанов являются единые законы человеческого мышления, основанные на правилах формальной (аристотелевой) логики.

Как было сказано, в момент раскрытия истинного содержания коана у испытуемого возникает состояние измененного сознания, озарения, называемое «сатори» [12]. Дзен-буддисты сравнивают сатори со вспышкой молнии и считают, что это — открытие пути к обретению высшей мудрости, интуитивное проникновение в природу вещей [16], вхождение ученика на стезю отречения от собственного «я» [17]. Считается, что переживание сатори меняет психику таким образом, что испытуемому открывается путь к полному отторжению от реального мира — нирване, достижение которой и является конечной целью цепочки перерождений личности в буддизме [18].

С точки зрения нейрофизиологии, явление «сатори» сродни состоянию, возникающему при физиологическом явлении смеха (это хорошо продемонстри-

ровано, в частности, в коане «Просветление Ко-Бонга») [19]. Известно, что смех связан с выбросом в кровеносное русло ряда веществ, среди которых особое место занимают наркотикоподобные гормоны — эндорфины, ответственные за положительные эмоции, снижение болевого порога, потерю ориентации, появление эйфории. Считается, что состояние смеха достигается путем когнитивных трансформаций, которые заключаются в подмене взаимозаменяемых семантических компонентов сценарных фреймов в предлагаемом рассказе, анекдоте, ситуации [20].

Общим для всех видов анекдотов является то, что они связаны с особенностями прохождения информации через сознание человека и последовательного возбуждения различных отделов головного мозга [21]. Известно, что смех контролируется двумя системами передачи нервных импульсов. Первая включает подкорковые образования — миндалевидное тело, таламус, гипоталамус, а также дорсальную часть ствола головного мозга. Вторая затрагивает возбуждение премоторной области лобной коры, моторной коры, пирамидного тракта и вентральной части ствола головного мозга.

Исследования показали, что во время смеха резко снижается активность левого полушария головного мозга, отвечающего за логическое мышление. И активизируется правое полушарие, отвечающее за абстрактное мышление. В состоянии смеха человек на короткое время оказывается неспособным критически оценивать реальность. Возникает состояние, сходное с трансом или наркотическим воздействием, резко снижаются связь с окружающей действительностью, болевой порог, учащается дыхание и сердцебиение. Суть состоит в двухуровневом восприятии единого плана выражения, при котором происходит столкновение двух смыслов единого рассказа [22], моментальное поступление в мозг большого объема новой информации, вызывающее внезапное озарение и порождающее смех.

Техника решения задач тюремной «прописки» также заключается в том, чтобы, как это делается в буддийской практике при решении коанов, отступить от навязываемого условиями задачи формально-логического мышления и одновременно создать свою логику, с одной стороны, отличную от

логики предлагаемой загадки, с другой — являющуюся ее продолжением.

Как видно из приведенного анализа, структура поиска правильного ответа на задаваемый вопрос является общей для дзен-буддийских коанов и вопросов тюремной «прописки». В обоих случаях требуется построение новой логической конструкции. Как отмечают В. Я. Семке, С. И. Гусев и Г. Я. Снигирева, «прописка» напоминает испытания на религиозную просветленность, требуя регрессии сознания [23]. С честью пройти подобное испытание способны находчивые, смекалистые люди либо те, кто заранее знает стандартные ответы на вопросы тюремной прописки.

Сформулируем некоторые выводы.

1. Элементы ритуала прохождения «тюремной прописки» и решение дзен-буддийских коанов имеют сходные черты и представляют собой примеры реализации феномена культурной гомоплазии. Коаны и загадки тюремной «прописки» построены по одинаковым принципам классической (аристотелевой) логики.

2. Мнение о том, что коаны представляют собой лишённые логики, иррациональные и абсурдные головоломки, является спорным. Основная задача разгадывания коана состоит в синтезе нового логического построения либо в открытии скрытой в коане логики. В результате решения ученик овладевает новым уровнем познания окружающего мира, что вызывает появление спектра положительных переживаний, обозначаемого адептами дзен-буддизма как «сатори».

3. Состояние «сатори» связано с синтезом эндорфинов (так называемых «гормонов счастья», образующихся в гипофизе). Выброс эндорфинов — следствие быстрого возникновения в ментальной сфере большого объема новой организованной информации, мысленного овладения индивидом новым знанием. Увеличение концентрации эндорфинов в организме производит физиологический наркотический эффект, ощущаемый как озарение, просветление, обретение счастья.

4. В работе впервые с использованием положений алгебры логики построены формулы решения ряда тюремных загадок и буддийских коанов. Показано, что эти решения представляют собой синтез новых логических конструкций.

Список литературы

1. Пономарев С. Б., Пономарев Д. С. Феномен культурной гомоплазии // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 7.
2. Тищенко Н. В. Тюремная субкультура: понятие, характеристика, особенности // Вестник СГТУ. 2013. № 2(70).
3. Пономарев С. Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем. Ижевск, 2017.

4. Лысак И. В., Черкасова Ю. Ю. Тюремная субкультура в России. Таганрог, 2006.
5. Пономарев С. Б. Анализ триады «архетип-тотем-табу» в пенитенциарной субкультуре. Ижевск, 2021.
6. Письменный Е. В. Социокультурная сущность и динамика мифологии тюремно-воровской субкультуры : автореф. дис. ... канд. культурол. наук. Челябинск, 2012.
7. Кузьмин С. И., Малетина Е. А. Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе // Вестник института: преступление, наказание, исправление : научно-практический журнал. 2019. № 1.
8. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. Психология подростковой преступности. М., 2000.
9. Кон И. С. Любовь небесного цвета. М., 2001.
10. Тищенко Н. В. Интерпретация тюремной субкультуры в отечественной художественной культуре. Саратов, 2012.
11. Широкова Л. М. Природа парадокса (постановка проблемы) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3.
12. Майданов А. С. Коаны чань-буддизма как парадоксы // Противоположности и парадоксы (методологический анализ). М., 2008.
13. Самохвалова В. И. Психотренинг в дзэнских искусствах как отражение космологии дзэн // Ориентиры... М., 2001.
14. Куцуки С. Практика дзен. Железная флейта. 100 коанов дзена. М., 2017.
15. Казаков А. Н., Якушев А. О. Логика-1. Парадоксология. Ижевск, 1999.
16. Судзуки Д. Т., Кацуки С. Дзэн-буддизм: Основы дзэн-буддизма. Практика Дзэн. Бишкек, 1993.
17. Хамфриз К. Дзэн-буддизм. М., 2002.
18. Судзуки Д. Т. Практика коанов как путь к реализации сатори, или достижению просветления // Очерки о дзэн-буддизме. СПб., 2004.
19. Дзен-карты с коанами: Подсознание, ответы из бесконечности. Целый мир — один цветок. М., 2022.
20. Калининцева М. О. Актуализация категории комического в тексте типа «анекдот» на испанском языке: лингвокогнитивный аспект : дис. канд. ... филол. наук. Пятигорск, 2013.
21. Wild B., Rodden F. A., Grodd W., Ruch W. Neural correlates of laughter and humour // Brain. 2003. Vol. 126.
22. Диасамидзе Л. Текстипологическая интерпретация жанра «анекдот» (на материале английского, его американского варианта и грузинского языков) : дис. д-ра филол. наук. Тбилиси, 2013.
23. Семке В. Я., Гусев С. И., Снигирева Г. Я. Пенитенциарная психология и психопатология. М., Томск, Кемерово, 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

- рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

- рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

- материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

- исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

- материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

- manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

- manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

- materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

- researches covering foreign scientific juridical thought;

- materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)30-12-01 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)30-12-01 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- уголовное наказание и преступность
- особенности причинного комплекса семейно-бытовой преступности в России
- природа молодежного экстремизма
- проникновение в жилище для производства осмотра

Право и государство

- административная ответственность сотрудников оперативных подразделений за невыполнение требований прокурора
- стадия возбуждения уголовного дела: необходимо реформирование

Философский инструментарий

- эпистемические добродетели ученого: к постановке проблемы
- русский этнос и формирование политической нации

а также

- административные правонарушения несовершеннолетних: причины и способы минимизации
- теодицея как теолого-политическая проблема
- другие материалы

